

Не въ силаѣ Богъ, а въ правдѣ.

**ПОМНИТЕ,
ЧЬЁ ИМЯ НОСИТЕ!**

АЛЕКСЕЙ М. ЕРМАКОВ

Содержание книги
(окончательная версия № 2 с дополнениями).

Предисловие	4
ГЛАВА 1 Я – кадет Алексей Михайлович Ермаков. – Кадетский долг. – Вечная благодарность. – Русский кадетский корпус на чужбине. – Кадетский наказ.	6
ГЛАВА 2 Великий князь Константин Константинович Романов. – Кадету (сонет).	12
ГЛАВА 3 25-летие XII Зарубежного Общекадетского Съезда (историческая справка, автор Игорь Андрушкевич).	13
ГЛАВА 4 1991 год. – Мать Россия. – На всё воля Господа! – Для чего возвращаться к старому? – Педагогические принципы системы К.Д. Ушинского в изложении полковника-суворовца Евгения Павловича Исакова.	19
ГЛАВА 5 Отечественная история. – Основные принципы воспитания военной молодёжи.	26
ГЛАВА 6 Первая кадетская встреча в России в 1992 году.	48
ГЛАВА 7 Мои родители в изгнании. – Детство трёх братьев в Новом Пазаре, в Югославии.	56
ГЛАВА 8 Кадетский корпус.	69
ГЛАВА 9 Вторая мировая война.	83
ГЛАВА 10 Пасхальные каникулы.	92

ГЛАВА 11 Вена.	98
ГЛАВА 12 Прощай, Европа (1949 год).	110
ГЛАВА 13 Первые дни в Америке. – Поиски работы.	112
ГЛАВА 14 Мой первый автомобиль.	115
ГЛАВА 15 Не было счастья, да несчастье помогло.	116
ГЛАВА 16 Георгиевский кавалер.	118
ГЛАВА 17 Лето счастья.	122
ГЛАВА 18 Продолжение образования в Пратт институте. – Знакомство с Кейко. – Женитьба. – Свадебное путешествие в Японию.	125
ГЛАВА 19 Переезд из Нью-Йорка в Калифорнию. – Работа, творчество в фирме Скидмор-Овингс-и-Мерилл-архитектс. – Рождение детей. – Жизнь в Америке и Японии. – Развод. – Кадетская семья. – Центр Кадетской Связи. – Возрождение кадетских корпусов в России.	138
Послесловие ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ВЕЛИКОМУЧЕНИКАМ! ЗА ВЕЛИКУЮ, ЕДИНУЮ И НЕДЕЛИМУЮ РОССИЮ! Кладбище кадет – фотографии.	153

Предисловие

Наверное, более ярко и с большим правом представить эту книгу читателю мог бы кто-нибудь из видных деятелей русской эмиграции или кадетского-суворовского-нахимовского движения. Но Алексею Михайловичу Ермакову хотелось, чтобы это сделал человек как бы со стороны, с достаточно объективным взглядом на историю и события, при этом учёный, историк или социолог. Поэтому он и обратился ко мне. Думаю, что наша с ним более чем 25-летняя дружба и тесное общение вполне могут компенсировать тот факт, что я специально не занимался историей русской эмиграции и кадетского движения.

Биография Алексея поразительна своим масштабом, наполненностью историческими и эмоционально-личностными событиями, глубокими раздумьями о судьбе своей семьи и Родины. Она соединяет в себе совершенно разные эпохи и социальные слои: жизнь Белой эмиграции в Югославии и Вторая мировая война глазами подростка, послевоенная оккупированная Германия и золотой век Америки глазами юноши, подъём Японии, её экономическое чудо и Холодная война глазами зрелого человека, распад СССР, воссоздание кадетских корпусов в России и многие другие мировые события глазами человека, умудрённого богатым жизненным опытом.

Жизнь то благоволила к Алексею, то безжалостно била, то поднимала его, то бросала вниз. Он родился в состоятельной семье русского врача. Счастливое детство, любящая, уважаемая всеми семья, большой дом со слугами, великолепная природа, игры со сверстниками и обучение в кадетском корпусе. Всё это, казалось, прочное и вечное, разрушила и разметала война. Состоятельная, образованная и работающая семья превратилась в нищих эмигрантов с отцом-инвалидом в разорённой Германии. Затем был переезд в США, куда семья приехала, имея в кармане всего шестьдесят долларов. Дальше – работа, учёба и очередной взлёт: международные дизайнерские проекты в крупнейшей архитектурной фирме, бизнес в Америке и Японии, огромная конная ферма по выращиванию скаковых лошадей в Калифорнии. Но и это не оказалось вечным, уступив место новому этапу в жизни Алексея. Вместо бизнеса основным делом его жизни стало возрождение кадетского движения в России, воспитание нового поколения российских детей в традициях беззаветной любви к Родине и служения ей.

Через все эти этапы долгой, интересной и насыщенной событиями, людьми и чувствами, жизни вы сможете пройти, прочитав эту книгу, наполненную исторической правдой и живыми деталями быта, разделяя мысли и чувства автора.

Однако, главная цель книги – не обычные мемуары. Алексей писал её, чтобы через события собственной жизни поведать о другом – о своём кадетском мировоззрении, впитанным им в

детстве при обучении в Первом Русском Великого Князя Константина Константиновича кадетском корпусе в Югославии. На протяжении всей жизни Алексей чувствовал, что это воспитание определяет его самые важные решения и судьбоносные выборы. Через всю свою жизнь он пронёс чувства долга, воинского братства и преданности Родине. Этот опыт не должен был пропасть всуе, ему нужно было послужить во благо Отчизны, поэтому с такой огромной самоотдачей Алексей взялся за воссоздание кадетских корпусов в России, где после Перестройки это стало возможным. Эти же благородные чувства побудили его написать книгу, которая лежит сейчас перед вами.

Я оказался свидетелем начала этой работы. Вместе с Алексеем мы ездили по России в 1991 году, встречались с деятелями культуры и представителями суворовско-нахимовского движения, а также с учёными, военными и политиками. Практически все с энтузиазмом поддерживали идею воссоздания российских кадетских корпусов, и многие готовы были помогать в этом важном деле. Конечно, по объективным причинам не всё удалось осуществить.

А планы у Алексея были масштабные. Ранее в своей жизни он долго жил в Японии, при этом хорошо знал и любил японский народ и его культуру. Ему хотелось гораздо более тесного взаимодействия русской и японской культур, он верил, что мы можем почерпнуть очень многое из обмена традициями двух великих стран. Поэтому значительная часть усилий Алексея была направлена на расширение культурного моста между Россией и Японией. К сожалению, эти усилия не принесли результатов: как раз в этот момент рассыпался Советский Союз, и сделанные в этом направлении политические заделы превратились в пыль. Жаль. Но важно отметить: это не было главным для Алексея.

Главным делом его жизни было воссоздание кадетских корпусов в России, и это дело, во многом благодаря его неустанным заботам и усилиям, начало крепнуть и развиваться. Уже через несколько месяцев после этой поездки в России был создан первый кадетский корпус – в Новочеркасске. За ним последовали другие. Алексей много раз приезжал в Россию, подолгу жил в разных городах, встречался с юными кадетами, офицерами-воспитателями и преподавателями, стараясь передать им кадетские традиции отношения к долгу и любви к Отчизне. Когда возраст и здоровье стали препятствием к далёким поездкам и личным встречам, он решил написать эту книгу.

Я думаю, что эта книга может много дать молодым кадетам России, да и вообще всему подрастающему поколению. Моральные принципы и традиции всегда были очень важны, но сейчас они важны вдвойне, в связи с потерей идейных ориентиров в современном обществе. Нужно знать, каковы были традиции, как жили люди, воспитанные в этих традициях, к чему они пришли в результате своей жизни. Только тогда можно сделать нужные для себя и своей совести выводы. И ещё нельзя упустить из виду, что эта книга содержит интереснейший исторический материал, данный из первых рук и, несомненно, будет полезна многим исследователям.

Виктор Рубель,
доктор гуманитарных наук

ГЛАВА I**США**

Я – Алексей Михайлович Ермаков, вечный кадет Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса.

Мне исполнилось 89 лет, и у меня есть непреодолимое желание подытожить прожитые периоды моей долгой жизни. Цель этого – посмотреть на себя со стороны, с самого начала сложной, но весьма интересной жизни, в которой я переживал взлёты и провалы. Анализируя прошлое, хочу быть строгим судьёй над самим собой, как на исповеди, покаяться в своих грехах – вольных и невольных, твёрдо веря в прощение Господа и в ниспослание Его Святой Любви и милости к нам, грешным.

По всей вероятности, такие чувства поглощают людей в старческом возрасте, перед тем, как им предстоит переселиться в лучший мир. Сам факт приближения этой последней станции «вылезай-ка» не страшит моё сознание, наоборот, чувство тихой радости заполняет меня. Я предчувствую желанный переход в мир, где нет забот, болезней, печали, распрей, войн, террора, коррупций и олигархов, без которых человечество не умеет и не хочет жить. Там, где преобладает одна святая любовь, я найду своих родителей, родных и предков, найду построения братьев кадет с офицерами-воспитателями, найду моего лучшего друга, суворовца-полковника Женю Исакова, там над всеми нами «Бог нам генерал»! (так говорил сам великий Суворов). Я твёрдо верю, что существует лучший мир, где процветает благодать, от этого мне становится легче и спокойней на душе!

Я снова и снова задаю себе вопрос: зачем писать эту повесть? Кому это будет нужно прочесть? Я уверен, молодым кадетам России будет полезно прочитать повесть старого кадета, воспитанного в изгнании, на традициях русской вековой системы. Именно теперь, когда в воздухе запахло третьей мировой войной, и мир переполнен политическими проблемами и актами терроризма, России необходимо восстановить свой исторический, Богом указанный путь. Наш идеал - Святая Русь! Как бы сложно этого нам не достигнуть! Только в возвращении к своим истокам, обращении к духовным традициям и вечным ценностям тысячелетней России, мы будем способны обрести твердый фундамент для возрождения и защиты могущества нашей великой Державы.

Начать надо с самого себя, изучая свое прошлое и находя в нём свои глубинные корни – ведь без корней древу не выжить! Корни должны быть русскими и здоровыми, тогда древо зацветёт, будет плодоносить, и радовать трудолюбивого хозяина, ухаживающего за ним с терпением, любовью и достоинством. Но, бывают сорняки-паразиты, которые следует без промедления выпалывать, чтобы они не погубили все живое и здоровое на собственной земле.

Молодому поколению важно быть глубоко знающим, мудро разбирающимся во всех проблемах личных и общественных, понимающим и любящим честный труд. От хорошо подготовленной молодёжи зависит будущее России. Сложный и тяжёлый труд предстоит

молодому поколению – очистить Отечество от олигархов, беспринципных иноземных дельцов и коррумпированных чиновников, засидевшихся на многих ответственных постах в правительстве. Их главнейшая задача – остаться чистыми не податься коррупции и бесконечно любить и верно служить своей Родине.

Мой прямой кадетский долг – отдать честь и глубокую благодарность кадетскому корпусу, возрадившему в изгнании русскую молодежь. Опыт и мысли старого кадета пригодятся молодым кадетам, как нужное пособие в поисках осмысленного понимания уникального феномена живучести русского кадетства во всей своей истории. Несмотря на все трудности воспитания на чужбине, вдали от любимой Родины, воспитание кадет продолжалось по системе, взявшей своё начало в Петровской России. Преемственность поколений сработала на славу! Кадеты императорской России так же, как и кадеты зарубежья, твёрдо стояли за принципы: веры православной, идеалов духовной нравственности, за бесконечную преданность и любовь к Отчизне и Престолу.

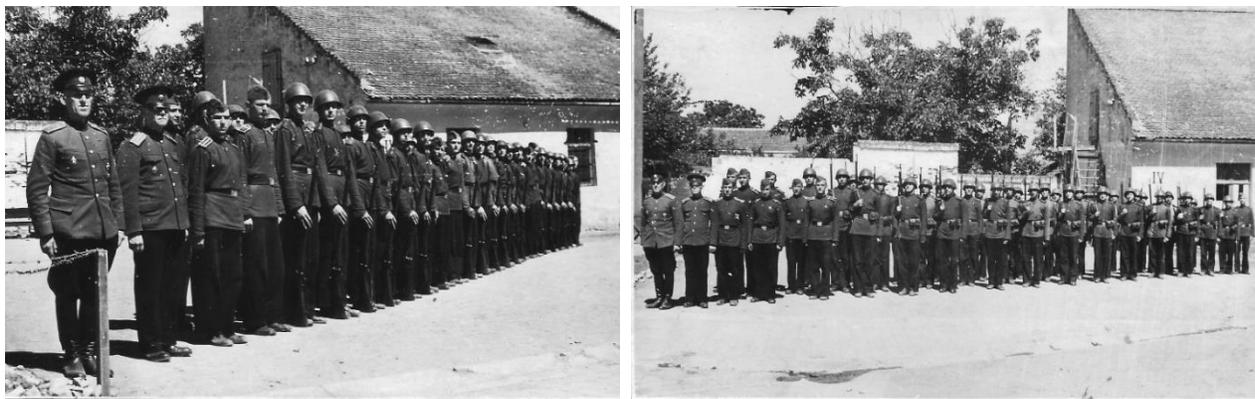
Вечная благодарность нашим офицерам-воспитателям за их великий подвиг службы, которую они пронесли, не нарушив данной ими присяги. За их преданность системе военно-патриотического воспитания русской молодёжи. Земной им поклон за умелый и примерный труд по выковыванию в кадетах качеств: твёрдости духа, характера, чести, товарищества, доверия и ответственности. Эти навыки, приобретенные в стенах любимого корпуса, были восприняты родителями кадет с большой благодарностью. Они твердо верили, что скоро вернуться домой, им нужно было сохранить русское воспитание и образование для своих чад. Корпус им позволил не поддаваться ассимиляции!

Нынешним офицерам-воспитателям будет полезно прочесть рассуждения и мысли, написанные зарубежными кадетами, многие из которых не успели закончить корпус из-за войны, включая и автора сего писания. Но, он и его братья-однокашники успели заложить для себя в кадетском корпусе мощнейший фундамент, на котором честно и успешно строилась их дальнейшая жестокая жизнь на чужбине. Они никогда не забывали самый главный наказ, приобретённый в корпусе: **ПОМНИТЕ, ЧЬЁ ИМЯ НОСИТЕ !**

Мы с гордостью несли имя России, а на погонах вензель **КК с короной**, имя шефа корпуса **ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАТНОВИЧА – ОТЦА ВСЕХ КАДЕТ.**

Я опишу внутренний быт в кадетском корпусе, так как это было пережито мной. Расскажу о взаимоотношениях с воспитателями и самих кадет между собой. Расскажу об учебной программе, которая включала закон Божий, устав, традиции, строевые занятия, работы в кружках, препровождение свободного времени – всё это вместе взятое даст картину кадетского воспитания за рубежом и укажет, каким чудесным способом система сработала, сохранив свои русские корни. Как чутко и бережно, на протяжении всего времени существования корпуса происходило возвращение молодого поколения патриотов России, хранившего дисциплину и кадетский боевой дух.

Кадеты старшей роты Его Высочества были вооружены винтовками, и были готовы пойти на подвиг положить жизнь свою за Отечество. Сразиться хоть с чёртом, но спасти от лютого врага свою порабощённую Родину, и свой многострадальный народ.

Первая рота – строевые занятия с винтовками.

Русский кадетский корпус на чужбине.

Наш корпус, избежав крушения,
 В своем изгнании двадцать лет
 Стоит на страже просвещения
 И воспитания кадет.
 Прямой и честной директивой,
 Немало победив невзгод,
 Он шёл к прогрессу каждый год,
 Маяк Отчизны сиротливой.
 Жива в нем Русская Земля:
 Музей, и зал, и вид Кремля,
 Здесь о России говорят
 Девизы, русские картины,
 Во имя Князя Константина
 К добру стремления горят.
 Встречая ласку и поныне
 Югославы на их земле,
 Хранит он память, как святыню,
 О приютившем Короле.
 И верит он: повеет новью,
 Ряды кадет на Русь пойдут
 И честь молитвой и любовью
 Гнезду родному отдадут.

Полковник П. Барышев.

Без сомнения, сегодняшние кадеты-патриоты постоят за возрождённую Россию, и будут защищать своё Отечество до последней капли крови от врагов как внешних, так и внутренних. Так это делали их братья в императорских кадетских корпусах, этот дух кадетский должен гореть в каждом сердце кадета до конца его жизни!

Молодым защитникам и строителям новой мощной России передаю **ЗАВЕЩАНИЕ ОТ ВЕЧНЫХ КАДЕТ**: Объединенными усилиями очистить Отечество от олигархов, сионистов, воров, жуликов, «специалистов»-банкиров, продажных политиков, нечестных дельцов-чиновников и пятой колонны в правительском аппарате. Многострадальный народ заслуживает лучшей доли, чем горькая и сложная участь нищенского прозябания и бесконечного терпения ошибок правителей-глобалистов, начальников и чиновников.

КАДЕТСКИЙ НАКАЗ требует воссоздать Отчизну – свободную, честную, культурную, мощную, достойную своей великой истории. После генеральной чистки в стране и в правительстве – народ заживёт праведной, счастливой и духовно-богатой жизнью.

Начинать надо с молодёжи во всём государстве – с единой для всех военно-учебных заведений правильной системы воспитания и образования. Воспитывать в оных только молодёжь мужского пола, не смешивая их с женским полом. Министерство Обороны создало идеальный Пансион в Москве, в котором девушки получают воспитание и образование по особой программе, предназначенной только для девушек. УРА! Наконец, начальство сделало историческое решение, по которому будут следовать и другие Пансионы по всей Матушке России - отличный пример уже на лицо! Каждый патриот России должен беречь как зеницу ока свою Отечественную систему воспитания и образования, не заимствуя у враждебного запада опасные для нашей страны – безрассудные реформы!

Олигархи и пятая колонна направляют все свои усилия на внедрение чуждых нам элементов обучения в наши учебные заведения. Они предпочитают обучать свою молодёжь за границей, создавая там нужную себе смену паразитов на шее государства Российского. В наших школах уже повсеместно введена система ЕГЭ, скопированная с запада. Низкопоклонство перед западом практикуется в высших эшелонах Министерства Образования, с разрешением которого был создан учебник истории на деньги **Сороса**. Этот учебник является полной фальсификацией исторических фактов, но он же был одобрен для обучения в школах Министерством Образования!? **Это является прямой изменой Родине!**

К большому сожалению, в русском характере существуют увлечения западными достижениями, начало этому было положено ещё в Петровские времена. Потеря русского лица завершилась в советском периоде, когда уничтожались вера православная, родовые корни и историческое самосознание народа. Тогда создавался новый тип человека-космополита, мечтающего о мировых революциях. Привитые извне чужими умами, разрушающие русскую культуру, идеологии Маркса, Ленина, Троцкого с их собратьями засорили мозги русской интеллигенции, одурачили простой народ пагубными, злостными

лозунгами и устроили кровавую революцию путём неслыханного террора. К несчастью, эта болезнь «советикус» полностью не изжита по сей день, многие из старшего поколения болеют этой напастью, не сознавая, что первейшая цель врага была и есть уничтожение нашей России. **Враг тогда шёл и продолжает наступать разными путями: интернационализма, коммунизма, капитализма и псевдодемократии, всегда с одной и той же целью – полного мирового господства еврейским богом-избранным народом, от которой он не отступил ни на шаг!**

Даже, Сталин в 1943 году сообразил, какая опасность грозит Отечеству от иностранной напасти, и он почистил от них правительство. Он же создал Суворовские и Нахимовские училища **«по подобию императорских кадетских корпусов»**, несмотря на то, что он их первоначально безжалостно уничтожил.

Враги нашей культуры осмысленно упрощают классический русский язык, загрязняя его иностранными словами и жаргонизмами. Стоит прислушаться к ТВ передачам из России, к их бездарным программам, с резкими громкими дебатами, поливающим друг друга грязью политиков. Всё становится предельно ясным – под чьим управлением эфир этих станций уже находится. Такие упущения приведут, в конце концов, к потере нашего Отечества, к чему враги наши – интернационалисты так страстно и усиленно стремятся.

Мировые капиталисты, масоны и сионисты скупили за бесценок и завладели важнейшими предприятиями по всей нашей стране (с помощью 5-ой колонны), действуя по известному интернациональному плану 300-ёх сот, преследуя исключительно цель мирового господства.

Уже не скрывается проект на просторах пяти губерниях южной Украины. Где в Днепропетровске будут устанавливать **новый небесный Иерусалим**, куда переселят государство **Израиля**. В дальнейшем их аппетиты нацелены на **Крым, Сочи и на побережье Черного моря!**

Проникновение в государственные аппараты противостоящих стран, и экономический обвал их - составляют метод действий еврейского капитала, покупающего всех и вся!

С Божьей помощью патриотам России надо усиленно готовиться к подвигу спасения Отечества. Стоять на страже и быть готовыми отразить врагов – мировых капиталистов, в лице западной коалиции демократических государств. Но прежде всего требуется искоренить врага внутреннего – олигархов, глобалистов и пятую колонну у себя дома!

В Президентских кадетских училищах процветает чуждое для нас влияние, внедрённое по недомыслию или, скорее, по злему умыслу. Офицеров-воспитателей там не существует, символа чести - погоны - на плечах не носят, военной формы вообще нет, воспитанники ходят без строя в штатском – называть их кадетами нельзя! Кадетского военного духа в училищах не найти, директорами и воспитателями назначаются женщины.

Становится предельно ясным, что цель врагов – первым делом выкорчевать в кадетских корпусах веками существующий дух православного воина. Лютый враг стал

ещё коварней! Крайне недопустимо в Суворовских училищах и кадетских корпусах совместно обучать по одной и той же программе оба пола воспитанников.

Не подобает обучать девушек маршировать гусиным шагом в смешанном строю, в коротких юбках, на высоких каблуках, на парадах носить на плечах аксельбанты и вплетать в причёски детские банты. Вообще при таком методе обучения девушки потеряют свою женственность, со временем они переймут от кадет мужское начало – их манеры станут грубыми, что девушкам полностью во вред! Ещё опасней размещать молодых юнцов и девушек под одной крышей, как это делается в некоторых Суворовских училищах и кадетских корпусах. В таком возрасте подобное общежитие к добру не приведёт!

Такая модернизация чем-то напоминает печальные эксперименты со свободной любовью, проделанные ещё в самом начале коммунизма, где цель была – **разрушить сильную структуру семьи**. Сегодня пятая колонна преподносит те же идеи – **разрушение семьи, только под другим соусом?**

Пока ещё не поздно, требуется от государства полностью изменить систему воспитания и образования для девушек! Во всей стране необходимо возродить систему отдельных пансионатов для девиц, как это сделало Министерство Обороны в Москве, с уклоном современного профессионального обучения. Природой предназначенное материнство является долгом и главной задачей жизни для каждой русской девушки. Государство должно обеспечить лучшее воспитание и образование для будущих матерей в благополучных, многодетных и счастливых семьях. Домашний очаг и уют без счастливой, любящей **МАМЫ** невозможен!

Поправив эту недопустимую ситуацию, государство справится с большой проблемой - убывающим количеством и качеством своих граждан во враждебные западные страны!

Как доказательство того, что внутренний враг не дремлет и нацелился на уничтожение образцовых, более 20-ти лет тому назад возрожденных кадетских корпусов: первенца – **Донского императора Александра III** в Новочеркасске, а также **Михайловского** в Воронеже.

Местные чиновники, не понимающие и не имевшие опыта в воспитании военной молодежи, требуют изменений в программах обучения и смену корпусного персонала. Уже сменили вторично всеми уважаемого создателя и директора Воронежского кадетского корпуса полковника Александра Голомёдова. Пятая колонна и коррумпированные чиновники стараются корпус закрыть, дабы приобрести этот участок земли для своих собственных шкурных целей. А ведь совсем недавно образцовое воспитание кадет в этих корпусах было примером для всех остальных. В этих корпусах никто не выдумывал нового велосипеда, закон Божий был в программе обучения на первом месте. Системы там прекрасно сработали по испытанным веками традициям, на радость родителям и на пользу государству Российскому.

ГЛАВА 2

ОТЕЦ ВСЕХ КАДЕТ – ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ РОМАНОВ, наказывал нам жить, служить и творить **«ВО ИМЯ ДОБЛЕСТИ ДОБРА И КРАСОТЫ»**. Этот девиз стал путеводной звездой в моей бурной жизни.

Я уверен, что он послужит спасательным маяком молодому поколению кадет сегодняшней России, указывая им на вернейший и самый правильный путь высокого и честного служения Отечеству. **Отец всех кадет** являлся в системе кадетского воспитания величайшим примером для офицеров-воспитателей, педагогов и самих кадет. Его светлый облик призывал и продолжает призывать кадет к жертвенному подвигу. Этот дух, заложенный с детских лет, необходимо возродить в кадетских сердцах и сегодня. Россия нуждается в героях - патриотах в сложное и опасное время надвигающейся войны. **Отчизне нужен пример, на который народ будет с благоговением смотреть и набираться сил. Эту силу мы обретём, почитая память и дела Великого Князя Константина Константиновича.**

КАДЕТУ

Хоть мальчик ты, но сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьей,
Гордишься ей принадлежать душой.
Ты не один – орлиная вы стая.
Настанет день, и, крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно в смертный бой...

Завидна смерть за честь родного края!
 Но подвиги и славные дела
 Свершать лишь тем, в ком доблесть расцвела.
 Ей нужны труд, и знанья, и усилья
 Чтоб мог и ты, святым огнём горя,
 Стать головой за Русь и за Царя,
 Пускай твои растут и крепнут крылья!

КР (Отец всех кадет)

«Вы ринетесь отважно в смертный бой». Отец всех кадет требовал «Но подвиги и славные дела свершать лишь тем, в ком доблесть расцвела. Ей нужны труд, знанья и усилья... Пускай твои растут и крепнут крылья!»

Великий Князь вырастил пять сыновей, всех пятерых воспитывал в разных кадетских корпусах: Иоанна 27 лет, Гаврила 26 лет, Константина 23 года, Олега 21 год, Игоря 20 ять. Настал день, и «счастливые пожертвовать собой» все пять сыновей, «расправив окрепнувшие крылья», ринулись со своими полками на действующий фронт первой мировой войны 1914 года. Славный род Константиновичей указал этим действием достойный пример всем патриотам России!

«Стать головой за Русь и за Царя!»

В конной атаке был смертельно ранен четвёртый, любимый сын Олег. Он умер на руках у Отца в госпитале в городе Вильно. Герою Отец успел вручить Георгиевский крест. Трагедии военных действий в армии, волнение в народе, потеря талантливого сына не могли не отразиться на болезненном здоровье Великого Князя. В 1915 году Господь Бог призвал к себе душу Великого Князя Константина Константиновича. Этим дал Ему возможность – не испытать непереносимые страдания надвигающейся революции, и особенно ужасную трагедию, постигшую Его Августейшую семью.

В 1918 году революционные власти сбросили в глубокую шахту Алапаевска живьём восемь арестованных офицеров, среди которых были три сына Великого Князя – Иоанн, Константин и Игорь. С ними была сброшена в шахту Елизавета Федоровна Романова, которая сумела перевязать страдальцев, израненных многочисленными взрывами ручных гранат, брошенных злодеями в глубину шахты. Смерть не наступила мгновенно, мученица-монахиня Елизавета Федоровна и Августейшие страдальцы продолжали петь церковные молитвы и песнопения ещё некоторое время.

ГЛАВА 3

Теперь вернёмся в 1990 год. К первому историческому контакту Суворовцев с Зарубежными кадетами, происшедшем на XII Общекадетском Съезде, в Санта Розе.

Съезд был посвящён Будущему Национальному Государству Российскому.
 Организаторами-хозяевами Съезда были члены Сан-Францисского Объединения.

На Съезд прибыло 440 участников, прибывших из разных стран в Калифорнию.

Полковник **Евгений Павлович Исаков**, суворовец, великий патриот России, прислал нам глубоко прочувствованное послание к XII Съезду, написанное на 14-ти страницах. На закрытом собрании произошли дебаты, некоторые кадеты считали, что это письмо - очередная провокация, но большинство поверили его содержанию. Прошло голосование, и все с большим энтузиазмом единогласно проголосовали за эту первую ласточку из Отечества. Для связи был создан **Центр Кадетской Связи**, председателем которого был выбран Ваш покорный слуга. Началась сложная работа по установлению реальных контактов с суворовцами и нахимовцами. Именно, тогда началась самая важная, ответственная и полная глубокого смысла часть моей жизни по установлению первых реальных контактов в Отечестве.

Ниже следует статья **Игоря Андрушкевича** нашего мудрого идеолога, который в корпусе был на класс старше меня. Все кадеты России и зарубежья с великим почтением отмечают труд неутомимого историка - патриота России, я же преклоняюсь перед ним и его всесторонними талантами. **Дорогой Игорь**, великая тебе благодарность, за ниже помещенное детальное описание XII исторического Обще-кадетского Съезда.

25-летие XII зарубежного Кадетского Съезда.

(Историческая справка, автор **Игорь Андрушкевич**).

В этом 2015 году исполнилось 25 лет – четверть века – с момента реализации исторического XII зарубежного Кадетского Съезда, состоявшегося с 15-го до 23 сентября 1990 года, в городе Санта Роза, в Калифорнии, недалеко от Форта Росс и старой границы между Россией и Испанией. Его значение заключается, в основном, в его политических решениях, проекция каковых выходит за прежние специфические рамки Съездов.

Этот XII Съезд начался с молебна, отслуженного Митрополитом Виталием, Первоиерархом РПЦЗ, и тремя Архиепископами РПЦЗ (все три кадета). Правый фланг кадетского строя возглавлял племянник Императора Николая II и внук Императора Александра III, Тихон Николаевич Куликовский-Романов.

Парад принимала княжна Вера Константиновна, дочь Великого Князя Константина Константиновича, в то время являвшаяся старшим членом Царского Дома Романовых. В параде принимал участие отряд русских разведчиков (скаутов) из г. Сан-Франциско, в форме, с русским бело-сине-красным флагом. (Который тогда был запрещен в СССР). На XII Кадетском Съезде присутствовало, согласно официальному списку, 132 русских императорских и зарубежных кадета, в том числе митрополит Виталий и архиепископы РПЦЗ Серафим Каракасский, Антоний Сан-францисский и Антоний Лос-анджелесский и несколько кадет георгиевских кавалеров, стоявших на правом фланге строя. Парад начался выносом знамени Сумского Кадетского Корпуса и Георгиевского Штандарта Собственного Е. И. В. Конвоя.

Вместе с семьями кадет и гостями, число участников этого Съезда в некоторые дни доходило до 440 человека, прибывших со всех континентов мира. Прибыло и несколько кадет из России, включая кадета XXVI выпуска Первого Русского кадетского корпуса графа Олега В. Толстого, правнука Л. Н. Толстого.

XII Съезд был открыт в присутствии Одигитрии Русского Зарубежья, Чудотворной Иконы Божией Матери Курско-Коренной. Архиепископ Антоний Сан-Францисский, кадет Крымского Корпуса, тогда указал: «Двенадцатый Кадетский Съезд состоялся в наш двенадцатый час и показал, что огонёк неугасимой лампы великой общей ответственности за будущее России не угас и не угаснет»!

Архиепископ Антоний Сан-Францисский был прямым преемником на Сан-Францисской кафедре святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского, кадета Петровско-Полтавского кадетского корпуса, являющегося небесным покровителем русских кадет.

XII Кадетский Съезд прошел на высоком идейном и академическом уровнях. Необходимо отметить его две важные характеристики:

1. Его решения были обсуждены и сформулированы в специальной Комиссии, выбранной Съездом в первый день своих заседаний, а затем прочитаны и приняты, без обсуждений, пленумом Съезда.
2. Были объявлены лишь заключительные части этих решений.

XII Кадетский Съезд организационно отличался от предыдущих Съездов, а частично также и от всех последующих. До этого, Съезды организовывались местными кадетскими объединениями, под руководством своих Правлений, предлагавших Съезду состав его Президиума. Командование **Зарёй с Церемонией** поручалось кому-нибудь из вице-фельдфебелей. XII Кадетский Съезд имел более сложную структуру. Правление Сан-Францисского Объединения, возглавлявшееся вице-фельдфебелем XXIII выпуска И. А. Козловым, учредило три специальные комиссии Съезда.

За год до Съезда была учреждена организационная **Комиссия по устройству XII Съезда, состоящая из семи кадет, под председательством А. М. Ермакова XXVII выпуска, которая провела колоссальную работу по блестящей подготовке такого большого Съезда**, рассчитанного сначала на 300 участников со всего мира, хотя затем их число достигло 440 человек. Вся подготовительная информация публиковалась в бюллетенях Комиссии, в которых сообщались данные, касающиеся программы Съезда, стоимости, средств передвижения, предполагаемых климатических условиях в месте проведения Съезда, и даже деталей необходимой одежды для участия в разных мероприятиях Съезда.

Тогда же была **учреждена и Академическая Комиссия, под председательством Н. Н. Протопопов XX выпуска**. Она должна была разработать программу семи больших докладов на Съезде (приблизительно по 50 минут каждый), найти докладчиков для них и заранее обсудить с ними название и приблизительное содержание их докладов. Расписание докладов было опубликовано и разослано заранее всем собиравшимся приехать на Съезд. Доклад О. А. Красовского (Штутгарт, Германия), был посвящен политическому положению в мире. И. А. Автоманов (Лос-Анджелес) читал доклад «Святой

благоверный великий князь Александр Невский, к 750-летию победы на Неве». Доклад проф. В. Г. Улитина (Лос-Анджелес) был: «Русский витязь на распутье. Сказочные мысли на современные темы о Земле Русской». Доклад проф. В. Н. Тростникова (Москва) был: «Нынешняя Россия и её перспективы». Проф. Н. П. Полторацкий (Питтсбург) прочел доклад на тему «И. А. Ильин как идеолог Белого движения». Доклад И. Н. Андрушкевича был: «Русские воинские традиции и заветы как источник для политических идей при возрождении России». Н. Н. Протопопов прочел доклад «К. Р. – слова родного художника». Кроме того, под председательством Н. В. Козякина был организован «Круглый стол» журналистов и публицистов, принявших участие в Съезде в составе И. Н. Андрушкевича, А. В. Боголюбова, Н. П. Полторацкого, К. Ф. Синькевича и В. Н. Тростникова. «Круглый стол» состоялся в присутствии всех участников Съезда, которые могли задавать любые вопросы любому из его членов. На своем первом пленарном заседании Съезд учредил специальную «Кадетскую идеологическую комиссию Съезда» с мандатом для разбора и решения всех поставленных перед Съездом вопросов. Пленумом Съезда в Комиссию были выбраны от Нью-Йоркского Объединения председатель Г. Н. Сперанский и вице-председатель А. Б. Йордан, от Сан - Францисского Объединения председатель И. А. Козлов и вице-председатель К. Ф. Синькевич, от Венесуэльского Объединения председатель В. В. Бодиско и вице-председатель Ю. Л. Ольховский, от Аргентинского Объединения вице-председатель И. Н. Андрушкевича, от Вашингтонского Объединения председатель А. В. Боголюбов. Председателем этой Комиссии был избран редактор «Кадетской переключки» Н. В. Козякина. Комиссия заседала ежедневно, без посторонних, по несколько часов. Это был Совет Председателей и Вице-председателей Кадетских Объединений.

Сегодня, через четверть века, из всех членов этой Комиссии XII Кадетского Съезда остался в живых лишь автор данной исторической справки. Это и является одной из причин для её написания, дабы сохранить правду для истории, ибо сама Комиссия, кроме Резолюции, не опубликовала содержания своих обсуждений и решений. Такой Совет до этого раньше никогда не созывался, а после XII Кадетского Съезда был созван лишь два раза, во время XVII Кадетского Съезда в Канаде, в 2000 году, для выражения своего согласия с закрытием РОВС-а в ответ на специфический запрос его тогдашнего Председателя, а затем для официальной встречи **Министра иностранных дел РФ суворовца И. С. Иванова**, прибывшего на XVII Съезд в Канаду город Монреаль.

Кроме принятия решений по обыденным рутинным вопросам, в том числе по установлению места для следующего Кадетского съезда, перед Комиссией сразу же встал ряд чрезвычайных вопросов, решать каковые нужно было одновременно, ибо они были тесно связаны между собой. Комиссия тогда с самого начала учитывала, что мы находимся накануне коренных перемен в России, о чём также свидетельствовало и полученное Съездом письмо из России от суворовца, полковника Е. П. Исакова, от имени Московского содружества суворовцев и нахимовцев, с просьбой установить связь между суворовцами и нахимовцами и русскими кадетами в Зарубежье. Тогда под лозунгами «перестройки» и «гласности» происходили интенсивные перемены в коммунистическом режиме в России. (Между прочим, выражение **«гласность»** было заимствовано из

подготовительной программы раскрепощения крестьян Императора Николая I). Одновременно советская власть начала также и новый период своей иностранной политики, сопровождавшийся интенсивными «встречами на верхах» между лидерами США и СССР, Рейганом и Горбачевым. Комиссия Съезда не могла и не должна была рассматривать подобные вопросы, но всё же она не могла полностью игнорировать тогдашнюю международную обстановку. Тем более, что во время Съезда по телевидению все могли слышать долгие разглагольствования советского министра Шеварднадзе о якобы тогда наступавшей новой эре всемирного мира и согласия во всём мире. Посему, по удачному выражению А. В. Боголюбова, Комиссия XII Кадетского Съезда решила, что мы должны **«стать лицом к России» и равняться лишь на перманентные исторические интересы исторической России**, независимо от обстоятельств. Однако, Комиссия предпочла публично не высказываться на эту тему.

В свете вышесказанного и были приняты решения о поставленных перед XII Съездом предложениях, которые можно резюмировать следующим образом:

1. Предложение Председателя РОВС В. В. Гранитова, присутствовавшего на Съезде, чтобы все зарубежные Кадетские Объединения, решением Съезда, вошли в состав РОВС.
2. Изыскать способы, чтобы передать в Россию из Русской эмиграции духовное, идейное и интеллектуальное наследие великого русского мыслителя И. А. Ильина, официального идеолога РОВС.
3. Возродить, предпочтительно на территории Северной Америки, Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус или же создать в Русском Зарубежье новый Русский кадетский корпус (требование В. Мантулина XIX выпуск).
4. Установить хорошую регулярную связь с суворовцами и нахимовцами в России. Это предложение было сделано А. Д. Шмеманом от имени Парижского Кадетского объединения. Через него было доставлено на Съезд письмо Е. П. Исакова.
5. Уточнить нашу позицию по отношению к коммунистической интернациональной символике, с которой мы невольно столкнёмся в случае установления этих связей. Практически между всеми членами Комиссии с самого начала её заседаний царило согласие как по существу этих поставленных перед ней вопросов, так и по существу наших на них ответов. Конечно, поначалу были кое-какие затруднения в уточнении самих по себе вопросов, но самой трудоемкой работой оказалась формулировка заключительных публичных частей наших решений. Мы не всегда могли всё открыто проговаривать до конца, ибо мы были русскими политическими эмигрантами, а посему были обязаны ориентироваться главным образом на Россию, но при этом не могли игнорировать и окружающий нас мир.

Стратегической задачей русских зарубежных кадет было всемерное наше содействие расцвету идеи кадетского воспитания и возрождению русских кадетских корпусов в России, для их соучастия в возрождении России, а не увековечение Русской эмиграции в Изгнании. Важно напомнить, что с самого начала имелось в виду именно содействие, помощь и сотрудничество русских зарубежных кадет в процессах возрождения России, без каких-либо наших претензий на руководство или лидерство. Также исключалось и любое вмешательство зарубежных кадет во внутренние дела кадетских организаций в России. Из такой нашей общей позиции следовали и все тогдашние решения:

1а - Мы уважаем и любим наших ветеранов из РОВС-а и считаем, что эта организация была исторически очень важной, но мы не хотим увековечивать возникшие в результате Гражданской войны институции, ибо мы хотим окончательного преодоления её последствий для возрождения России и восстановления её исторических учреждений. Дальнейшее сохранение оригинальных структур РОВС-а физиологически уже невозможно, а искусственные пополнения его рядов будут противоречить учредительной воле его создателей, ветеранов Японской, Мировой и Гражданской войн. Попытки создать искусственным образом фальшивую видимость такого сохранения, в конечном итоге, будет мистификацией и обманом, которые смогут обернуться какой-нибудь манипуляцией против России и осквернением светлой памяти основателей и членов РОВС-а. Посему, кадеты могут свободно вступать в РОВС, пока он будет существовать, но Кадетские объединения делать этого институционно не будут, единодушно решил XII Кадетский Съезд.

2б - Съезд считает **необходимой передачу в Россию идейного и интеллектуального наследия русского мыслителя И. А. Ильина, наметившего вехи путей, ведущих к восстановлению в России её коренных конституционных начал. И. А. Ильин был идеологом РОВС-а и являлся также и нашим идеологом.** На этот Съезд был специально приглашен его ученик и хранитель его архива, профессор Николай Петрович Полторацкий, который прочитал обстоятельный доклад о творчестве И. А. Ильина. Съезд поддерживает намерение Н. П. Полторацкого поехать в Россию для передачи этого архива, поездка эта была позже сделана, но закончилась она очень трагично – Н.П. Полторацкий скоропостижно скончался в России – вечная ему память и Царствие небесное.

3в - Съезд считает сегодня невозможным возрождение Первого Русского кадетского корпуса или же создание нового Русского кадетского корпуса, где бы то ни было в Русском Зарубежье. Таких возможностей практически не существуют, по причине отсутствия материальных средств. В Комиссии тогда почти не говорилось о материальных (финансовых) проблемах, ибо отдавать предпочтение материальным (бюджетным) факторам среди кадет тогда считалось, до некоторой степени, неприличным. В основном отмечались следующие препятствия:

а). В Русской Эмиграции тогда уже больше не было русских офицеров-воспитателей, без каковых невозможно существование Русских Кадетских корпусов.

б). После ликвидации Королевства Югославии, королём которого был русский кадет, в мире больше не было практически ни одной страны, которая бы могла согласиться на существование на её территории русского военного училища под русской православной символикой. Кадетские же корпуса под чуждой нам символикой никак не могут быть русскими, ибо таковые были основаны «во избаву же и пользу Православного Христианства», как указал царь Петр Великий «именным своим повелением» в 1701 году, при учреждении Морского Корпуса. Кроме того, возможно, что Кадетские корпуса под чуждой символикой будут производить кадры не для служения России, а для служения её врагам.

4г - Съезд считает **необходимым немедленно приступить к оказанию всемерной помощи для возрождения Русских кадетских корпусов в России. Для этого Съезд постановил учредить «Центр Кадетской Связи», для налаживания и развития связи с суворовцами и нахимовцами с целью в первую очередь способствовать возрождению кадетских корпусов в России.**

Съезд назначил председателем этого «Центра Кадетской Связи» А. М. Ермакова, которому было поручено для этого немедленно, полететь за свой счёт в Россию, чтобы встретиться с полковником Е.П. Исаковым. С этой встречи, указанной XII Съездом, и началась новая кадетская эра в России.

5д - Ввиду того, что многие тогда боялись быть каким либо образом вовлеченными в официальные церемонии с коммунистической интернациональной символикой, было высказано предложение обусловить наше официальное участие в таких церемониях непременным условием: **все мы вместе – кадеты, суворовцы и нахимовцы – станем в наш общий русский**

строй только под нашей общей русской исторической национальной символикой, т. е. под общей символикой наших общих предков. Необходимо отметить, что в данном случае подразумевались в первую очередь русские флаги и русские военные знамёна. Одновременно зарубежные кадеты должны будут всегда напоминать необходимость полного восстановления русской традиционной военной символики: русских военных кокард с георгиевскими цветами и русских военных блях и пуговиц с русским орлом в сиянии.

Старшие кадеты: Козякин, Сперанский, Боголюбов и Бодиско - особенно настаивали на этом, в результате чего вся Комиссия единогласно утвердила этот общий принцип. В результате Комиссия XII Съезда решила в ответ на письмо полк. Е. П. Исакова официально обратиться ко всем русским воинам в России с Обращением о символике, которое на заключительном пленарном собрании прочел член Комиссии, редактор кадетского «Сан-францисского бюллетеня» крымский кадет К. Ф. Синькевич. Все кадеты на заключительном пленарном заседании XII-го Кадетского Съезда утвердили это Обращение единогласно.

Так был установлен принцип, что **совместные акты и церемонии с суворовцами и нахимовцами всегда будут проходить под общей русской символикой наших общих предков. Во время «Встречи» кадет и суворовцев и нахимовцев» в России в 1992 году, это условие было строго исполнено.** На Встречу было доставлено Знамя Суворовского Фанагорийского полка, под которым вся Встреча и прошла. Знамя было развернуто на Красной площади, и под ним все присутствующие кадеты, суворовцы и нахимовцы сфотографировались на паперти Успенского собора.

Обращение о символике XII-го Съезда было многократно опубликовано в разных печатных изданиях, в том числе и в книге «Честь родного погона», составленной по поручению Объединения в Нью-Йорке А. Б. Йорданом. Она была издана под редакцией Е. П. Исакова в 2003 году в Москве и является одним из ценных плодов сотрудничества зарубежных кадет и суворовцев и нахимовцев, наряду с двумя другими книгами Е. П. Исакова, тоже написанных при содействии зарубежных кадет: **«О Доблести, Добре и Красоте»** (Москва, 2000) и **«К заветной доблести»** (Москва, 2002). Эти труды тоже являются результатом исторического XII Кадетского Съезда.

И. Н. Андрушкевич.

Кадет XXVI выпуска,

Первого РВКККККорпуса, в Югославии.

Буэнос-Айрес, ноябрь 2015 г.

ГЛАВА 4

Продолжение повести. В 1991 году пришёл момент для поездки в СССР на разведку. Её подготовить и осуществить мне помог Виктор Рубель, молодой учёный из России, который в это время находился на стажировке в США. Для консультации с нашими старшими кадетами Глебом Сперанским, председателем Нью-Йоркского Объединения, и Николем Козакиным, редактором общекадетского журнала «Перекличка», мы залетели в Нью-Йорк, где получили от них много мудрых советов. Запомнился совет Коли Козакина: «Будь крайне терпеливым, жми понемногу, так как ты жмёшь из тюбика зубную пасту».

Также, мы заехали в имение моего старшего брата Валентина и в монастырь Джорданвиль, расположенный неподалёку. В монастыре мы отслужили напутственный молебен, **сообщили владыке Лавру о цели нашей поездки в Россию, и получили его благословение на благое дело единения с кадетами Суворовцами и Нахимовцами. Владыка Лавр беседовал с нами и о долгожданном единении церквей, которое произошло немного позже. Владыка Лавр стремился к этому - он представлял нашу Зарубежную церковь в этом святом историческом событии единения с матерью Патриаршей Церковью России. Завершив это великое дело единения, Владыка Лавр представился к Господу Богу. За ним последовал в селение праведных и Патриарх Алексей, разрешивший этот важнейший вопрос для верующих.**

МАТЬ РОССИЯ.

Долгожданная мечта осуществилась – я впервые вступил на родную землю с важной миссией. Всем своим существом я почувствовал горячо любимую Мать Россию, где все говорят на родном языке – это Родина моих предков, во мне течёт их кровь! Наконец-то, я у себя дома, где сердцем и душой я почувствовал свою принадлежность к родной стихии! Мы, кадеты, долго ждали этого счастливейшего момента в нашей жизни,

Господь Бог услышал наши молитвы и оказал нам долгожданную милость – дал нам донести до Матушки России священный светоч, бережно хранимый нами в изгнании все эти долгие годы.

Здесь я хочу подчеркнуть, что в лице суворовца, полковника **Евгения Павловича Исакова**, я встретил в России не только кадета – единомышленника, но приобрёл более чем родного брата. Наши души запылали одним и тем же неугасимым огнём – **задачей возродить свою русскую, веками испытанную систему воспитания и образования, в будущих возрождённых кадетских корпусах новой и могущественной России.**

Моя первоначальная миссия – разведка, превратилась в сложную и ответственную работу по возрождению кадетских корпусов. Настало время глубоких политических потрясений в СССР. Смена правительства, неожиданно предоставила новые и большие возможности восстановления кадетских корпусов в России. **Повеяло долгожданной свободой. Мне, наивному, тогда показалось, что через пять лет, мы все вместе, будем у себя ДОМА!** Мы пригласили полковника Исакова в Сан-Франциско и Нью-Йорк, в наши кадетские Объединения, с ответным визитом и для полноценного знакомства и установления крепких нерушимых отношений с зарубежными кадетами. Общекадетские Съезды за рубежом, на которых Женя и другие офицеры впоследствии присутствовали, произвели на них глубокое впечатление. Многие суворовцы и нахимовцы имели генеральские и адмиральские чины, но они настояли, стать в общий кадетский строй по росту - чему мы были приятно удивлены и весьма им благодарны.

Брат Женя оказался глубоко верующим православным христианином, серьёзным мыслителем и писателем. Он взялся за составление учебников истории для будущих кадетских корпусов уже в новой/старой России. Женя написал несколько книг для

офицеров-воспитателей и для их питомцев: «Орлята России», «К завещанной доблести», «О доблести, добре и красоте» и «Честь родного погона».

(Зарубежные кадеты Сан-Францисского Объединения помогли созданию этих важнейших пособий, предоставив полковнику Е.П. Исакову копии 30-ти нужных книг из своей библиотеки, а также кадеты В. Турский и А. Ермаков оказали финансовую помощь при издательстве).

Грянул гром среди чистого неба, произошла колоссальная трагедия в России! Кадетская семья потерпела непоправимую потерю. Главный зачинщик кадетского движения выбыл из строя в самом начале важнейшего для Родины дела - воспитания и образования её военной молодёжи в возрождённых кадетских корпусах.

Господь Бог призвал героя-воина полковника Евгения Павловича Исакова!

Вечная ему память и царство небесное! Его супруге Алисе Алексеевне выражаем глубокое соболезнование в постигшем Её горе, и всей крепко любящей отца семье.

На всё воля Господа!

Дальше последует статья полковника Евгения Павловича Исакова, заслужившего славу героя - исторического первопроходца - сеятеля на ниве возрождения кадетских корпусов России. Миссию Жени мы обязаны продолжать!

В его светлую память, я считаю своим долгом и прямой обязанностью начать свой труд именно с перепечатанной из его книги «К завещанной доблести», статьёй помещённой в «Кадетской Переключке» №79. (Особенно рекомендую изучать ниже помещённую статью полковника **Е.П.Исакова** офицерам-воспитателям младших классов. Веские рассуждения о системах воспитания в кадетских корпусах царской России, в корпусах изгнания и суворовских/нахимовских училищах, научат самостоятельному анализу важных фактов).

Педагогические принципы системы К. Д. Ушинского.

В дореволюционной (Милютинской) России, в то время как гражданской средней школой, ориентированной на западные образцы, было воспитание малолетних питомцев.

Система Ушинского оказалась, можно сказать, не востребованной. (К большому сожалению, похоже, что та же ошибочная ориентировка происходит в современной России). Именно в кадетских корпусах воспитание мальчиков и юношей было, целостно-полным оно строилось на **любви к Богу, Царю, и Отечеству, и к родной природе было патриотическо-народным воспитанием. Великий князь Константин Константинович, Отец всех кадет, полностью одобрял и поддерживал систему К.Д. Ушинского.**

Игру, труд, школьную и семейную жизнь ребенка Ушинский называл «деятелями» его нравственного развития. Плодотворность их работы, направленной на формирование *разумной, гуманной, чувствующей личности*, определяется тем, как учитываются и используются следующие два фактора: свободная инициативная деятельность воспитанника и среда, в которой он растёт. «*Всякая человеческая душа*», как писал

педагог, требует деятельности, и смотря по роду этой деятельности, которую дает ей воспитатель и окружающая среда и которую она сама себе отыщет - такое направление и примет её развитие. От недостаточной оценки этой основной психологической истины происходят главные ошибки и еще чаще упущения и в педагогической теории, и в педагогической практике. Нет нужды доказывать очевидное! Самое сильное воспитательное действие на ребенка оказывает та его деятельность, которая доставляет ему удовольствие, которую он любит. И первая ее характеристика – **свобода**. Стремление к деятельности и стремление к свободе так тесно связаны, что одно без другого существовать не могут. Деятельность должна быть «моя», увлекать «меня», выходить из души «моей», следовательно, должна быть свободна. Свобода же затем только мне и нужна, чтобы делать «мое» дело. Отымите у человека свободу, и вы отнимете у него истинную душевную деятельность. Однако, существует и такая вещь, как **необходимость**. Она стесняет жизнь, ставит свободе препятствия, которые приходится преодолевать. Только в стеснениях человек создает свое свободное бытие, но и то, что лежит на его обязанности. Если что-то мешает рождению такой привычки, не исключается и принуждение в классных занятиях, в уборке комнат, в аккуратной носке одежды и т. п. Вывод очень четкий: **человек, который не умеет принудить себя делать то, чего он не хочет, никогда не достигнет того, чего хочет.**

Очевидно, что в таких условиях преодоления собственных желаний и нежеланий укрепляется **воля** человека, которую **Ушинский называл властью души над телом**. И эта власть формируется только в опыте, в деятельности. Если подросток бездельничает, такой опыт отсутствует совершенно. *«Вот почему праздность детей бывает причиною множества безнравственных поступков. Если в каком-нибудь заведении дети страдают от скуки, то непременно надобно ожидать, что появятся и воришки, и лгуны, и злые шалуны, и испорченные сластолюбцы.*

Ушинский также предупреждал, что не всякая активная деятельность детей есть благо. Если в ней нет никакого содержания, а лишь одно наслаждение ею и ее плодами, последствия могут быть весьма плачевными. В частности, возможно развитие и укоренение *«извращенного стремления к свободе»*, которое чаще всего выражается прямым упрямством, своеволием и болезненным самолюбием. Результат – неуживчивость человека. Упрямство нельзя лечить ломкой. Нужно *действовать против его причин*. Если в основе своеволия - ложно понятый стыд перед товарищами, следует внимательно изучить, насколько верны представления воспитанника о чести, дружбе, товариществе и тактично, но настойчиво корректировать их. Неуступчивость в играх лечится исключением ребенка из них, а каприз - невниманием к нему или, в тяжелых случаях, наказанием. При этом - никакого проявления гнева. Каприза должен отчетливо видеть в каре лишь последствия своего поведения. Предупреждать упрямство воспитанника гораздо полезнее для его нравственного развития, чем исправлять его, **и воспитателям полезно знать рекомендации К. Д. Ушинского на этот счет.**

Вот они:

а). Главная предупреждающая мера есть по возможности ровная жизнь, не наэлектризовывающая в ребенке слишком сильных и сосредоточенных желаний.

- б). Должно удовлетворять всем законным требованиям ребенка прежде еще, чем они перешли в сильное желание.
- в). Должно всегда доставлять ребенку возможность деятельности, сообразной его силам, и помогать ему только там, где у него не хватает сил, постепенно ослабляя эту помощь с возрастом ребенка.
- г). Никогда не обещать ребенку (того), чего нельзя выполнить, и никогда не обманывать его.
- д). Если приходится отказать дитяти, то отказывать решительно, разом, без колебаний и потом не менять своего решения.
- е). Не отказывать в том, что можно дать или дозволить.
- ж). Если упрямое желание уже проявляется, то обратить в другую сторону внимание дитяти или прекратить распространение каприза быстрым наказанием.
- з). Воля воспитателя должна быть для дитяти такою же неизменною, как закон природы, и чтобы ему казалось столь же невозможным изменить эту волю, как сдвинуть с места каменную стену.
- и). Не заваливать ребенка приказами и требованиями, предоставляя ему возможно большую независимость; но немногие требования воспитателя должны быть неизменно выполнены, а невыполнение – влечь за собой наказание с такой же точностью, как нарушение физических законов здоровья влечет за собой болезнь.
- к). Расположение духа воспитателя не должно иметь влияния на ребенка; приступая к ребенку, воспитатель должен помнить, что это человек уже другого мира, которому нет дела до наших забот, что это человек будущего, которое принесет ему свои заботы.

Надо также иметь в виду, что опасным противником воспитателя в работе, направленной на укрепление в ребенке воли, является **детская лень**, явление довольно распространенное, если не сказать «обыкновенное». Маленький человек может быть просто не расположен к тому делу, к которому приучают его взрослые. В частности, это относится к учебным занятиям. Неудачи в них отвращают от самого желания получить знание, и это - одна из причин детской лени. Следовательно, чтобы предотвратить ее укоренение, нужно создать условия, при которых успешное освоение урочного материала становилось бы неизбежным, хотя и нелегким. Победа, достигнутая напряженным трудом, в молодом сердце вызывает радость и зовет к новым успехам. Однако лень может развиться и оттого, что учение дается кадету очень легко. В этом случае задача педагога состоит в том, чтобы нагрузить воспитанника по его силам. Итак, главное правило педагогики сформулировано **Константином Дмитриевичем Ушинским** следующим образом:

«Дайте душе воспитанника правильную деятельность и обогатите его средствами к неограниченной, поглощающей душу деятельности».

Если воспитателю не удастся найти дело, к которому лежит душа воспитанника, это несколько не означает, что ребенок бездарен. Надо искать дальше, и **душепоглощающее благородное дело откроется для него**. И очень важно, чтобы время такого поиска включало многосторонние отношения воспитанника и, следовательно, знакомство с многообразными видами деятельности. Нельзя допускать, чтобы найденное, в конце

концов, дело входило в застой - оно обязательно должно обновляться, совершенствоваться, наполняться новыми идеями. ***Свободный, т. е. излюбленный труд, идущий успешно и прогрессивно, легко по степени энергичности своего хода преодолевающий препятствиями и связанные с ними страдания, увлекаемый все вперед и вперед целью дела, а не его удовольствием и останавливающийся на наслаждениях только во время необходимого отдыха, вот что должно быть идеалом здорового воспитания.***

Педагогической системе К. Д. Ушинского вполне соответствовали те основные принципы, от которых не должны были отходить воспитатели кадет:

1. Любовь к детям. Нельзя допускать разделения кадет на «любимчиков» и «остальных».

2. Доверие. Его временно не удостоивается лишь кадет, уличенный в воровстве. Такой воспитанник по приказу директора корпуса на определенное время (до 1 месяца) лишается погон и права занимать место в строю, и за общим столом. Виновный марширует в 8-ми шагах за строем, и с ним никто не разговаривает. Повседневно и неустанно нужно внушать всем воспитанникам, что кадет лгать - не способен, что он всегда говорит только правду. Педагогам необходимо иметь в виду, что если правдивого слова он сказать не может - или связан честным словом, или его честный ответ нанесет вред товариществу. В неблагоприятных поступках кадет сознается **сам за себя**. Всегда должно быть безусловное неприятие ябедничества и доносительства. Честность и прямотушие - самые хрупкие качества детского и подросткового характера: их легко разрушить, например, деспотическим отношением воспитателя, строгими и частыми несправедливо налагаемыми взысканиями, придирками, неискренностью педагога. Сломанное прямотушие чаще всего замещается **подхалимством** - худшим, единственно неисправимым из всех пороков военного человека. Угодничество - это тот множитель, который обращает в отрицательную величину все остальные достоинства личности.

3. Уважение к личному достоинству каждого кадета.

Несдержанность, крик воспитателя, оскорбление воспитанника словом, уязвление его самолюбия намеренно несправедливым отношением - все это признаки профессиональной непригодности педагога. Сквернословие - сугубая непригодность, а рукоприкладство – является великим преступлением.

4. Равенство всех кадет - независимо от возраста, их социального прошлого, титулов, чинов и богатства или бедности их родителей, личного интеллектуального и физического развития. *В корпусах всячески отваживали кадет от хвастовства, уберегали от соблазнов «роскошной жизни».* Ради равенства запрещалось носить или даже просто иметь часы, какие-либо украшения, предметы кадетской формы индивидуального изготовления. Всегда поощрять угощение всех без исключения кадет класса сладостями, полученными от родственников или знакомых посылок.

5. Исключение какой бы то ни было «ломки» характеров.

Но была обязательной настойчивая, незаметная для кадет коррекция их привычек и ценностных ориентиров. Как и неременное поощрение даже малейших сдвигов в лучшую сторону.

6. Воспитание примером!

Кадеты, естественно, подражали офицерам-воспитателям, педагогам и старшим кадетам в умении носить форму одежды, по-русски красиво говорить, правильно ходить, держать осанку. Поэтому офицеры-воспитатели, преподаватели должны запретить себе, держать руки в карманах, жестикулировать при разговорах, употреблять слова жаргонного свойства, появляться в Корпусе неряшливо одетыми или небритыми, курить в присутствии кадет. О появлении педагога на службе в нетрезвом состоянии не может быть и речи.

7. Воспитание трудом - как подготовка воспитанников в к самообслуживанию в быту, опрятности, добросовестности, готовности сделать любую, пусть и неприятную, но нужную работу, и научить другого тому, что умеешь делать сам. Чистота в Корпусе, поддерживаемая усилиями всех и каждого, должна стать неким культом.

8. Недопущение в классах и ротах противоборствующих группировок.

Коллективные драки детей - явление в Корпусе недопустимое. А вот от потасовок-поединков не уйти. Любыми способами направить кадет на то, что выяснение отношений на кулаках всегда должно быть «честным» (без озлобления и подлости, к которой относятся подножки, удары сзади, удары ногой, избивание упавшего) и проходить в присутствии всех одноклассников. Наказывать за «поединок» нужно обоим драчунов, но без разбирательств, нестрого и обязательно после их немедленного примирения. В Корпусе должно быть принято за правило: **«Кадет зла не помнит».**

Для чего возвращаться к старому?

В истории Российских кадетских корпусов есть нечто мистическое, ничем, кроме Божьего волеизъявления, не объяснимое. Их ведь, как мы знаем, упразднили дважды. Первый раз, в ходе Милютинской военной реформы 60-х годов XIX века, когда все корпуса кроме Морского и Пажеского, были преобразованы в военные гимназии.

В этом малопонятном свойстве они пребывали до 1882 года, когда волею **Императора Александра III Александровича** были восстановлены в прежнем, дореформенном виде. Второй раз кадетские корпуса подверглись настоящему погрому – «рабоче-крестьянское» правительство большевиков в начале 1918 года ликвидировало их как «рассадники контрреволюции». Казалось, всё, конец истории.

Но нет, генерал барон П. Н. Врангель в ноябре 1920 года вместе с Русской Армией эвакуировал из Крыма и три «кадетских монастыря», составленные из воспитанников разных корпусов Донского Императора Александра III, Крымского и объединенного Одесско-Киевского. Все три приютил в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев король Александр Первый Карагеоргиевич, кадет Пажеского кадетского корпуса. Одесско-Киевский просуществовал в Югославии под именем Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса до сентября 1944 г.

Король Югославии Александр I

ГЛАВА 5

В советское время тоже была попытка создать что-то подобное. Сталин подчеркивал, что Суворовские военные и Нахимовские военно-морские училища, правительственное постановление о создании которых появилось в 1943 году, в переломный момент нашей Отечественной войны с фашистской Германией, должны были стать **подобием старых кадетских корпусов**. Это требование было выполнено: форма одежды, распорядок дня, бытовые условия – все было взято из прошлого; курс обучения – семь лет, по истечении которых – были экзамены на аттестат зрелости, и направление годных для воинской службы в военные училища (без вступительных экзаменов).

Начал ломку Хрущев. При нем число таких военно-учебных заведений закрытого типа сократилось с 19-ти до 8-ми, и перевели их воспитанников на двухлетний срок обучения. При Брежневем один год прибавили, и даже создали еще одно Суворовское военное училище в Ульяновске. Оно почему-то сохранило «титутлы» танкового военного училища, на базе которого формировалось, и стало называться парадоксально: «Ульяновское гвардейское Суворовское военное училище имени В. И. Ленина». Одновременно для воспитанников всех Суворовских и Нахимовского училищ был добавлен один год обучения.

И вот теперь, рядом с Суворовскими и Нахимовскими училищами, возрождаются снова кадетские корпуса. Для офицеров наши книги были составлены специально - для воспитателей и кадет, именно для этих возрождённых учебных заведений. А так как при составлении ее автор руководствовался не очень-то распространенными в нашем пост коммунистическом обществе взглядами на воспитание в подобных учебных заведениях, ему следует объяснить с читателем прежде, чем тот приступит к знакомству с предлагаемыми далее педагогическими этюдами.

Почти 70 лет в нашей стране существуют Суворовские военные и Нахимовские военно-морские училища. Это особая форма закрытого среднего учебного заведения, призванного дать образование мальчикам, во взрослом состоянии предназначенным к службе в Армии и на Флоте.

И вот парадокс: вдруг инициативой частных лиц в стране возрождаются кадетские корпуса – тоже мужские, закрытые и военизированные образовательные учреждения. Идея их возрождения давно хранилась, часть по завету белогвардейской и послереволюционной русской эмиграции, среди кадет Российских кадетских корпусов в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, позже Югославии, (этот когда-то многочисленный, а ныне небольшой отряд Русского Военного Зарубежья доживает свой век, главным образом, в обеих Америках).

Но, к нам идея пришла не только из эмиграции. В конце 80-х годов XX-го столетия, она инстинктивно и автономно зародилась в отечественной русской молодежной среде - во множестве разбросанных по всей стране военно-исторических клубов и кружков. Объединившиеся в них молодые патриоты были, в массе своей, убеждены, что военная история России – осто́в всей национальной истории, а военное сословие во все времена - наиболее деятельная часть нации в различных сферах существования и развития последней. Силою обстоятельств, любовь к Отечеству и эта их убежденность были обострены до предела.

Уже отчетливо виделся крах советской государственной системы, уже не было никаких сомнений в несостоятельности интернационалистской коммунистической идеологии и практики. И самое главное – во всей своей громадности вставал вопрос о жизни и смерти Русского государства!

Инстинкт самосохранения подсказывал: спасение России – в новых людях, которых следует взрастить, воспитать. А форма питомника, способного дать народу аристократию национального духа, была известна – старый, традиционный кадетский корпус, который в прошлом поставлял обществу великих и малых, но всех одинаково особо честных и преданных Отечеству людей.

Почему же для решения задачи не подходило Суворовское училище?

У меня хранится злая карикатура на моих однокашников-суворовцев, подаренная мне в Воронеже одним из возродителей Михайловского кадетского корпуса. Некий скалозуб и киборг, одновременно в советской военной форме с погонами генерал-полковника и со значком выпускника Суворовского училища, пытается муштровать кадета-Михайловца, а тот с веселой мордашкой корчит ему рожицу - не на того, мол, нарвался. **Ясно, что генерал-суворовец - представитель отжившего коммунистического мира. Так думали и думают не только в клубах, такое же представление имеют и многие русские кадеты за рубежом.**

Не случайно в их среде с 1990 года, когда Господь судил мне первым установить с ними связь, и до сих пор идут жаркие дискуссии на тот счет, сотрудничать с суворовцами и нахимовцами или нет? Установилось много личных дружеских отношений, большое доверие к отдельным из моих однокашников, но чтобы работать вместе и дружно - этого как не было, так пока и нет. Ни ту, ни другую сторону, не в чём упрекать нельзя!

Форма одна, а дух – противоположный. Они воспитывались православными – христоролюбивыми воинами, а мы интернационалистами. От Бога отринули не только суворовцев, но и самого Александра Васильевича - у нас и на слуху не было ни его боевого клича «Мы – русские, с нами – Бог!», ни его поучения: «Молись Богу, от Него победа!» «Пресвятая Богородице, спаси нас! Святителю отче Николае, моли Бога о нас!» «Без сей молитвы оружия не обнажай, ружья не заряжай, ничего не начинай. Всякое дело начинать с благословением Божьим!»

В нынешних Суворовских училищах, в сравнении со «старыми», сразу послевоенными, изменилось многое. Самое главное - курс обучения сократился до трех лет. Суворовцами теперь становятся 14 – 15-летние юноши с установившимися характерами, со всеми достоинствами личности и со всеми ее пороками, с которыми пойдут уже сквозь всю жизнь. Воспитывать таких молодых людей по образу Суворова («образовывать») поздно – их нужно будет перевоспитывать, иначе говоря - ломать. А что получится из ломаного? Остается лишь обучение - набивка молодого мозга школьными знаниями, то есть то, что делает и обычная средняя школа. Причём, зачастую делает она это лучше, чем Суворовские училища. «Гражданским» преподавателям платят за их труд больше, чем «военным», и в Суворовских училищах теперь, объективно, не самый лучший педагогический персонал.

Нет, аристократию национального духа в Суворовском училище не воспитаешь. Кадетский корпус образца начала XX века – другое дело. «Первая ласточка» – Донской Императора Александра III кадетский корпус в Новочеркасске, имевший статус частного воскресного учебного заведения – появилась в 1991 году. Вспомним: это было время, когда, по мановению беспалой руки, поднялась высокая волна областнических «суверенитетов» каждому племени, кроме русского, было дозволено взять самостоятельности столько, сколько оно могло проглотить. На гребне этой волны оказалось и движение казачества за свое возрождение - как «отдельного народа», физически почти уничтоженного в ходе строительства «светлого будущего».

Кругозор казачьей старшины, донской - в том числе, был неширок, и ей не приходило в голову создавать «какие-то» кадетские корпуса. Но, вне атаманских окружений нашлись люди (прежде всего, опять же среди членов военно-исторического клуба), которые догадывались: казачеству, чтобы оно и в самом деле могло возродиться как войско России, как ее особое сословие, нужны специально, в духе старины подготовленные, образованные кадры. Эта догадка стала достоянием группы уволенных в запас и отставку молодых армейских офицеров. Она подтолкнула их к учреждению частного казачьего кадетского корпуса с воскресным распорядком занятий. А так как до 1919 года в

Новочеркасске корпус существовал, то и новое образовательное учреждение было названо его полным именем: **Донской Императора Александра III кадетский корпус.**

«Демократические» власти по одной своей природе должны были бы сопротивляться увековечению памяти о Царе-Миротворце в названии учебного заведения: как же, ведь что по советским, что по нынешним официальным понятиям – «реакционер»! Но в этом случае власти почему-то вдруг оказались покладистыми – то ли, хлебнув мороки с этим самоопределяющимся «отдельным народом» и уже побаиваясь казаков, они уступили из трусоватости, то ли просто прошляпили. Но надобности гадать нет. Чуть позже стали учреждаться и другие кадетские корпуса. Говорить, что все они создавались по примеру Донского, по-моему, нельзя: идея, что называется, носилась в воздухе - как следствие отрицательной реакции общества на качество своего управительного слоя.

Люди, в подсознании которых жила мысль, что порядок, которого не хватало и не хватает в стране, смогут в будущем навести лишь те, кто прошел школу национального воинского воспитания, совершенно самостоятельно ухватывались за эту идею. Самодеятельность «внизу» достигла такого размаха, что «демократическое» государство вынуждено было перехватывать инициативу.

И вот появляется указ президента, и кадетские корпуса получают право на существование, но не под знаменами военного ведомства, что было бы естественно, а в системе регионально-муниципальных учебных заведений. Формулируется и цель деятельности корпусов: кадет готовится не к воинской службе в офицерском чине, но к государственной службе вообще - на военном или гражданском поприще. Или еще любят говорить: «готовится стать государственным».

Интереснейшая штука – наш русский язык. Слова «государственник» ни в старых, ни в новых лексиконах нет, но в наши дни оно употребляется и в устной и в письменной речи довольно активно. Ясно, что называя того или иного человека государственным, мы имеем в виду нечто, соотносящее этого человека с государством. Но вот каким образом соотносящее?

Небезызвестный Горбачев – государственник? А несостоявшийся школьный учитель чекист Шеварднадзе? А приват-доцент, преподающий в университете государственное право? А говорливый думец, чей голос имеет определенное значение при принятии государственных законов? А министерский чиновник? А офицер, командующий, скажем, ротой? Когда мы употребляем слово «законник», образованное по тому же способу, что и «государственник», сразу понятно: говорим о человеке, который до конца знает любую букву закона и стоит на ней. Но тут... чтобы все-таки докопаться до истинного значения слова «государственник», разберем одно словарное гнездо – во главе с глаголом «служить». Для этого воспользуемся «Толковым словарем живого великорусского языка», составленного кадетом Морского корпуса Владимиром Ивановичем Далем.

Вот примеры оттуда:

- Пока поп служит – попадаья тужит.
- Где стал – тут и стан.
- В поле кто служит, о доме не тужит.
- Кому служу, того и руку (сторону) держу.
- Втянулся, вслужился и привык.

В каждом из этих примеров значение глагола «служить» своё. Однако, множество их, значений, может быть разнесено и всего лишь по двум определителям: в 1,2,3,6,7,9-ом примерах – речь о служении, в остальных – о службе. Ну и что, какая разница?

А разница есть. Произносим или пишем «служение» - и чувствуется эмоциональная настроенность на «дум высокое стремленье», просматриваются определенные нравственные ориентиры. Не то - «служба»: чувства тоже могут иметь место, но лишь те, которые рождает обыденность – положим, удовлетворение от службы или неудовлетворенность ею, приносимая ею польза или бестолковость организации, сложность или простота обязанностей.

Один пример из прошлого. **Николай Михайлович Карамзин** по служению историк, писатель и общественный деятель - государственный. В доказательство – его письмо Императору Александру I по поводу намерения Государя «дать волю» Польше:

«Вы думаете восстановить древнее королевство Польское, – писал Карамзин, – но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России? Согласно ли с Вашими священными обязанностями, с Вашей любовью к России и к самой справедливости?.. Не клянутся ли Государи блюсти целостность своих держав? Сии земли уже были Россией, когда митрополит Платон вручал Вам венец Мономаха, Петра и Екатерины... Скажут ли, что она беззаконно разделила Польшу? Но Вы поступили бы еще беззаконнее, если бы вздумали загладить ее несправедливость разделом самой России. Мы взяли Польшу мечом: вот наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний. Екатерина ответственна Богу, ответственна истории за свое дело, но оно уже сделано и для Вас – свято уже: для Вас Польша есть законное Российское владение.

Старых крепостей нет в политике: иначе мы должны были восстановить Казанское и Астраханское царства, Новгородскую республику, великое княжество Рязанское и т. д. К тому же и по старым крепостям Белоруссия, Волынь, Подолья вместе с Галицией были некогда коренным достоянием России...

Доселе нашим правилом было: ни пяди, ни врагу, ни другу. Наполеон мог завоевать Россию, но Вы, хотя и Самодержец, не могли даром уступить ему ни одной хижины русской. Таков наш характер и дух государственный... Государь, я отвечаю Вам головой за неминуемое действие целого восстановления Польши: мы бы лишились не только прекрасных областей, но и любви к Царю, остыли бы душой и к Отечеству, видя оное игрищем самовластного произвола».

Потом Николай Михайлович объяснял и еще: «Если бы Александр I, вдохновленный великодушною ненавистью к злоупотреблениям самодержавия, взял перо для предписания себе новых законов, кроме Божиих и совести, – то истинный гражданин российский дерзнул бы остановить его руку и сказать: Государь, ты преступаешь границы своей власти. Наученная долговременными бедствиями Россия пред святым алтарем вручила самодержавие твоему предку и требовала – да управляет ею верховно, нераздельно. Сей завет есть основание твоей власти: иной не имеешь. Можешь все, но не можешь законно ограничить ее».

Если кадетские корпуса нынешней России имеют своей задачей подготовку таких государственных деятелей, таких слуг Отечества, таких граждан, то корпусные педагоги должны делать все, чтобы их питомцы впоследствии сознательно, добросовестно и творчески служили Государству Российскому на военном или гражданском поприще. Решайся такая задача, прежде всего, через преподавание научных знаний, само существование кадетских корпусов как особых учебных заведений закрытого типа не имело бы смысла. Действительно, для чего одевать подростка в военную форму и подчинять воинскому порядку, для чего определенным образом ограничивать свободу учащегося, если успешное усвоение наук возможно и в других, не столь жестких рамках? Речь идет, конечно же, о том, что кадетский корпус – это особые условия для воспитания молодых людей. Причем, условия наилучшие, и это доказано двухсотлетним существованием корпусов в Императорской России.

Каким в старину виделся (в идеале, конечно) кадет, выходящий из корпуса в самостоятельную жизнь? Прежде всего – искренно и деятельно **верующим христианином**, самоотверженно преданным Престолу, строго повинующимся законной власти и одушевленным сознательным чувством долга как верного слуги России. Разумеется – добрым и почтительным **сыном родителей**. Непременно – честным и трудолюбивым **гражданином**. Наконец – образованным, дельным и крепким духом и телом **воином**, смотрящим на службу государству и обществу не как на способ обеспечения личного благополучия, но как на благороднейшую цель всей своей жизни, с полной готовностью пожертвовать ею для защиты Царя и Отечества от врагов внешних и внутренних. Другими словами, целью воспитания было сформировать характеры, которые заключали бы в себе:

а) дисциплинированность на основе осознания идеи ранга и почитания старших – как готовность добровольного подчинения распоряжениям, приказам, установленному порядку;

б) честность и прямотушие;

в) доблесть как собирательное выражение душевного мужества, благородства, стойкости, великодушия и готовности жертвовать личным во имя товарищества;

г) трудолюбие, целеустремленность, инициативность и доверие;

В этих качествах у человека многое – от природы, но и они могут и должны быть развиты; причем, важно научить воспитанников, что не всякое средство оправдывается целью и что никакая инициатива не имеет права входить в конфликт с дисциплиной.

д) **преклонение перед красотой** и следование ей в мыслях и поступках, в манерах и в ношении формы одежды и т. п.;

е) **рыцарски чистое отношение к женщине**;

ж) **непримиримость к унижению достоинства** человека в себе и других.

В основе формирования личностей, именно такого свойства и качества, находились три главных средства: незыблемое постоянство определенного **порядка**, производительное **наполнение внеклассного времени** и неослабное поддержание **дисциплины**, приведенной в соответствие с дисциплиной воинской. Все эти средства работали, как правило, под искусным управлением воспитателей и неусыпным их надзором над кадетами. Порядок достигался соединением в целое также трех составляющих.

Во-первых – расписанием времени суток с той продуманностью, которая дает возможность строго определять действия и поведение кадета в любую из минут. Утренняя побудка – не тянись, быстро встань, приberi постель и себя, настройся на трудовой день. Классы – не отвлекайся, будь внимателен, голова работает в соображениях. И так во всем.

Во-вторых – требовательностью наставников. Ее обоснованная ясность и неизменность делают для порядка гораздо больше, нежели многословные поучения. Более того, требовательность способна наглядно показать, как много сберегается времени и труда от привычки к порядку – тогда человек делает любое дело так, как требуется, не переделывая его по много раз.

В-третьих – исключением праздного провозждения времени, «понеже праздность, – как говорил Суворов, – корень всему злу, особливо военному человеку...» Постепенно, без какого-либо давления на психику воспитанников нужно приучить их отдавать каждую минуту бодрствования работе души, ума или тела и, ни в коем случае, не потакать природной лени.

Производительное наполнение свободного от классов времени должно было развивать в кадетах трудолюбие и привычку к **полезным** занятиям и скромным развлечениям, смягчающим и облагораживающим нравы, устраняя тем самым праздное провозждение часов досуга, особенно вредное для нравственности воспитанника.

Правильная дисциплина должна была не только достигать непосредственного результата - исполнительности и хорошего поведения кадет в самом заведении, но постепенно выработать в них способность подчиняться установленным требованиям и в самостоятельной жизни. Очевидно, что ту же цель – воспитания – преследовало и обучение наукам. Науки развивали таланты и такие свойства личности, как сообразительность, сметливость, упорство в реализации задуманного. Исходили из убеждения, что **образование = воспитание + учение**.

И в самом деле: **образование** – это формирование личности в целом, по какому-то образу, **воспитание** – формирование нрава, характера, а **учение** – формирование

интеллекта. Воспитание стояло на первом месте, и не случайно, у каждого служилого человека в его *послужном списке* в графе «Образование» записывалось: воспитывался там-то и там-то. Например: «Воспитывался в 1-й Казанской гимназии и на физико-математическом факультете Императорского Казанского Университета».

Или: «Воспитывался дома и на юридическом факультете Императорского Московского Университета». Например: *«Воспитывался в 1-й Казанской гимназии и на физико-математическом факультете Императорского Казанского Университета».* Или: *«Воспитывался дома и на юридическом факультете Императорского Московского Университета».* Или: *«Воспитывался во 2-м Московском Императора Николая I кадетском Константиновском корпусе и Артиллерийском училище».*

В воспитании кадет должны, участвовать не одни только офицеры, но и штатские преподаватели тоже. Они с успехом могут использовать для этого свои занятия по дисциплинам основной и дополнительной программ. Почему, например, на уроке математики не рассказать кадетам, что первый в России учебник арифметики был составлен Леонтием Филипповичем Магницким, именно для кадет, так называемой Навигацкой школы в Москве (в будущем Морской корпус) еще в 1703 году; что единая программа преподавания математики была введена по повелению Императора Николая I именно в Российских кадетских корпусах, и что составил ее академик Михаил Васильевич Остроградский, профессор многих военно-учебных заведений Императорской России? Почему бы на уроке физики не вспомнить кадета Павла Шиллинга, будущего члена-корреспондента Академии Наук, который в 1812 году изобрел электрическую мину, а в 1832 году создал первый практически пригодный электромагнитный телеграф? Или на уроке географии — кадета Николая Пржевальского, ставшего знаменитым путешественником, которому принадлежит честь первых описаний природы Центральной Азии и открытия многих хребтов, рек и озер в этом суровом краю? которому принадлежит честь первых описаний природы. Или на уроке русского языка - кадета Владимира Даля, знаменитого собирателя русского фольклора и составителя Толкового словаря живого великорусского языка, а на уроке литературы - кадета и поэта Семена Надсона?

Все подробности внутреннего порядка в корпусе определялись его **директором**. Общее наблюдение за внутренним порядком в целом заведении возлагалось на очередного **ротного командира**, а в классах во время уроков – на **инспектора классов** и его помощника; непосредственный же надзор за точным выполнением утвержденного распределения занятий в каждой роте лежало на обязанности ее **командира** и очередного дежурного **офицера - воспитателя**. **Главной фигурой в кадетских корпусах был офицер-воспитатель.**

На эту штаб-офицерскую должность назначались лучшие офицеры из войск по рекомендации командира полка, офицерского собрания полка или отдельной воинской части. Еще не исключаемые из полкового штата, они в течение двух испытательных лет проходили службу в кадетском корпусе, а затем, после признания их пригодности к педагогической работе, направлялись на двухлетние Военно-педагогические курсы. По

окончании их офицеры-воспитатели переводились в ведомство военно-учебных заведений и исключались из списков тех полков, в которых служили раньше.

Вся система отбора кандидатов на должности воспитателей кадетских корпусов предполагала, что офицеры, предназначенные к этой деятельности, сами являются высоконравственными людьми, истинными христианами и, по их стремлениям и убеждениям, надежными верноподданными.

В силу того, что в подборе педагогических кадров для кадетских корпусов участвовали общества господ офицеров, ошибки были редки. **Можно сказать, что все воспитатели прекрасно понимали, в чем состоит их высокий долг: в постепенном и всестороннем приготовлении каждого воспитанника к творческо-нравственной деятельности, для которой воспитание физическое должно развить в нем необходимые силы, воспитание умственное – сообщить ему потребные знания и умения, а воспитание нравственное – направить волю его именно к такой деятельности.**

Служебные обязанности офицера-воспитателя были немногочисленны, но глубокие: *во-первых*, непосредственное наблюдение за кадетами порученного ему класса роты, по части физического и нравственного воспитания и умственного образования; *во-вторых*, очередные дежурства по роте; *в-третьих*, постоянное педагогическое самосовершенствование, включающее изучение литературы по воспитанию малолетних.

Для выполнения этих обязанностей воспитателю, при соответствующих его призванию качествах ума, сердца, характера и образования, благовоспитанности и физическом здоровье, требовалось: практическое здравомыслие, житейская опытность, понимание явлений телесной и душевной жизни детей вообще, умение обращаться с ними и способность подчинить их своему влиянию, близкое знакомство с настоящими условиями жизни общества, верная оценка пороков, заблуждений и слабостей, господствующих в современном обществе, ясное понимание требований офицерской службы, нести которую предстоит впоследствии большинству выпускникам кадетских корпусов.

Воспитатель был обязан изучить организм каждого из вверенных ему воспитанников и постоянно наблюдать за состоянием их здоровья с обращением особого внимания на те болезненные проявления, которые, не имея острого характера, болезненные проявления, могут ускользнуть от внимания врачей.

Воспитателю необходимо было ознакомиться с духовною природой каждого его питомца как отдельной личности и с преобладающими чертами его характера и воззрениями. И самое трудное – во всех своих суждениях, поступках и распоряжениях воспитатель должен стремиться к тому, чтобы действительно стать для каждого из своих питомцев лучшим образцом, авторитетным советником, и правдивым судьей.

Если ему удастся достичь этого, то дело воспитания примет надлежащее направление, которое избавит наставника от необходимости беспрерывно прибегать к увещаниям, внушениям, угрозам и взысканиям – этой легкой, но обыкновенно малодейственной мере практического воспитания. Даже за стенами корпуса одно воспоминание о таком наставнике оказывается для бывшего его питомца спасительным средством против всего злого и надежную поддержкой во всем добром. Но достижение такого результата обуславливается продолжительным воздействием наставника на воспитанника; при частой же смене воспитателей характер юноши может получить лишь несвязное, отрывочное развитие, а жизнь требует от человека цельности натуры.

Основные обязанности офицера-воспитателя относительно *умственного образования* вверенных ему кадет состояли в том, чтобы: следить за успехами своих воспитанников по всем предметам курса, для чего, по мере возможности, посещать уроки и своевременно выписывать из классных журналов в свой дневник баллы, полученные кадетами, и все сделанные о них учителями отзывы;

- во время классных занятий наблюдать за вниманием и поведением своих воспитанников, имея, однако же, в виду, что право распоряжения в классе принадлежит учителю;
- замещать в своем классе отсутствующего учителя, если не будет сделано другого на этот случай распоряжения, причем, каждый раз отмечать в особо установленном для записи классных уроков журнале, предмет и род своих занятий с кадетами в отсутствие учителя;
- присутствовать на всех испытаниях кадет своего отделения;
- вообще содействовать умственному развитию своих воспитанников, как прямую помощь им в приготовлении уроков, так и целесообразным выбором книг для чтения, и предметов для бесед своих с воспитанниками.

Направления целостно-полного воспитания.

Целостно-полным национальным воспитанием может быть только *военно-патриотическое воспитание*, которое предполагает формирование души, интеллекта и тела человека в едином педагогическом процессе, с целью подготовки благородно-творческого строителя национального государства и самоотверженного, физически сильного защитника Отечества.

Таким образом, полнота воспитания в кадетском корпусе достигалась общими усилиями его педагогического персонала **на едином пути *духовно-нравственного, воинского и физического* воспитания и *умственного* развития, как в процессе учения, так и в свободное от классных часов время. Еще раз подчеркнем: без воинской составляющей воспитание не может быть ни военно-патриотическим, ни, естественно, полным.**

Целостность воспитания кадет обеспечивалась:

- единством целей;
- единым подходом ко всем и к каждому;

- непрерывным надзором за воспитанниками и правильным, в согласии с православной верой, заветами предков, воинскими традициями, культурой народа, реагированием на поведение каждого кадета с преподнесением урока его товарищам;
- коллективным поиском наиболее действенных способов и методов формирования в малолетнем воине цельной, сильной и благородной личности;
- возможностью для воспитателей влиять на кадета в любом и каждом из направлений корпусной педагогики.

Направления эти – некие категории, всего лишь условно разделяющие целостный процесс образования. **Действительно, как отделить учение или физическое воспитание от духовно-нравственного? А то, и другое, и третье – от воинского? Или – наоборот?**

Задача-то одна развить и укоренить, в рамках христианских добродетелей, чувства (душу), мысли (разум) и телесные силы (тело) человека, призванного быть воином и командиром, гражданином и подданным, мужем и отцом.

Правда, современная педагогика пытается, вопреки здравому смыслу, дать самостоятельную жизнь каждому из умноженных ею же направлений. Кроме уже названных, она отличает в педагогической практике, например, еще и воспитания *трудовое, этическое, эстетическое, половое.*

При этом нынешняя наука обязательно отсекает от духовно-нравственного воспитания религиозную составляющую и этим разрушает самую его основу... Как будто возможно существование некоей безбожной нравственности! У этого явления другое имя – *безнравственность.*

Итак, духовно нравственное воспитание в корпусе.

Религиозное чувство и любовь к родной стране, привитые ребенку в семье, получали в корпусе самое настойчивое развитие и были фундаментом, на котором строилась личность будущего офицера – одного из командиров христолюбивого воинства и защитника Царя и Отечества.

Все наставники кадет придерживались принципа, сформулированного **К.Д. Ушинским**, который доказывал, что педагогика в России, как и вся культура, выросла на почве православной духовности, и нехристианское воспитание *вещь немислимая – безголовый урод и деятельность без цели.*

Каждый корпус имел свой православный храм. Храмовый праздник, как правило, был корпусным праздником, который имел значение главного из светских торжеств.

На амвоне, перед алтарем, устанавливалась знаменная сошка, в котором стояло зачехленное Знамя корпуса. Образ Спаса на нем, надпись «С нами Бог!», Императорские вензеля ясно говорили, что это – *святыня людей, принадлежащих к христолюбивому воинству.*

Алтарь и корпусное знамя у аналоя.

Кадеты на литургии.

Один из самых ярких его представителей, если не самый яркий, **незабвенный Александр Васильевич Суворов был в убеждении, что ни руки, ни ноги, ни брненное человеческое тело одерживают победу, а бессмертная душа, которая правит и руками, и ногами, и оружием** – и если душа воина велика и могуча, не предается страху и не падает на войне, то и победа несомненна, а потому и нужно воспитывать и закалять сердце воина так, чтобы оно не боялось никакой опасности, и всегда было неустрашимо и бестрепетно. Любимец Суворова полковник Ф. В. Харламов рассказывал, как полководец готовил своих солдат к бою: **«Собрав вокруг себя свой охотничий батальон, он рассказывал в пример о давно прошедших сражениях русских с турками, черкесами, татарами и поляками. В заключение полководец воскликнул: «Видите, ребята! С нами Бог! И кто переможет нас? Помолимся же Ему усердно, попросим у Него милосердия и отпущения содеянных нами грехов. И кому Бог подаст быть живу после дела, тот помянет убитых. Слышите, дети? Это хорошо, коль сделаем». После этого он упал на колени, и все ратники то же сделали и молились Присносущему, прося его благословить наше дело. Суворовские солдаты и офицеры знали, что их генерал умеет разрушать волшебство и козни дьявола именем Божиим, крестом да молитвою.**

Третьеклассников, то есть кадет, как раз изучавших богослужение, по очереди брали в алтарь, чтобы они могли вблизи видеть приношение Бескровной Жертвы и ту часть службы, которая невидима стоящим в храме, когда Царские Врата закрыты. Специально нанимаемый регент во время службы руководил кадетским хором, набираемым добровольно, по первому желанию из кадет всех классов.

Из всех же классов в лагерное время совершались паломничества в монастыри (не обязательно ближние) и к Святым местам. Еженедельное посещение храма в субботу (вечерня и всенощная) и в воскресенье (проскомидия и Литургия) для оставшихся в корпусе кадет было обязательным. Кадеты стояли в строю поротно. **Во время пения «Херувимской», «Верую», «Отче наш» и во время чтения Евангелия все опускались на колени.**

На богослужениях непременно присутствовали директор корпуса, ротные командиры и некоторые офицеры-воспитатели. **Молитвы читались и пелись** не только во время служб. Ежедневно это происходило в каждой роте, перед ротными образами после подъема (перед утренним чаем) и на сон грядущий, а также, перед каждым вкушением пищи и после него – в столовой, перед началом уроков и после них – в классах. В изголовье кадетских кроватей на цигелях висели образки – благословение родителей, и редко кто забывал, прежде чем лечь в постель, помолиться еще у своей домашней иконушкой. Почитание икон выражалось и в том, что многие кадеты учились иконописи в специальных студиях при корпусных храмах.

Для всех воспитанников было обязательным говенье во время Великого Поста. Всеми отмечалось, что в недели говенья жизнь в корпусе становилась тише и сосредоточеннее. Воспитатели собирали вокруг себя кадет и беседовали с ними или читали на религиозные темы. Известно, что в кадетских корпусах воспитывались дети, исповедующие и другие веры: римо-католики, лютеране, магометане, буддисты. Для преподавания им основ их веры в корпус приглашались оплачиваемые из казны ксендзы, пасторы и муллы. По воскресеньям и праздничным для православных дням, инославные кадеты во главе со старшим из них отпускались помолиться в своих храмах, как и в дни инославных праздников, выпадавших на православные будни. В последнем случае эти воспитанники освобождались от классных занятий. Так же, как и в православные праздные дни. Больше того, категорически запрещалось как-либо исключить этих кадет из православных празднеств. На Рождество Христово и на Пасху какой-либо розни между православными и инославными в корпусах, как и в Армии, никогда не бывало. Конечно, не все кадеты веровали одинаково. Религиозность в младших классах была непосредственнее и потому благоговейнее, но к Евангелию и Кресту все подходили со страхом Божьим, и так же осеняли себя крестным знамением. Кошунства корпуса не знали, тогда как в гимназиях и реальных училищах часто слышались кошунственные речи. **Атеизма и безверия в «кадетских монастырях» не водилось. В изгнании сказывалась сила традиции и тех начал, которые были заложены с первых классов, где дарилось каждому кадету евангелие с дарственной надписью от Отца всех кадет – великого князя Константина Константиновича:**

**Пусть эта книга священная
Спутница вам неизменная
Будет везде и всегда
Пусть эта книга спасения
Вам подаст утешение
В годы борьбы и труда.**

Сила традиций поддерживались офицерами-воспитателями в старших классах, когда молодые сердца восприимчивы к добру и вере. В боевых условиях связанные с юношескими молитвами переживания способствовали проращению Боголюбивых семян, и большинство **последнюю свою минуту встречали спокойно и без страха, с молитвой «Ныне отпускаеши...»**

Вопрос религиозного воспитания в возрождающихся корпусах стоит остро. Многие представители из педагогического персонала признают его фундаментом всего воспитания кадет, некоторые – отрицают в таком качестве. Всякую религию, прежде остальных – православие, они просто выбрасывают из воспитательной практики. Что в основе воспитания – неизвестно? Но самое сильное, глухое противление идёт, кажется, со стороны верхних чиновных педагогов. То и дело слышится: у нас церковь отдалена от государства, от государственной школы с её светским образованием, и, следовательно, священнослужителям в классах места нет.

Эта позиция утверждается и среди педагогов некоторых кадетских корпусов. Спрашивается: как можно говорить о национальном воспитании не на основе национальных религиозных верований? Вся наша нравственность – от них и из них! Нельзя же насаждать товарищество на принципах пресловутого интернационализма или на модном теперь понятии «гражданин мира». Мы обязаны, верим в Бога или нет, сказать ребенку правду: заповеди воинского товарищества, кадетского в том числе, начинаются евангельским заветом: **«Больше сея любви никтоже имать, да кто душу положит за други своя»** (Нет больше той любви, когда человек кладет душу свою за друзей своих). И именно в свете этой заповеди необходимо внушать воспитанникам, что причинение обиды словом или действием своему товарищу, особенно младшему или более слабому, позор для всех одноклассников обидчика. Старшие должны охранять и защищать младших, как родных братьев.

И потом, как быть с реализацией конституционного права свободы совести и исповедания? Закон Божий, кроме всего – это и конкретное знание, которому, в силу исторических обстоятельств, в большинстве наших семей не учат. Что же, какое право может реализовывать человек в гражданском состоянии? Дайте это знание ребенку, а он сам, повзрослев, решит самостоятельно и добровольно, с Богом ему быть или с безбожным интернационалом.

И еще. В корпусах, как и в наших школах, гимназиях и лицеях есть уже верующие дети. Даже только поэтому педагоги, в уважение чувств верующих воспитанников, не имеют права на атеистические высказывания о том или ином предмете истории и современности. Тем более, что и для них является очевидностью следующий факт: знание, то есть дело памяти, смекалки, практических навыков, в отрыве от духа, совести, веры разнуздывает человека тем, что дает в его распоряжение жизненно-выгодные возможности, которыми он может злоупотреблять; **формальная «образованность» вне веры, чести, совести и достоинства работает не на национальную культуру, а на её упадок и разврат пошлой цивилизации. Поэтому лучше всего (идеальное положение), если все воспитатели и учителя в кадетских корпусах по своим убеждениям сами будут истинными православными христианами.** Есть пожелание и к священнослужителям, берущимся преподавать кадетам Закон Божий – они должны быть *хорошими педагогами*. Вообще требование совместного участия (опять же в идеале) учителя и священника в духовно-нравственном воспитании, естественно – вместе они точнее определяют и

соответствие преподаваемого на уроках Закона Божия знания возрасту ребенка, и меру разумности религиозного содержания в других предметах учебного курса.

Приобретение знаний в кадетских корпусах тоже сопровождалось облагораживанием души. Особенно на уроках словесности, истории, географии, законовещения. Впрочем, и на других тоже. Скажем, в одном из корпусов был преподаватель химии, который без разговоров ставил за ответ «кол», если кадет называл Ломоносова или Менделеева просто по фамилии – нужно было обязательно назвать и их имена-отчества. Каприз? Нет, требовательное, даже жесткое приглашение к уважению великих трудов великих людей. Другими словами, побуждение молодой души к нравственной оценке того или иного лица, того или иного явления.

И пример того, что **учитель должен не только вбивать в головы факты своей науки, но и развивать воспитанника умственно и нравственно**. Остановимся здесь на духовно-воспитательной роли изучения родного языка. А чтобы подчеркнуть ее значимость, воспользуемся чужестранным опытом.

Когда Франция начала разворачивать свою национальную космическую программу, обнаружилось, что в стране нет достаточного количества квалифицированных математиков, физиков, химиков, инженеров. Страшное потрясение! Для выяснения причин такого кризиса срочно создали авторитетную комиссию. Она работала год. И вот, в ее заключении, одной из первых причин недостатка в кадрах было названо плохое положение с изучением в младших классах средней школы французского языка и французской литературы. Другими словами бедственное положение кадрами оказалось следствием и небрежения к родному языку именно в том возрасте детей, когда формируется их способность к воображению, да и вообще все творческие способности.

Как уже говорилось, **Великий Князь Константин Константинович всячески внедрял в воспитательную деятельность персонала корпусов педагогическую систему К. Д. Ушинского. А наш великий педагог смотрел на русский язык как на важнейшее средство духовного развития человека. Чтобы яснее представлялась его позиция, придется привести довольно пространную цитату из статьи Константина Дмитриевича Ушинского «Родное слово»:**

«Язык народа есть целое органическое его создание, вырастающее во всех своих народных особенностях из какого-то одного, таинственного, запрятого зерна. Язык народа – лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории.

В языке одухотворяется весь народ и вся его родина; в нем претворяется творческой силой народного духа весь тот глубокий, полный мысли и чувства голос родной природы, говорящий громко о любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов.

Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа. Поколения народа проходят одно за другим, но результаты жизни каждого поколения остаются в языке – в наследие потомкам. В сокровищницу родного слова складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитые радости – словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове.

Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезает народный язык - народа нет более».

А далее следует вывод:

«Являясь, таким образом, полнейшей и вернейшей летописью всей духовной многовековой жизни народа, язык в то же время является величайшим народным наставником, учившим народ тогда, когда не было еще ни книг, ни школ, и продолжающим учить его до конца народной истории. Усваивая родной язык легко и без труда, каждое новое поколение усваивает в то же время плоды мысли и чувства тысячи предшествовавших ему поколений, давно уже истлевших в родной земле или живших, может быть, не на берегах Рейна и Днепра, а где-нибудь у подошв Гималая. Все, что видели, все, что испытали, все, что перечувствовали и передумали эти бесчисленные поколения предков, передается легко и без труда ребенку, только что открывающему глаза на мир Божий, и дитя, выучившись родному языку, вступает уже в жизнь с необъятными силами. Не условным звукам только учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова. Оно объясняет ему природу, как не мог бы объяснить ее ни один естествоиспытатель; оно знакомит его с характером окружающих его людей, с обществом среди которого он живет, с его историей и его стремлениями, как не мог бы познакомить ни один историк; оно вводит его в народные верования, в народную поэзию, как не мог бы ввести ни один эстетик; оно, наконец, дает такие логические понятия и философские воззрения, которых, конечно, не мог бы сообщить ребенку ни один философ».

Известно, что любовь к родному языку прививается через чтение. Чтению в корпусах учили не только на уроках словесности, но и в свободные от классных занятий часы. В обязанности офицеров-воспитателей младших классов входило чтение воспитанникам вслух произведений религиозной, художественной и исторической литературы, подбираемой соответственно возрасту и уровню развития слушателей.

Насколько такая практика была плодотворной, можно судить хотя бы по тому, что в старших классах иногда уже приходилось и унимать желание кадет окунуться в таинственный книжный мир, многие не удерживались от соблазна почитать интересную книгу и на уроках – в ущерб знаниям из того или иного предмета.

Не было корпуса, в котором не работал бы литературный кружок, не увлекались бы поэтическим творчеством. Сочинения кадет публиковались в корпусных периодических

изданиях – листках и журналах. Скажем кстати: когда сегодня читаешь воспоминания царских кадет, невольно обращаешь внимание на то, насколько сочен, образен и свободен – одним словом, красив их русский язык. Ни птичьего щебета приват-доцентов, ни зауми модных когда-то публицистов – только широкий и светлый поток ясной русской речи!

Если говорить о нашем времени, то следует со всей определенностью констатировать, что овладению родным языком сегодня прямо мешают телевидение и другие средства массовой информации. Язык радио и тележурналистов, равно как и газетчиков, – это какая-то гремучая смесь псевдонаучного лексикона с грязью и хамством уголовного жаргона и перевираемыми американизмами. Часто к тому же эта смесь скрывает за собой ядреное невежество говорящего или пишущего. Однако это – только полбеда. А вся беда в том, что такой язык вкупе с кино-продукцией Голливуда, заполонившей телеэкран и ничего не насаждающей в душах, кроме жестокости, жадности, алчности и похоти, извращает нравственные чувства детей.

Установку надежного заслона всему тому злу, которое несет кадетам нынешняя насквозь интернационалистская журналистика, нужно рассматривать не как некую цензуру, ущемление свободы слова, но как прямое обеспечение «прав человека», в частности его права на чистоту духовной жизни. Больше того, отсутствие такого заслона может свести на нет все преимущества воспитания в закрытом учебном заведении. Особое место в воспитании кадет отводилось отечественной истории. Ведь охаивание всего родного у нас началось не сегодня. Известный историк начала XX века Нечволодов, автор учебника по истории России, переиздававшегося около двух десятков раз, писал: *«Как известно, мы очень усердно только отрицаем и обличаем нашу историю и о каких-либо характерах и идеалах помышлять не можем. Идеальность своей истории мы не допускаем. Какие у нас были идеалы, а тем паче герои? Вся наша история есть темное царство невежества, воровства, пьянства суесвятства, рабства и так дальше. Лицемерить нечего – так думает великое большинство образованных русских людей. Ясно, что такая история воспитывать (правильно воспитывать - Е.И.) не может! Самое лучшее, как может поступить юноша с такой историей – это совсем не знать, существует ли она.*

Но, не за это ли самое большинство русской образованности несет, может быть, справедливый укор, что оно не имеет почвы под собою, что оно не чувствует своего исторического нравственного сознания, а потому и умственно, и нравственно носится попутными ветрами во всякую сторону».

Никогда не упускалось из внимания, что молитва, а рядом с нею – язык, песня, сказка, жития святых и героев, поэзия, история страны и ее армии, то есть все то, что наш русский философ Иван Александрович Ильин называл национальными педагогическими сокровищами, есть не что иное, как главные источники чувств, на которых и следует строить все воспитание. Ильин говорил, что национальный дух последнего необходим каждому русскому и каждому здоровому человеку.

Генерал Б.В. Адамович

Державная комиссия проводит экзамен

Генерал А.Г. Попов

Во возвращении души не бывает пустяков. Казалось бы, какая разница, умеет юноша танцевать мазурку или привык на балу подпирать стены. Но ведь корпусной бал – это целое событие. Он бывал один раз в году, на корпусной праздник, и значит, что только на нем кадет и мог общаться с дамским обществом. Да не просто болтать и балагурить, но непременно показать себя настоящим благородным мужчиной. То, что в сегодняшней школе зовется половым воспитанием, тогда называлось рыцарским.

Барышня, женщина была для кадета той тайной, которая требовала к себе благоговейного отношения и преклонения. Трепетное касание девичьей талии в танце навевало мечты отнюдь не о безопасном сексе, но о создании с этим милым существом настоящей офицерской семьи, в которой все дети продолжают родительское дело – мальчики тоже пойдут в кадетский корпус, а девочки вырастут заботливыми хранительницами домашнего очага.

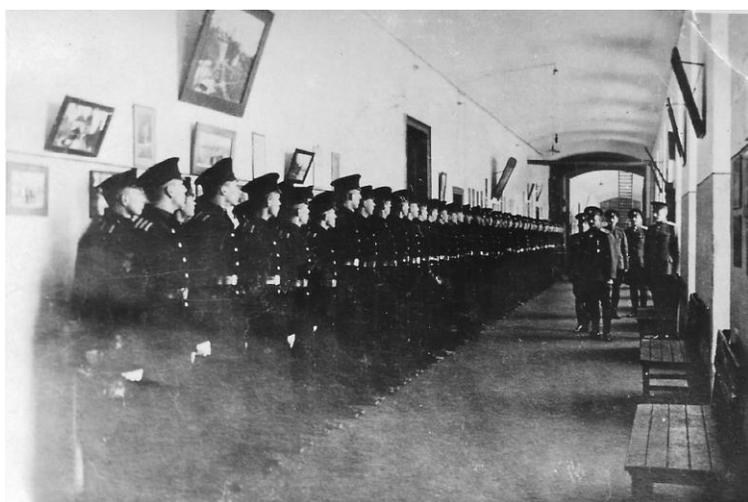
Профессор Пушин делает доклад кадетам

Институтки и кадеты – годовой бал

Голодная, холодная, бесприютная жизнь семей русских белых офицеров в изгнании (а среди них большинство составляли кадетские семьи) доказала всю правильность воспитания в кадетских корпусах и в женских институтах. Супружеские пары, наметившиеся еще на корпусных балах, оказались нерушимо прочными даже под ударами самых лихих мытарств. И даже там, в Зарубежье, свой долг перед Россией осознавали не только мужья, но и жены. Игорь Николаевич Андрушкевич рассказывал мне, как на упрек какого-то умника - в незначительности общественной пользы от офицерских жен - ответила старая генеральша: **«Мы платим свой долг Отечеству, - сказала она большим достоинством, - кровью своих сыновей...»**

Духовно-нравственное воспитание определяло и объединяло в сплетении и два других направления педагогики в кадетских корпусах. Начнем с **воинского**, как определяющего главную особенность учебного заведения. Усилия педагогов на этом направлении были призваны, на основе традиций воинского товарищества и кадетского братства. Привить воспитанникам чувства гордости за их принадлежность к корпусной семье, сформировать понимание долга служения Отечеству и чести. Выработать и закрепить привычку к субординации, к неустанному совместному труду в совершенствовании своих знаний и умений, в развитии волевых качеств характера. **Главный инструмент воспитания – строй.**

Строй роты Его Высочества

С первого своего шага в кадетской форме ребенок должен был познать, что это – **святое** место: в строю, воин приносит присягу на верность солдатскому долгу, из строя отходит к Богу душа православного воина. Кадету нужно было усвоить, что человека, посвящающего свою жизнь служению Отечеству, строй учит идти к успеху по ступенькам, который в гениальной простоте и гениальной последовательности определил для русского офицера великий Суворов. Сперва - субординация, альфа и омега всего воинского естества, *потом - экзерциция*, то есть совместные упражнения и закалка в них. Все это дает *дисциплину*, слагающуюся из чинопочитания и совместного воинского учения, а *дисциплина - мать победы*. Победа же рождает *славу Отечества*, которому ты служишь.

Строй – первое средство укоренения кадет в подчинении субординации и дисциплинированности. Об этом хорошо было сказано в Инструкции кадетским корпусам по воспитательной части, и здесь не помешает воспроизвести пространную цитату. Итак: Сущность воспитательного дела требует, чтобы воспитанник, не могущий еще иметь верного мерил для разумного самоопределения, подчинял волю свою воле воспитателя. Подчинение есть только одно из средств воспитания, а не конечная цель его; эта последняя заключается **в повиновении воспитанника нравственному закону, который должен, наконец, обратиться в его личную совесть.** Но пока еще воля воспитанника не вполне согласуется с нравственным долгом, воспитанник обязан, безусловно, подчиняться приказанию или запрещению воспитателя, который должен, в свою очередь, формулировать их по возможности кратко и вполне определенно, чтобы воспитанник с точностью знал, что именно следует и чего не следует ему делать. Вместе с тем воспитатель должен быть всегда воздержан и осмотрителен в отдаче приказаний, требуя от воспитанников лишь действительно необходимого и возможного, а затем не допускать уклончивости в точном исполнении требуемого и деятельно преследовать неповиновение, в особенности же соединенное с обманом.

Строй категорически отвергает грубость во взаимоотношениях, несдержанность, жестикуляцию (безобидную только на первый взгляд). **Не допускает «дедовщину» ни в коем случае!** Он учит *этике* поведения, активно участвует в **этическом воспитании** малолетних, наравне с таким же воспитанием в обучении хорошим манерам поведения за столом, в обществе, в присутственных местах, на улице. Единообразие формы одежды, безукоризненное равнение рядов и шеренг кадетского строя приучает к красоте.

Строй, приучая к опрятности, категорически не признавал неряшливости в ношении формы, грязной обуви, рук в карманах, оборванных или болтающихся пуговиц и прочих «мелочей», на которые в наше время, к сожалению, не всегда обращается внимание.

Строй был и инструментом *эстетического воспитания*, наравне с таковым на уроках рисования и пения, в художественных студиях и музыкальных оркестровых коллективах, в занятиях танцами и драматическим искусством, на поэтических вечерах и соревнованиях в исполнении строевых песен. Надо сказать, что русская солдатская и народная песня, это драгоценное наше национальное достояние, использовалась в педагогике кадетских корпусов особенно активно. Прежде всего, в хоровом исполнении ее. Кадет учили петь, и они умели петь. В их парадных, походных и бивачных песнях прославлялись и страна, и ее герои, и славные русские полки, и корпус, и воинские традиции, и товарищество. В них лихость и веселье перемежались чувством любви к отцу с матерью, к родной природе, к необозримому русскому приволью – ко всему, что соотносилось в мальчишеской душе с понятием **Отечество**.

Причём, **строй** не терпел *лая* вместо *пения*, и не случайно строевая песня кадет, если она звучала на городских улицах, вызывала неподдельное восхищение обывателей, валивших послушать ее. А если пели в походах по окрестностям своего города на так называемых полевых прогулках - кадетская песня вторила самой природе, сливаясь с симфонией ее

звуков. Природа всегда нравственна, и такое слияние заметно усиливало влияние хорового пения на молодые души.

Далее. Четкие и слаженные действия в любом **строю** - это всегда **нелегкий коллективный и индивидуальный труд и всегда трудовое воспитание**, наравне с трудовым воспитанием, с приучением к труду в соборной и личной молитве, в классных и спортивных занятиях, в работах на корпусном садовом участке, в ремёслах, в уборке жилых помещений и дворовой территории, в соблюдении опрятности и аккуратности. Исходили опять-таки из положения **системы Ушинского** : **Самовоспитание, если оно желает счастья человеку, должно воспитывать его не для счастья, а готовить к труду жизни... Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду;** оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни, зажечь в нем жажду серьезного труда, без которого жизнь его не может быть ни достойной, ни счастливой.

По внушению кадету всего, что сказано выше, и по осознанию им всего этого, ребенок никогда не мог увидеть во «фронтном учении» какую-то муштру. Наоборот, любое строевое занятие или просто передвижение в ротной колонне невольно напоминало ему о близости мечты оказаться, наконец, в старшей, строевой роте и получить заветную боевую винтовку. Ружейные приемы кадетский строй обычно выполнял настолько четко и красиво, что вызывал восхищение даже таких строгих ревизоров, какими были все офицеры гвардейских пехотных полков.

А вывод тут, хотя и не мудреный, но очень важный: **стоя в строю весело, но без улыбки**, даже малыш наполнится великой соборной силой и, гордо расправив плечи и грудь, научится чувствовать себя способным выполнить любой приказ. **Строй** при умелом командире - воспитателе учит подростка любить военное дело, влюбленность в которое – верный залог его успешной ротной государственной службы или надежный помощник даже и в службе гражданской.

Физическое воспитание – брат воинского. Не случайно в кадетской среде любого кадета, отличающегося лихой строевой подтянутостью вкупе с физической развитостью, звали «пистолет». Физическое воспитание в корпусе было немислимо без приучения кадет к соблюдению определенных гигиенических норм и к закаливанию организма. **Здоровье – основа физического развития! И если перефразировать Суворова, то можно сказать, что болезненного человека развивать физически – все равно, что ржавое железо точит** - поэтому, каждого воспитанника с первого дня его пребывания в корпусе, приучали к тому, чтобы он ежеутренне, и ежевечерне чистил зубы, омывал холодной водой тело до пояса, ежедневно холодной же водой мыл ноги. Всякий раз после посещения туалета, а также перед каждой едой мыл с мылом руки. Кадет спал только на правом боку, высвободив из-под одеяла руки и плечи. Ему категорически запрещалось курить. В строю и вне строя воспитатели обращали особое внимание на осанку своих воспитанников: не искривленный позвоночник – это развитая грудь, это мощный дыхательный аппарат, это вообще здоровье.

Считалось, что для телесного развития кадет необходимо большую часть свободного от классов времени отводить для игр и физических упражнений то ли на воздухе, то ли в спортивном зале. Несколько комплектов гимнастических снарядов (турник, параллельные брусья, кольца, «кобыла», «козел», «шведские стенки» с вертикальными и наклонными лестницами, шесты и канаты для лазания по ним, холодное оружие и костюмы для фехтования, лыжи и коньки, «гигантские шаги», городошные площадки с битами и рюхами, площадки для лапты и «отбойки» (нынешний волейбол), поднятое над землей горизонтальное бревно (бум) – вот перечень того, что имели в своем распоряжении кадеты всех корпусов. Физическое развитие кадет проходило под постоянным контролем корпусных врачей, рекомендации и требования которых являлись неукоснительными для ротных командиров и офицеров воспитателей. Авторитетом медицины устанавливалась мера баланса в интеллектуально-физическом развитии воспитанников. Помнили, что чрезмерный избыток умственных усилий в детском и юношеском возрасте наносит неисправимый вред не только физическому, но и духовному развитию человека. Потому и был налажен строгий надзор за количественным отношением и напряженностью интеллектуальных и физических нагрузок.

Таким образом, физическое воспитание кадет, идя рядом с воспитанием духовным, умственным и воинским, строилось так, чтобы воспитанники, получив хорошее телесное развитие и настоящую закалку, выходили из корпуса полноценно здоровыми молодыми людьми, обладающими такими боевыми качествами, как сила, выносливость, ловкость, скорость реакции, смелость.

(Примечание от автора).

«Всё выше сказанное полковником Евгением Павловичем Исаковым о системе обучения в царских корпусах, было полностью применено в корпусах зарубежья».

Становится предельно ясным, что воспитание военной молодёжи в сегодняшней России не совместимо с традициями кадетского воспитания - не существует одна система!

«Сpartанское, строевое обучение кадет, начиная с первого класса, совершенно не подходит для совместного воспитания с девушками, и нарушит их женственность. Во всей вековой истории кадетского воспитания и образования такой безрассудной реформы никогда не предлагалось». Институты благородных девиц существовали с программой, особо созданной специально для воспитания девушек (будущих матерей счастливых и многодетных семейств). **Дай Бог**, чтобы книга эта помогла педагогам и офицерам воспитателям кадетских корпусов в их повседневной работе.

(Настоящий отрывок взят из статьи полковника **Е. П. Исакова «О нашем национальном опыте»**, вошедшей в состав книги этого автора **«К завещанной доблести»**).

Сигнальный экземпляр этой книги автор вручил мне с трогательной надписью:

«Дорогому другу моему, Алексею Михайловичу Ермакову, без которого это издание не состоялось бы и которому, поэтому принадлежит по справедливости авторский сигнальный экземпляр, с великой благодарностью».

Е. П. Исаков.

Москва - 8.09.2002 года.

ГЛАВА 6

Кадет Алексей Михайлович Ермаков (продолжение).

«Мы – разные, потому что по-разному воспитаны». Эта фраза промелькнула в труде Евгения Павловича Исакова, моего лучшего друга. Но, справедливости ради, я должен сказать, что с моей стороны этой разницы по отношению лично к Жене, я никогда не испытывал! Надеюсь, что многие читатели эту фразу подметили и серьёзно над ней подумали. Этот веский, глубоко продуманный вывод полковником Е.П.Исаковым воспринимается нами, кадетами зарубежья, с большой душевной болью, потому что является исторической реальностью и горьким результатом всего того, что создавалось за долгие годы существования глобалистов СССР.

Может быть, Женя прав, мы действительно разные, мы являемся старыми дон-кихотами, застрявшими в изгнании на одном историческом пути, т.е. мы стали неполноценными русскими с точки зрения граждан сегодняшней России. Но старшие кадеты в изгнании сохранили священный огонь и донесли его до Матушки России в 1992 году. Мы свою веру и долг патриотов Отечества исполнили!

**«Встреча» в России - 1992 год
(август 29, по сентябрь 18).**

Посвящается светлой памяти суворовца полковника Евгения Павловича Исакова.

Благородный порыв чувств участвующих в этой первой «Встрече» в России: суворовцев, нахимовцев и зарубежных кадет – создал незабываемое историческое событие.

**Мы говорили в дни Батыя,
Как на полях Бородина:
Да возвеличится Россия,
И гибнут наши имена!**

Во имя России мы слетались, по первому зову, со всех концов земного шара. Оставляя непримиримую вражду в прошлом, мы искали и нашли мир и братскую любовь кадета к кадету. Тогда мы побоялись назвать это событие Традиционным Съездом, ибо по началу, у обеих сторон не было полного, полноценного доверия друг к другу. Но, присматриваясь и знакомясь, в конечном итоге, пришли в восторг друг от друга, находя, что у нас одна и та же безграничная любовь и преданность нашему Отечеству. Мы, кадеты, являемся патриотами нашей Матушки России! Тогда все твёрдо поверили, что в будущем будем собираться на Обще-кадетских Съездах, как одна родная большая кадетская семья. И этого Съезда, наконец, мы дождались в 2007 году в Москве, Екатеринбурге и Санкт Петербурге.

Зачинщиками идеи **«Встречи»** оказались суворовец полковник Евгений Павлович Исаков и ваш покорный слуга. В маленькой кухоньке, у ныне покойного Жени, мы проводили счастливые часы в мечтаниях до поздних часов ночи. Его благоверная супруга Алисия Алексеевна нас кормила и благосклонно слушала наш, как ей казалось, бред Дон-Кихотов. Возрождение кадетских корпусов была главной темой наших бесконечных разговоров.

В те времена, в столице, мы не находили людей сочувствующих возрождению кадетских корпусов, в итоге, мы решили, что в глубинке нас поймут скорее. Был выбран старинный, истинно русский Великий Устюг, куда мы вдвоём с Женей и полетели. Как нам показалось, этот красавец-город и был городом нашей мечты. **«Здесь не обойдутся без кадетского корпуса!»** С этими мыслями мы направились к мэру города, который выслушав нас, наверное, подумал, что мы «с луны свалились». Затем, заинтересовавшись идеей, он показал нам слесарную школу, находящуюся в стенах заброшенного монастыря. Посмотрев на большой, старинной архитектуры монастырь, нам, мечтателям стало ясно, что здесь возродить надо монастырь, а для кадетского корпуса надо искать другое место.

В дальнейшем, в Новочеркасске наша мечта сбылась – возродился **«Донской Императора Александра III кадетский корпус»**, чему мы, мечтатели, были благодарными свидетелями в наших неоднократных посещениях первенца.

Но, вернёмся к **«Встрече»**. Удивительно то, что суть системы воспитания в кадетских корпусах в изгнании, а также в суворовских и нахимовских училищах в России сработала и выявилась на этой первой встрече. Мы, счастливые участники **«Встречи»**, одинаково верили и верим в самые верные слова, что **«кадет кадету друг и брат»** на всю жизнь. Теперь, многие из наших братьев отошли в лучший мир. Без сомнения, они стоят в строю, где **«Бог им генерал»**. Мы скорбим, что лучшие из нас ушли рано, но мощный почин кадетскому делу был достигнут, именно, на этой первой **«Встрече»**. Теперь нам оставшимся, **предоставлено достойно продолжать борьбу, за процветание единой системы воспитания и образования в кадетских корпусах и училищах. Под попечительством главнокомандующего, в лице Президента Великой, Единой и Неделимой России.**

Генерал-майор Александр И. Владимиров попросил меня описать и подробно изложить всё то, что нас объединило в одну кадетскую семью - в тот исторический год, на что я и дал своё согласие.

С Божьей помощью, мы сотворили тогда то, что казалось невозможным в те времена. С 29 августа по 18 сентября 1992 года происходило историческое чудо, иначе назвать это событие нельзя.

Как сказал Игорь Козлов, командующий группой зарубежных кадет:

«Россия призвала своих верных сынов, по обеим линиям фронта, встретиться, обдумать и серьёзно, в дружеской обстановке, обсудить способы и меры для общей работы на благо Родины и на ее восстановлении».

Встретили нас поистине тепло, радушно, по-братски. Приезд наш так был отмечен в одной из газет: *«Будем откровенны, еще несколько лет назад о такой встрече мы не только не мечтали, но даже представить себе не могли. И вот зарубежные кадеты на земле общей для всех нас Матери-России».*

Неописуемый восторг почувствовали тогда зарубежные кадеты, впервые вступив на родную землю. **«Ёкнули» сердца, полились слёзы счастья! Господь сподобил их прильнуть и крепко обнять любимую, желанную Мать-Россию, по которой так тосковали всю свою жизнь в изгнании.**

Гостеприимные хозяева расположили гостей в Подмоскowie, в сказочном месте на реке Клязьма, в большом здании санатория, принадлежавшем Генштабу Минобороны.

На **«Встречу»** прибыло 84 участника, надо было всех разгрузить и чемоданы поднять на этажи. Вот тут выявился благодетель, полковник Коля Сычѳв, он оказался не только хорошим организатором, но и силачом, таскавшим на себе тяжеленные чемоданы, так как лифт «забастовал». Позднее, Коля заработал кличку «будильник», так как он занимался побудкой кадет в течение всего пребывания на **«Встрече»**. Всѳ остальное в этом заведении отдыха сверкало чистотой, порядком и прекрасным обслуживанием.

30-го августа на автобусах нас повезли на экскурсию по Москве. В Донском монастыре нас ожидало очередное чудо. Для официальной встречи зарубежных кадет, под командой есаула Георгия Писарева, было построено отделение молодых донцов в формах Донского Императора Александра III кадетского корпуса. Нашу радость и восторг трудно описать, ибо мы поняли, что **«лѳд уже тронулся»** и возрождение кадетских корпусов **«не за горами»**. После все проследовали в храм на службу, которую совершал отец Даниил. Он поведал нам о житии Св.Патриарха Тихона, так как сам был свидетелем тех ужасных времѳн. Батюшка нам продемонстрировал замечательную акустику храма, а потом повѳл нас осматривать монастырь и кладбище.

Вечером, на банкете в санатории, суворовцы, нахимовцы и зарубежные кадеты заняли свои места за столом вперемежку. **Генерал-лейтенант А.Р. Чувакин возглавлял суворовцев и нахимовцев, а вице-фельдфебель XXIII-го выпуска И.А Козлов - зарубежных кадет.**

По команде «Встать!» мы спели молитву до банкета, а Миша Кузнецов прочѳл молитву «Перед началом дела». За главным столом, кроме командующих с супругами, сидели генерал А.Друкарев и перво-суворовец полковник В. Аниканов.

Последовали приветствия, тосты и искрение речи с пожеланиями восстановить **преемственность поколений – во имя духовного нравственного и культурного возрождения Матушки России!**

Вице фельдфебель XXI го выпуска **Алексей Йордан** высказался: **«Мы шли к одной цели славе России, но разными путями. Слава Богу, теперь эти пути пересеклись!»**.

Были и захватывающие музыкальные выступления, и наше кадетское хоровое пение. Оказалось, что мы знали и пели в своих корпусах одни и те же песни.

В **«Звёздном городке»**, куда мы приехали на следующий день, 31-го августа, нас приветствовал суворовец, Герой Советского Союза **генерал В. Джанибеков**. Он детально рассказал нам о космосе, где он побывал пять раз. Молодые кадеты-донцы, да и мы, старые кадеты, как замороженные слушали «разинув рты». Космический музей, тренировочный бассейн и залы свидетельствовали о мощи и талантах российских первопроходцев в космосе.

1-го сентября, по случаю начала учебного года, нас привезли на торжества в Московское суворовское училище. С волнением мы услышали команду **«Торжественному маршу...»** и громада суворовцев двинулась, чётко печатая шаг. Большой восторг мы испытывали, смотря на будущих строителей новой России. После нам разрешили пообщаться с кадетами в их классах, после чего нас накормили вкусным обедом.

После обеда, нам предоставили очередное, колоссальное удовольствие в Московском суворовском музыкальном училище, куда нас привезли на автобусах. **«Плац-концерт»** мы увидели и услышали в первый раз, и это действительно был шедевр, где кадеты показали свою выправку, шагистику и музыкальные таланты. Всё происходило во время маршировки с замысловатыми перестроениями, игрой на инструментах и пением. Кадеты действительно достигли высочайшего мастерства - нас распирало от гордости и счастья, видя такое талантливое и отчётливое представление.

После концерта мы общались с молодцами, и никак не хотелось расставаться. Уже перед погрузкой на автобусы, теперь уже наши любимцы, построившись опять, на инструментах сыграли несколько маршей нам на прощание. Потом, они запели знакомую нам песню – мы подхватили, потом мы запевали – они подхватили. **Какой незабываемый день нам подарили молодые суворовцы!**

В продолжение дня, мы осмотрели Московский Кремль снаружи и внутри, посетили Грановитую и Оружейную палаты, Алмазный фонд, и были поражены красотой и богатством всего увиденного.

2-го сентября на высших офицерских курсах **«Выстрел»** мы провели весь день, осматривая классы, тренажеры, музей, танки, оружие и стрельбище, где каждому дали

возможность стрелять по мишеням из пистолета Макарова. Командование выдало нам медали и награды победителям за стрельбу. После вкусного обеда, **Игорь Андрушкевич** блеснул интересным докладом на тему **«О традициях русского офицерства»**. Нас везде встречали так, как встречают только давным-давно потерянных родственников. Вечером, с большим патриотическим подъёмом прошёл второй банкет в санатории.

3-го сент. мы посетили **Троице-Сергиеву Лавру**, молились у раки **Преподобного Св. Сергия Радонежского**, осмотрели храмы, посетили музей, и разделили монастырскую трапезу с настоятелем монастыря. Кадет Михаил Табуч выразил общее мнение, сказав **«Из-за одного посещения Троице-Сергиевой Лавры стоило прилететь в Россию»**. Весь день был глубоко духовным - для спасения грешных душ наших! 4-го сентября, день был предоставлен для заслуженного всеми отдыха.

Суббота, 5-го сентября, **«Заря с Церемонией»**. Эту традицию мы сохранили в изгнании и донесли до сегодняшней возрождающейся России. После гибели нашего Корпуса, в самых примитивных условиях мы провели **«Зарю с Церемонией»** в 1948 году в лагере беженцев «Шляйсгайм» (Германия). Без оркестра, одними голосами кадетские гимны гремели во всю мощь кадетской души. Тогда кадетские Объединения насчитывали несколько сот молодых голосов. Полный чин «Зари» был впервые восстановлен на IX-ом Съезде 1984 года в Вест Пойнте. К тому времени главные сигналы, и партитура были расписаны в.у.о. XIX выпуска Валентином Мантулиным, с помощью профессиональных музыкантов и при участии Сан-Францисского Объединения.

Предвидя возможные трудности столь необычного события, В. Мантулин отправился в Москву заранее, привезя с собой ноты, где он обратился за помощью к полковникам Е.Исакову и В.Аниканову. Вместе, перебрав несколько столичных ансамблей, они остановили свой выбор на оркестре Военно-музыкального факультета Консерватории имени П.И.Чайковского, который и подготовил всю программу «Зари», согласно указаниям В.Мантулина. Таким образом, строй Зарубежных кадет удостоился чести исполнять ритуал «Зари» на Родине, под аккомпанемент лучшего показательного оркестра страны, причём – экспромтом без «Генеральной репетиции».

В красивом парке санатория, где мы проживали, на широкой аллее построились кадеты: зарубежья, молодые донцы, суворовцы и нахимовцы. Это историческое событие я запечатлел на плёнку фильма, которую надо сохранить как документ исполненного церемониала в России, впервые, со времён трагического 1917 года.

Торжество происходило под сенью знамени Фанагорийского гренадерского генералиссимуса Суворова полка. Знамёнщиком был суворовец, полковник Николай Сычёв, разводящим вице-фельдфебель XXI выпуска Княже-Константиновец Алексей Йордан, в сопровождении хранителя знамени, председателя Львовского Суворовского клуба Олега Ястремского. Командовал парадом вице-фельдфебель XXIII выпуска Игорь

Козлов. Парад принимал старейший кадет Сергей Синькевич, закончивший Крымский кадетский корпус в 1926-м году.

Пронесённое вдоль строя знамя стало на правый фланг. Командующий парадом рапортовал старейшему кадету, вдвоём они обошли строй, и старейший по очереди поздоровался с зарубежными кадетами, донцами, суворовцами и нахимовцами. Будет уместно подчеркнуть, что в строю среди кадет, суворовцев и нахимовцев стояли генералы, полковники и чины повыше чина капитана Синькевича, принимавшего парад, которые дружно, не задумавшись, ответили: «Здравия желаем, господин капитан!». Этим наша старая императорская традиция почитания «старейшего кадета» была исполнена.

По команде оркестр исполнил гимн «**Коль славен**». Затем кадеты спели молитвы : «**Отче Наш**» и «**Спаси Господи**», был прочитан «**Великий синодик**» кадетом, крымцем **X-го выпуска, Владимиром Бодиско. В сопровождении оркестра кадеты исполнили свои кадетские гимны: «Братья все в одно моление» и «Наш полк».** После, командующий произнёс пламенную речь, окончив её общим громогласным «**УРА!!!**». Оркестр сыграл, нами приемлемый новый гимн России, (который позже заменили). Унесли вдоль строя заветное знамя, горнист сыграл отбой, и раздалась команда «**РАЗойТИСЬ!**».

Сложно описать восторг и ликование всех присутствующих. Каждый был тронут до глубины души, сотворилось то, к чему мы стремились всю нашу жизнь. Генерал-лейтенант Чувакин выразил свои чувства: «Необъяснимую внутреннюю духовную радость я пережил от участия в этом торжестве. Спасибо, большое спасибо!». «**Мы одна кадетская семья!**» Высокое чувство патриотизма мы обещали передать тем, кому не повезло быть с нами на этой исторической первой «**Встрече**».

***Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина***

6-го сентября мы оказались свидетелями и участниками величайшего всенародного торжества. **Кадет XX выпуска Николай Протопопов** обосновал это так: «**Десятки тысяч зрителей преодолели многие сотни километров, чтобы поклониться священной для каждого русского человека памяти наших предков. Это бесспорный знак того, что патриотические чувства в душе русского человека не утрачены, а передаются как святыня от одного поколения к другому. И так должно быть вечно!**». У величественного памятника многочисленное священство и монашество **поминало своих героев воинов за Отечество на поле брани живот свой положивших.**

Линза моей камеры хватала потрясающие кадры: массы поющих, танцующих казачек, казаков, ликующий народ – стар и млад отдавали дань историческому событию.

Последовала совершенно неожиданная Баталия! 180 лет тому назад здесь гибли сотни тысяч русских солдат, защищая свою Отчизну. С лихвой доставалось и французам.

Перед нашими глазами разыгралась эта жесточайшая битва, грохотала артиллерия, неслись в бешеной скачке полки кавалерии, и наступала пехота. Все участники сражения были обмундированы в формах того времени, как русские, так и французские войска. Это было грандиозное зрелище, которое осуществили, несмотря на расходы.

Народ действительно знает и почитает свою тысячелетнюю историю, вопреки интернациональному влиянию коммунистического лихолетья.

Именно это стремление к нашей исторической сути лишний раз показывает и доказывает, что «Только та страна и сильна, которая свято чтит заветы родной старины». Это есть тот, один единственный путь к светлому будущему для всех нас!

Вернёмся на Бородино, к полемому обеду на лужайке, где за столами мы пребывали в прекрасном настроении, вкушая солдатский, походный и вкуснейший обед. После обеда, **генерал А. Друкарев** сделал нам приятный, и трогательный сюрприз. Он нас всех построил в одну шеренгу - подал команду, и мы счастливые зашагали к ящику, где **Кадет** (да, с большой буквы) **Боря Суздальцев** выдавал нам большие гильзы, с надписью: «**Земля России. Бородино 6 сентября 1992года**». Тут же, в красивом лесочке мы набирали родную землицу в гильзы, с тем, чтобы на чужбине ею посыпать в гробу усопшего кадета, когда его призовет Господь.

Организаторы «**Встречи**» превзошли себя, заказав теплоход для продолжения путешествия по Волге. Курс был взят на Санкт-Петербург. Нас сопровождал оркестр Суворовского музыкального училища. Выражаясь на кадетском жаргоне, это была самая настоящая «**малина**», значение которому - **лучшего не бывает!** Танцы на палубе, под оркестр лучших из лучших музыкантов – кадет, такого удовольствия забыть невозможно! Шли мы по каналам, озёрам и проходили 18 мощных шлюзов, везде нам улыбалось солнышко, отражаясь в зеркальной воде. По пути заходили в село **Ирму, в Кирило-Белозерский монастырь и Валаам**, посетили исторические святые места.

В **Санкт-Петербурге** нас встретили с той же теплотой и радушием, что и в Москве. Хлеб-соль, музыка, цветы для наших дам - вся обстановка способствовала немедленному сближению. Возглавлял «**Встречу**» капитан 1-го ранга **Н.Н. Малов**, начальник Нахимовского военно-морского училища. Главным организатором был **полковник В. Левченко**, проявивший свойственную ему большую энергию. На автобусах кадеты-гиды знакомили нас с достопримечательностями **града Петра**. В Суворовском училище нас принял с распростёртыми объятьями **генерал В. Скоблов** (начальник училища). Буквально всё здесь производило на нас незабываемое впечатление.

Ведь в далёком прошлом, по этим коридорам и лестницам шагал в строю паж Александр Карагеоргиевич, наш Витязь-Король, наш благодетель. Благодаря королю Александру Первому сохранились кадетские корпуса за рубежом. Без поддержки Его Величества не было бы нас, не было бы и этой «Встречи».

В Нахимовском училище гостеприимству не было конца, они закатали для нас концерт и пир горой. В морском училище был устроен грандиозный **«Кадетский бал»**. В большом зале с белыми колоннами блистали нарядно одетые гости, дамы в вечерних туалетах, зарубежные кадеты в чёрных костюмах, военные, суворовцы, нахимовцы в парадных формах. Прекрасно играл военный оркестр. Подали ужин с шампанским, произносились тосты. Позже, закружились пары под звуки вальсов, плясали «Краковяк», некоторые носились в вихре удалой «Мазурки». Тут мне вспомнилось первое письмо к зарубежным кадетам, написанное полковником Е.П.Исаковым, где он описывал уроки бальных танцев в училищах. Оказалось, что Женя не преувеличил, доказательством этому были отлично танцующие суворовцы и нахимовцы. Описать поездки в Царское село, Павловск, Кронштадт и другие замечательные, исторические места - надо писать книгу, для этого, к сожалению, требуется писательский талант и трудолюбие, которого у меня мало хватает. Прощальный ужин был грустным, произносились речи и тосты, старались подытожить завершившееся грандиозное и незабываемое дело.

Сознание того, что нам предстоит прощаться с Матушкой Россией, щемило наши сердца. Но, было и великое чувство радости, Господь сподобил нас обрести много братьев и многократно приумножил нашу кадетскую семью!

Теперь у нас есть наследники, унаследованные нами святыни от дедов и отцов, не пропадут с нашим отходом в лучший мир. Наш дух кадетский не канет в небытие – в это мы твёрдо верим!

Низкий поклон и глубокая благодарность всем устроителям «Встречи»!!!

За Великую, Единую и Неделимую Россию – УРА!!!

Октябрь 15, 2008 года.

Алексей М. Ермаков.

Кадет XXVII выпуска, Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса в Югославии.

Глава 7 (ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОВЕСТИ)

Вдали от Родины, изгнанники первой волны, так называемые «**белые**», верили в свою Россию. Они сохранили то, что жестоко уничтожалось на Родине. **Они свято хранили самое ценное - Веру Православную, язык, культуру, вековую историю, традиции, быт, свое лицо, честь и достоинство.**

Описывая в этом труде нелегкую жизнь простой семьи **Ермаковых**, и то куда - толкала их суровая судьба. Читателю будет интересно познакомиться с путями их не легкого выживания среди чуждых культур в разных странах.

Визовый документ Ермаковых – русских эмигрантов.

Странствования во многих государствах дало изгнанникам возможность изучать культуры и традиции других народов при этом, они никогда не теряли своего национального достоинства, самосознания и своего русского стержня. Их заветной целью и мечтой всегда было возвращение **ДОМОЙ, в ПРОЗРЕВШУЮ от СТАЛИНЩИНЫ и от КОММУНИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ – СВОБОДНУЮ РОССИЮ.**

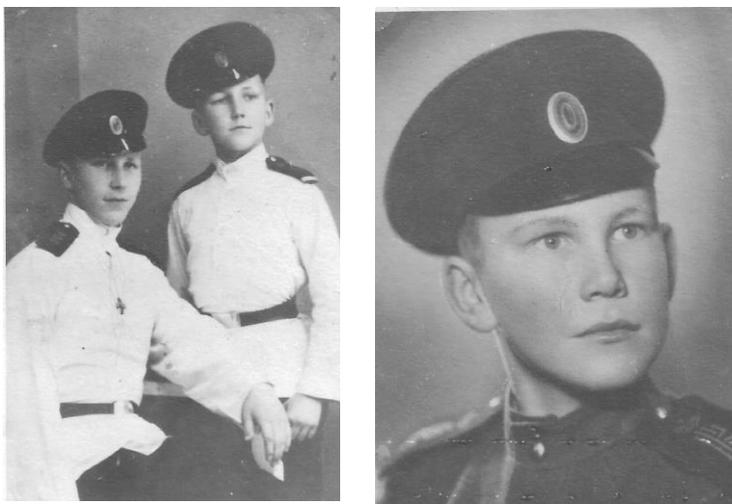
В семье росли три сына, для которых счастливое будущее предвиделось только в своём освобождённом Отечестве. Так мечтали их родители, но судьба распорядилась совсем по-другому, и заветной мечте не было суждено осуществиться.

Прошло уже много лет, Господь Бог призвал в лучший мир родителей и старшего брата, они похоронены в чужой - не в родной земле. Такая же жестокая участь ожидает и нас младших братьев. Мечта о счастливой жизни в России отпала из-за сложных политических событий в Отечестве, и нашего уже преклонного возраста.

Россия теперь находится под игом материализма и нравственного упадка, мнимая свобода впрямую не пошла. **Мерзавцы-шкурники** свободно орудуют на всех уровнях общества, торгуя алкоголем и опасными наркотиками, под крышей не совсем честных исполнителей власти.

Суворовец, полковник Евгений Павлович Исаков честно исполнил свой долг. Его веские рассуждения о системах воспитания в кадетских корпусах царской России, в корпусах изгнания, в суворовских/нахимовских училищах Советского Союза, научат читателя самостоятельному анализу важных фактов, и помогут разобраться по всем вопросам. **Женя** составлял свой труд, размышляя глубоко и детально, сравнивая методы воспитания военной молодёжи в разные исторические периоды страны. **Он**, не навязывая своего мнения, анализировал всё логично - какие методы лучше всего подходят для воспитания Русской молодёжи, в возрождённых и вновь созданных кадетских корпусах?

О периоде жизни в кадетском корпусе за рубежом, я постараюсь поделиться своим опытом с сегодняшними кадетами, суворовцами и нахимовцами.

Три брата Ермаковых (слева-направо): Валентин 20-го выпуска, Алексей 27-го выпуска и Сергей 29-го выпуска.

Трёх братьям Ермаковым сильно повезло быть воспитанниками **Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса**. Именно, этот период нашей жизни в Югославии, был самым поучительным и счастливым для нас! В корпусе мы почувствовали могучие корни **Святой Руси**, мы стали познавать и гордиться своей историей, своей культурой, своей русскостью, мы стали неотделимой частью исторической воинской семьи Матушки России.

Несмотря на лишения, которые нашей семье пришлось испытать в те далёкие времена, у нас были и периоды благополучия. «Хороша страна Югославия, но Россия лучше всех», так мы пели, маршируя в кадетском строю.

За годы странствования по разным странам мой личный кругозор очень расширился. Я приобрёл глубокое уважение к разным древним народам, таким как Япония и Китай, с их тысячелетними историями, религиями, культурой, сохранёнными традициями, и уникальными обычаями. Мне хочется припомнить интересные моменты из этой жизни и поделиться с вами, так это делал наш преподаватель природоведения в корпусе.

В мою первую поездку в Россию 1991 году, я спорил со многими суворовцами и твердил им неоднократно: **«Поверните оглобли на восток! Запад никогда ничего хорошего России не давал и не даст!»**. К большому сожалению, сегодня подтвердилось это стремление запада разыграть третью мировую войну, которая может превратиться безумцами в атомное самоуничтожение. Среди американцев раздувают ненависть к всему Русскому!

Теперь настало время представить Вам моих родителей:

Майор в Охранном Корпусе - 1941 год.

Отец - Михаил Матвеевич Ермаков, простой Донской казак, родился ноября 8-го, 1892 г. вырос в Харькове, там он окончил медицинский факультет и стал военным врачом. Он обладал высоким ростом, располагал незаурядной физической силой, в студенческие годы занимался спортом, особо увлекался борьбой. Когда знаменитый борец Поддубный выступал в цирке Харькова, и вызывал желающих побороться с ним, отец под маской вышел на арену и успешно положил богатыря на лопатки. Отец считал эту победу своим высшим достижением.

Разразилась революция. Отец вступил в ряды Белой Армии в чине капитана и врачевал над ранеными. На фронте он сам был ранен, и его вывезли в Египет, в госпиталь имени Английской Королевы. По выздоровлению английские доктора упрасивали его остаться у них работать в госпитале, но он им решительно отказал и направился в Крым к генералу Врангелю. На русской земле ему пришлось пережить три недели кошмара. Кругом разыгрывалась трагедия отступления, пароходы отходили перегруженные обездоленным народом, отцу не удавалось на них попасть. Один из последних пароходов, полностью загруженный, отошёл от пристани и стал на рейд. Отец, не раздумывая, кинулся в волны и доплыл до корабля. Там ему бросили канат, и он был спасён.

Мать - Зоя Павловна Юмашева, родилась Фев.16.1896 года в Красноуфимске на Урале.

Мать - 1941 год

Отец её был черемисских кровей, закончил семинарию в Казани и служил батюшкой, отцом Павлом. Матушка его была русской и подарила ему троих детей. Старший сын был царским офицером. В первую Мировую войну он попал в немецкий плен, откуда дважды бежал. Моя будущая мать стала учительницей, удержать её дома было невозможно,

она рвалась на фронт защищать вместе с братом своё Отечество. В Москве она окончила курсы сестёр милосердия, и просила её послать на фронт - в лазаретную летучку. Начальство не давало ей разрешение по причине её маленького роста, да и выглядела она уж очень молодо. Тут вмешался граф Граббе, который услышал её горячую просьбу, и разрешил ей ехать на фронт (граф Граббе заведовал поездом Красного Креста). **На фронте сестра милосердия Зоя Павловна Юмашева была награждена Георгиевским Крестом за храбрость.**

В Добровольческой Армии она продолжала свою жертвенную службу Родине, пока уже при эвакуации не заболела тифом. Её не бросили и на носилках внесли на пароход. Очнувшись она на койке в русской больнице уже в Стамбуле, в одной госпитальной рубашке, это составляло всё её богатство, вывезенное из России.

Бог не без милости, за её здоровьем стал присматривать военный врач, капитан Михаил Матвеевич Ермаков. Так было Господу угодно, вдали от горячо любимого Отечества, два много перестрадавших, и достойных существа соединились воедино и стали мужем и женой. В Турции рождается мой старший брат Валентин в августе 1922 года.

Следующий этап жизни молодых родителей проходит в побеждённой Германии. Там молодому врачу дают возможность специализироваться, но жить в стране было невозможно из-за сумасшедшей дороговизны, и семья переселяется из Берлина в Париж.

Жизнь во Франции оказалась нелегкой, французы относились к русским холодно и свысока. Думать об устройстве по профессии вообще не приходилось, оставалось рассчитывать только на простую работу чёрнорабочего, не всегда находившуюся. Отец трудился на фабрике Ситроена, работал таксистом, статистом в киностудиях, и на других мало оплачиваемых и неинтересных работах.

Этот период оказался сложнейшим и труднейшим в жизни моей матери. Отец пристрастился к картам, и ей пришлось пойти на работу подавальщицей в тогда популярные русские рестораны, оставляя маленького сына у французской домохозяйки. Каждый вечер, как на работу, отец уходил в фешенебельный клуб - казино, где полагалось быть во фрачной паре. Там он регулярно проигрывал буквально всё, что зарабатывал сам, и что зарабатывала мать. Он оказался неисправимым картёжником. Эта отцовская болезнь продолжалась долго, справиться с собой он не мог. Но в один вечер ему сильно повезло, он выиграл так много денег что, по его мнению, хватило бы ему и его детям на всю жизнь. В последний момент, к столу подсел американец, который его полностью обыграл. С тех пор, отец карты в руки не брал.

Можно понять состояние отца, ему надо было убраться подальше из Парижа, подальше от картёжного соблазна.

В благословенной Югославии, в Белграде, жил и работал по профессии доктор Чернотубов, близкий друг моего отца, к которому он и обратился за советом.

Было решено, что отец поедет в Сербию на разведку, а мама останется в Париже ждать вызова, и приедет с сыном, когда с работой всё будет налажено.

Белград отцу не понравился. После Парижа он ему показался деревней, и он пишет маме «Не пакуйся, я скоро вернусь».

Папин друг рекомендует отцу поехать в Нови Пазар, посмотреть на возможное место работы врачом. Ясно, что душа отца искала выхода, она очень пострадала в Париже. Крайне необходимо было найти место и работу, где отец смог бы залечить свой недуг и этим искупить огромную вину перед всегда верной, любящей и понимающей его супругой.

Дикий, неразвитый, но с красивой природой край произвел большое впечатление на отца. Он понял и осознал свою высокую миссию врача среди чужого, примитивного народа и направил следующее письмо маме: «Пакуйся, приезжай!»

Такой был почин новому, твердому решению доктора Михаила Матвеевича Ермакова – бросить свой якорь жизни именно в этом чужом захолустье, которое представляло собой полнейший контраст Парижу, во всех отношениях.

Настал благословенный период служения отца примитивному народу так, как это и подобало русскому доктору, давшему клятву Гиппократу. Сербский язык трудности не представлял, будучи славянским и близким к русскому. Отец со свойственной ему энергией взялся за дело установления **«Дома Народного Здравля»**, где больные лечились бесплатно, без всяких страховок, об этом беспокоилось государство.

Дом Народного здоровья

Доктор Чернозубов с семьёй, служащие, отец и Валя

Детство в родной Югославии.

День моего рождения - тридцатое июля 1928 года.

Воспоминания о счастливом детстве наводят на меня грусть и тоску, вызывая сильное желание перенестись туда, хотя бы мысленно, в город моего рождения – в **Нови-Пазар**. В те полудикие времена в городе жило всего лишь 16.000 жителей, из которых 80% были мусульмане. Малая прослойка православных состояла из сербов и десятков русских семей белых эмигрантов.

Надо указать, что сербы находились под турецким владычеством в течение пяти веков. Именно в этом историческом районе Рашка находилась древняя колыбель Сербии, сербы говорят «колевка Србие». Следы этой высокой культуры и цивилизации существуют и сегодня. Руины разрушенных монастырей, храмов свидетельствуют о страшной судьбе побеждённого народа, все эти века боровшегося за свою свободу. «Майка Русија» - Мать Россия освободила своих братьев славян от турецкого ига, но пострадала сама, трагически подпав под иго интернационального коммунизма.

Новым молодым государством управлял **король Александр I Карагеоргович**, он получил своё воспитание и образование в Пажеском кадетском корпусе, в Санкт Петербурге. Всеми любимый король и Его народ чутко отозвались на ужасную трагедию, постигшую русских людей в кровавой мясорубке российской революции.

Двери тогдашнего государства «Сербов, Хорватов и Словенцев» были широко открыты королём-рыцарем для русских беженцев. Он отдал приказ: «На земле сербской русские изгнанники должны чувствовать себя как дома, молиться в своих храмах, исполнять Русский гимн «Боже Царя храни». Учить молодёжь в своих русских школах, воспитывать в кадетских корпусах, носить формы царских времён. Отступившей Белой Армии велел охранять границы своего молодого государства и быть готовой к продолжению борьбы с врагом всего мира – Коминтерном».

Король не признавал легитимности советской власти. Несмотря на тяжёлое политическое и материальное положение, в котором оказалось после Первой Мировой войны вновь созданное государство. Русским изгнанникам была предоставлена необходимая финансовая помощь, и особенно важная в те времена моральная поддержка. Мудрый король понимал, что его стране сильно повезло приютить у себя высокообразованных русских людей, которые помогут ему поднять культуру сербского народа во всех отношениях, направлениях и уровнях. Мирное, братское сожительство двух славянских народов с большим успехом начало своё сосуществование.

Мировая закулиса не стерпела этого братского взаимоотношения, и совершила подлое убийство нашего покровителя, **витязя короля Александра Первого**. Это произошло в 1934 году во Франции, куда прибыл с визитом наш благодетель. Вся страна пребывала в

страшном горе, особенно сильно переживали русские изгнанники, потеряв своего рыцаря-благодетеля.

Единственный в нашем городе радиоприёмник был в семье Ермаковых. Мать выставила его на подоконник и пустила звук во всю мощь - быстро собралась толпа, на коленях, сербы и мусульмане, плача слушали обряд похорон любимого короля. В это же самое время наш отец находился в Белграде, он поехал принять участие в похоронах Его Величества.

Отец возглавляет Дом Народного Здоровья, создаёт лечебницу, детскую клинику, строит единственную в городе душевую баню для горожан, разбивает парк. Он и его служащие после работы занимались рассаживанием деревьев, кустов, цветов и особых роз из королевского сада, за рассадой отец лично ездил в Белград. Садовые дорожки усыпались мелким щебнем из белого мрамора, который отец со своими служащими разбивали молотками на малюсенькие камушки (другого способа не было). Вскоре красивый парк со своими цветными клумбами и белыми дорожками установился и заблагоухал, став настоящим чудом города.

В крае бушевали разные заразные болезни, в сёлах из рода в род передавались венерические болезни, тёмный народ не доверял доктору и его медицине.

Семья Ермаковых на торговом базаре, 1930-е годы.

Край нуждался во всеобщей просветительной работе. Много труда было вложено отцом, чтобы добиться полного доверия и уважения к своей работе от Министерства Здоровья в Белграде, и от жителей города и края.

За 17 лет своей службы отец не взял себе ни одного дня отпуска. Пионерская работа русского доктора медицины была признана как в министерствах, так и в самом городе среди сербов, мусульман и русских. Успехи лечения приносили отцу большую радость,

и приумножали его силы в борьбе с заразными болезнями. Отец боролся за повышение уровня жизни в городе и в окружающих сёлах. Доктора Сербии стали изучать его научный метод лечения.

Будучи бывшим военным, он поставил всю организацию на военную ногу. Он являлся ответственным начальником, которому следовало беспрекословно подчиняться. Строгая дисциплина царила в Доме Народного Здоровья, где был установлен идеальный порядок.

В семье преобладал домострой. Отец был строгим и не оказывал нам детям ласки, мне тогда казалось, что он нас особенно не любит. Мама была полной противоположностью: любвеобильная, ласковая, отзывчивая - она была олицетворением доброты к людям, и к животным. Мама полностью царила во всём, занималась нашим воспитанием, заставляла нас учить французский язык, и, когда время подошло, она повезла Валу в кадетский корпус в Белую Церковь. Это было лично её твёрдое решение - сделать из него кадета, будущего русского офицера освободителя России, иначе и быть не могло! В это далёкое путешествие она захватила и меня. Со слов мамы, увидев нас в своём кабинете, генерал Адамович со страхом воскликнул: «Неужели и карапузика оставляете мне!?» Мне тогда было менее четырёх лет, но я запомнил генеральскую саблю, прислоненную в углу, а на ней белую фуражку.

Мама

**Русские дамы в турецком одеянии
Алёша и Серёжа сидят в ногах**

В Новом Пазаре сильное влияние матери в одинаковой степени распространялось и на сербок, и на мусульманок. Мать стала познавать, понимать и уважать их разные обычаи, в свою очередь они начали доверять её добрым советам, и постепенно воспринимать необходимые для них современные познания. Таким образом, между ними устанавливались крепкая, глубокая дружба и особое взаимное уважение.

Для смены настроения расскажу маленький анекдот – случай, который действительно произошёл в папиной практике, до некоторой степени объясняющий местные нравы. Поглощённый работой доктор сидит за столом в своём кабинете, делает запись в журнале. Входит очередная пациентка – мусульманка в чадре. Доктор, не смотря на неё, командует: «Раздевайся для осмотра!» и продолжает дальше писать. Проходит некоторое время, и мусульманка перестаёт раздеваться. Обративший на это внимание доктор спрашивает её: «Почему же ты не раздеваешься»? Последовал ответ: «Ты не раздеваешься, поэтому я и престала раздеваться»!

Отец был ярим охотником и любителем домашних животных, он нам (детям) не дарил игрушки, но привозил подарки в виде молоденьких животных. Получали мы по паре, всегда обоих полов: ягнят, козочек, поросят. Водились у нас также курочки, гуси и утки. Конечно же, у нас были и ангорские кошки, и породистые охотничьи собаки, а в конюшне держали двух верховых лошадей и корову, от которой нам детям полагалось пить только что выдоенное парное молоко. Все животные были породистыми, с ними было приятно проводить время, не только кормить и чистить, но также их тренировать. Вообще, наше детство было счастливым и солнечным, оно приучало нас любить своих подопечных, заботиться о них, дружить с ними и быть ответственными за их хорошее поведение.

Мать очень хотела родить девочку, но к её большому разочарованию опять появился мальчик, зато отец был очень доволен. Назвали третьего сына Сергеем. Даже дошло до того, что мама заручилась у цыганки удочерить только что родившуюся у неё дочку. Каждый год цыганский табор появлялся в нашем городе, и много лет подряд эта цыганка приносила свои рукоделия маме на продажу. Каждый год у ней на руках был новый красивый новорожденный ребёнок, в тот раз он был двенадцатый по счёту, и это была дочь. Мама взмолилась, упрашивая цыганку отдать ей новорожденную девочку на удочерение. Даже наш отец был согласен! Всё было сговорено, мать-цыганка была согласна. Пошли за отцом-цыганом, но когда он появился, то категорически воспротивился удочерению, эмоционально заявляя, что чужая жизнь для его дочки будет несчастливой. Конечно, мама и вся наша семья были очень разочарованы, что у нас не будет сестрёнки.

По установившемуся порядку отец после работы отдыхал у себя в спальне лёжа на кровати. Он всегда брал в руки газету и приказывал Салиху (слуге-мусульманину) принести к нему двух помытых маленьких поросят. Беленьких, чистеньких, с розовыми курносими носиками, отец клал их себе под каждую подмышку. Поросятам это очень нравилось, и они, счастливые, похрюкивали, доставляя этим отцу большое удовольствие. Вскоре у отца валилась газета из рук, и от всех троих раздавался спокойный и равномерный храп. Такое удовольствие долго не могло продолжаться: поросята быстро росли, и их пришлось выставить в большой двор. **Бибик** принадлежал Вале, а **Чушка** была Серёжиной и моей. Свиньи оказались умными, и их тренировка доставляла нам несказанное удовольствие. Недалеко протекала река Йошаница с песчаным пляжем. Туда мы неслись вихрем наперегонки с нашими подопечными - это были самые серьёзные состязания в беге на скорость. На самом пляже наше удовольствие достигало

кульминации, так как мусульманские дети в ужасе разбежались во все стороны от наших бегунов (по правилам их религии им вообще не полагалось дотрагиваться до свиней, считали это большим грехом). В результате мы без всяких проблем пользовались всем пляжем, играли, плавали и гоняли по песку с нашими любимцами. Уставши от бега, мы и наши бегуны падали в горячий песок отдышаться и отдохнуть.

Прошло пару лет, и наши питомцы перестали бегать с нами, они здорово выросли и очень потолстели. В один прекрасный вечер мы были в гостях, а в те времена ничего и никогда не закрывалось на ключ. Вернувшись, домой, слышим шум в спальне, зажигаем там свет - и нам представляется незабываемая картина: **Бебик** и **Чушка** лежат в разломанной папиной кровати и счастливо похрюкивают. Вытурить их на улицу было нелегко. Замечательно то, что они поднялись по ступенькам, открыли дверь в кухню, прошли через столовую, вошли в спальню и, вспомнив своё детство под папиной тёплой подмышкой, сумели влезть в кровать. Не выдержав, их сверхтяжелого веса кровать разломалась. Трагедия произошла позже. По сербской традиции, полагалось держать свинью в хозяйстве до определённого возраста, а перед Рождеством нанимать к себе на дом мясников, специалистов заколоть свиней и разделать мясо на колбасы, сало и другие копчёные изделия.

Мне, 88-ми летнему старику, до сих пор больно об этом вспоминать, в ушах всё ещё слышится раздирающий вопль наших дорогих питомцев, **Бебика** и **Чушки**, которых постигла такая ужасная участь. Три мясника работали над их тушами весь день. Мы, дети, не могли дотронуться до подаваемых на стол блюд, изготовленных из наших любимцев. Нашему детскому горю и страданию не было конца.

Рассказ о собаках.

Отец завёл пару охотничьих собак - кобеля и суку, швейцарской породы. Им дали имена **Лори** и **Нерка**, оба отличались своим умом и ласковым характером, а также обладали сильным охотничьим инстинктом. Друзья-охотники хвалили наших собак, что льстило отцу. Шли годы, **Лори** заболел и умер. **Нерка** осталась одна, ей стукнул шестнадцатый год для собаки это предельный возраст.

У соседа охотника появился чудный пёс, который повадился прибегать в наш двор. И что вы думаете!? **Нерка** втюрилась в него - в её-то годы, и забеременела! Подошёл с нетерпением ожидаемый нами вечер. У **Нерки** было своё место в конюшне, и мама отправилась туда помогать ей. Присутствовать нам при родах мать не разрешила. Пришлось сидеть на крыльце, ждать, и через весь сад орать: «Сколько щенят»? Первый ответ был: «Три, и ещё есть!», а закончилось это счастливое событие тем, что мы прыгали от радости: **Нерка** подарила нам тринадцать щенят!

Отец был в восторге от подарка и решил оставить нам всех щенят, которых мы потом выкармливали молоком из бутылок. Получилась необыкновенно красивая свора собак. Ходить на охоту с ними доставляло всем колоссальное удовольствие, особенно когда они гнали дичь: можно было заслушаться симфонией их лая. В одну из охот мы потеряли

Тобика. На свет он появился последним, поэтому был меньше других ростом. Мы его безуспешно долго призывали и в конце концов решили, что **Тобик**, к нашему горю, наверное, погиб. Опечаленные, мы поехали домой. Прошло дней пять. Вдруг слышим - за оградой скулит **Тобик**. Радости не было конца! Он сам пришёл, покрыв расстояние более ста километров по диким горам. Лапы у него были все исцарапаны и в крови, наша мама тут же взяла его под свой надзор и лечение. Вся собачья семья возрадовалась блудному братику и наперебой усердно облизывала **Тобика**.

Лошади.

По казачьей традиции, казак без лошади не казак. Поэтому у Вали была кобыла **Мери**, арабской породы и белой масти, от неё он был без ума, и никому не позволял на неё сесть. У меня был конь **Принц**, босанской породы и гнедой масти. Он был меньше ростом, чем **Мери**, и обладал особым характером, который меня очень радовал.

Дело в том, что мы выезжали на реку купать наших лошадей без сёдел. Конечно, нам было приятно пофорсить, показать своё умение мчаться по пляжу на лошадях без сёдел. Многие друзья просили дать им возможность поскакать верхом. Валька своей **Мери** никому не давал. Я же своего **Принца** с удовольствием предоставлял смельчакам, зная, что **Принц** их сбросит. Каждый раз он проделывал тот же самый приём: разлетится полным ходом, подогнёт голову под себя и застопорит. Вот тут-то бравый смельчак проделывал сальто через голову **Принца** и приземлялся в песок. Слава Богу, никто себе шею не сломал, но смеху было всегда вдоволь. **Принца** я особо любил за то, что он никого, кроме меня, на себе не признавал.

Казалось, что жизнь в изгнании наладилась, но папа с мамой, да и все русские жители города, жили на чемоданах в надежде на скорое возвращение домой. **Каждый Новый Год все русские собирались в нашей семье за столом, отец просил всех встать и торжественно произносил первый тост:**

**«Следующий новый год обязательно отпразднуем у себя дома.
За Великую, Единую и Неделимую Россию, ура»!**

Несмотря на беспредельную тоску по Родине, русский человек обладал особым свойством приспосабливаться к любой ситуации, и в каждой стране, куда его злая судьба не загоняла. **С Божьей помощью**, расправив плечи, он первым делом строил храмы, где получал духовную силу, и находил себе утешение вдали от Родины.

Находясь в изгнании, мы беззаветно любили потерянное Отечество - Матушку Россию, но никаких контактов или вестей от родных из враждебного СССР не могли получать. Мы знали, от друзей, что из-за установленного террора на Родине мы о судьбе родных знать ничего не могли - переписка могла им очень повредить.

Все надеялись, что ненавистный режим скоро падёт, и мы вернёмся к себе, в свою дорогу, любимую, свободную от коммунистов Родину. **У каждого русского,**

находящегося в изгнании, была и есть одна единственная идеология, которую мы никогда не теряли и бережно хранили – Святую Русь!

С малых лет сказывалась у нас русская кровь и гены. Зачастую за своё русское имя приходилось драться с сербской и турецкой детворой, особенно было обидно, когда они нас дразнили «рус-купус», что впрочем, означало безобидное – «русский капуста». Вообще же с сербами и турчатами мы жили дружно.

Особую дружбу мы завели с соседями мусульманами, наши родители между собой также дружили. Каждый из нас имел своего ровесника, закадычного друга: у Вали был Сульё, у меня – Шабан, у Серёжи был Кемал. (В этой семье было ещё два сына и одна дочь). Мы проводили наши детские игры на пляже. Пользуясь полной свободой, мы гоняли по горам и оврагам, играя в похожую на нашу игру - «казаки-разбойники».

Однажды, наигравшись, мы расположились отдыхать на высокой скале над рекой Йошаница. Наша ватага состояла из нескольких мусульман, одного серба и меня – русса. Смотреть вниз с высокой скалы было страшно, и тут мы зачирикали, как воробьи, вызываясь спрашивая, хватит ли у кого смелости прыгнуть вниз? Кадро, турчонок постарше нас всех, самоуверенно заявил, что он помолится Аллаху, и с ним ничего не случится! Он стал на край обрыва, подняв руки кверху, сотворил молитву: **«Аллах бесмилях»** и бесстрашно слетел вниз. С ним, и вправду, ничего не случилось. Тут турчата загалдели: **«Аллах велик»!** Окружив меня, они стали вопить: **«Русс, русс прыгай - твой Бог тебе не поможет»!!**

Во мне всколыхнулось неодолимое желание постоять за свою Веру Православную, за свою Россию. Я почувствовал своим 8 летним детским умом, что это мой прямой долг, тут никакого вопроса не могло быть. Сознаю, что чувство страха я испытывал! Став на край преисподней, я перекрестился и, сказав: **«Боже, помоги!»** - не глядя вниз, я прыгнул. Мне показалось, что я летел довольно долго, а когда приземлился, то услышал хруст в левой ноге и почувствовал, что сломал ногу. Мне жутко не повезло - я упал на зарытый в песке камень. Как мне вспоминается, я не заорал.

Мой испуг полностью исчез – я победил свой страх! Я постоял за Веру Православную и за Россию! Впервые, в восемь лет моей жизни, я испытал сильное чувство гордости русского патриота – я не испугался испытания!

Детвора побежала за мамой, и вскоре она прибежала с подушкой и служащими. Подушку подложили под поломанную ногу, и меня понесли домой. Будучи сестрой милосердия, мама действовала хладнокровно, позвала другого врача, не стала дожидаться папы, который в это время объезжал край с приехавшим из Белграда Министром Здоровья.

Мою ногу забинтовали с гипсом по бедро, и в школу я стал ходить на костылях. Нога моя быстро зажила, и вскоре я вернулся к моим прежним обязанностям и играм. Первые четыре года (с шести до десяти лет) я учился в сербской школе на отлично.

С удивлением, теперь вспоминаю свою одновременную влюблённость в четыре девочки в моём классе, одна из них была русской - Лялей Гусевой, мне тогда исполнилось 9 лет. (Подавал надежду очень рано)!

По воскресениям вся наша семья ходила в сербский Православный храм. Жизнь проходила спокойно и налажено, и мы стали чувствовать себя настоящими Ново-Пазарцами.

ГЛАВА 8

Кадетский корпус.

После летних каникул настал долгожданный день. Мать стала снаряжать Валю и меня в кадетский корпус. Странновато, что отец в этом особенного участия не принимал, всё это было полностью обязанностью матери, с которой она по-деловому справлялась.

На автобусную станцию высыпала масса маминых подруг, сербок и мусульманок, они плача, прощались с нами. Особенно крепко обнимали меня. Тогда мне стукнуло только десять лет. Подруги мамы укоряли её в безрассудном решении: посылать сыновей в такую даль! Им было сложно понять мамино решение - патриотки России.

Валя был очень рад, когда автобус, в конце концов, тронулся. Меня же душили слёзы, которые я с трудом старался сдерживать. В этот самый момент моё сердце с болью ойкнуло, сознавая, что я покидаю самое дорогое – маму и свой зверинец на очень долгое время. Через 22 километра в городе Рашка мы пересели на поезд и отправились в длинную поездку на Белград. На следующий день мы пересели на Белоцерковский поезд, в котором я стал встречать и знакомиться со своими новыми одноклассниками. Через несколько часов мы уже были у заветной цели. На перроне нас встретил с приветствиями одетый в царскую форму полковник Пограничный. Наш багаж разместили на телеге, которую тянул ослик Ходя. Нас, новичков, кое-как построили, и мы зашагали к корпусу.

Здание кадетского корпуса

Вскоре впереди замаячило трёхэтажное громадное здание – я его не запомнил при моём первом посещении Белой Церкви много лет тому назад, когда Валька поступал в корпус. Вот мы и внутри здания. Проходим через широкую швейцарскую, где нас радостно встречает в белом кителе без погон швейцар Эмиль. Подымаемся на третий этаж по широкой парадной лестнице, где стены расписаны картинами с изображениями зданий кадетских корпусов в России, а над картинами надпись: «**Помните, чьё имя носите**», тогда не совсем понятное нам изречение.

Команду над нами взял дежурный по роте кадет Володя Кирей, он был в форме, с повязкой дежурного на рукаве, и был он классом старше нас. Пришли мы в спальню колоссальных размеров, где находились 36 кроватей с цигелями, на которых были написаны наши имена. Найдя свою кровать, я поразился необыкновенным размером и закруглённостью матраса - туго набитого соломой мешка. Мы положили свои чемоданы на табуретки, и Кирей повёл нас в цейхгауз, расположенный на том же этаже. Там царствовал вахмистр Порфирий, с длинными усами и с солдатским Георгиевским крестом на груди, в широких шароварах с красными лампасами.

Своим опытным глазом, приглядываясь к каждому, он подбирал и выкладывал нам на руки обмундирование, нижнее бельё, простыни, одеяло, фуражку, шинель, ботинки и умывальные принадлежности. На руках образовался большой ворох, и, перегруженные, мы зашагали обратно в уже нашу спальню.

Тут начались проблемы. Как застелить соломенного бегемота? Подоспел на помощь Кирей, он заявил: «Гонишь котлету» я его сразу не понял – что значит «гонишь»? А когда я понял, то дал ему согласие, и это значило, что на ужине моя котлета будет съедена Киреем. Он стал действовать: скинул на пол матрас - на железной кровати оказались три продольных доски. Среднюю доску он сбросил на пол – получилась продольная дыра. Положив матрас обратно на кровать, он стал на нём бешено прыгать. Матрас принял подобающую форму, и кровать была скоро правильно застелена.

Но возникла следующая проблема, за которую мне пришлось заплатить Кирею вторую котлету. Я удачно справился с привязыванием погон к гимнастёрке, надел форму, а вот чулок не мог найти. Кирей сказал, что «чулок никогда не будет - будешь носить портянки». За вторую котлету я научился заворачивать ноги в портянки, к чему позже быстро привык. Не знаю, сколько котлет заработал Кирей от остальных новичков в тот первый день нашего становления кадетами, но он нам очень помог во многом. Спасибо дорогой Володя, Царствие тебе Небесное!

Через два дня съехались все 300 питомцев корпуса, здание стало жужжать, как улей. Мы, новички, ещё не всё понимали, но почувствовали новую, жесткую, полную новых слов и суровых правил жизнь. На обед мы строем спускались в столовую, которая находилась на первом этаже. Проходя через роту Его Высочества, на втором этаже,

я увидел Валу, который стоял уже в форме, вытянувшись перед проходящим строем. Он эти два дня провёл в городе, и я увидел его впервые. Будучи сам в форме и в строю, я с радостью и гордостью помахал брату рукой. Он строго посмотрел на меня и подозвал к себе Кирея, который нами командовал, и что-то ему приказал.

Вернувшись в роту после обеда, я простоял по стойке смирно 30 минут штрафа под часами на стене у дежурной комнаты. В первый раз в жизни - по приказу моего брата! Да, солидно, когда родной брат наказывает за махание рукой в строю - надо быть крайне осторожным! Я понял, что в моей жизни произойдут большие перемены, и вдруг мне очень захотелось быть **дома с мамой**, с Принцем и другими друзьями – животными.

Всё кругом было непривычно, начиная с высокого, жесткого воротника, натирающего шею. Надо было сильно затягиваться бляхой, складки на гимнастике расправлять с «пуза» и заправлять их особым способом за спину. У старших кадет всё это получалось «зверски» красиво, выправка у них была «тонная». Наслышался я много новых слов, которых никогда раньше не слышал. Услышав, как бы обидное слово - «жопа», решил спросить у Вальки, что оно значит? Мне разрешили пойти в роту Его Высочества на свидание с братом. На мой вопрос Валя скомандовал: «Кругом»! - и как даст мне ногой по «мадам сижу», так мы называли задницу у себя дома. «Вот это и есть жопа», - пояснил мне Валя.

Описывая подробно первые переживания в корпусе, я намереваюсь пояснить и защитить теорию раннего, в десятилетнем возрасте, отделения сына от материнской юбки. На эту тему существуют множество мнений и теорий. Якобы, отделение от матери в раннем возрасте очень вредно сказывается на малышах. Это мнение, к большому сожалению, можно услышать в сегодняшней России от высокопоставленных глав в министерствах Обороны и Образования и от общества псевдо доброжелателей.

Многовековой, жизненный опыт в царских корпусах доказывал сущую правду по этому вопросу. Истина эта полностью подтвердилась и в семье Ермаковых, где воспитывались три брата по чисто русской системе, которая благотворно повлияла на всю их жизнь. Именно, в десятилетнем, неспорченном возрасте, идеально происходит присоединение к другой - новой семье, где вырабатываются новые особо важные ценности.

В кадетской семье избалованный эгоист-ребёнок быстро исчезает, на его место вступает подтянутый и отчётливый кадет, у которого появляются личные и групповые понятия о чести, достоинстве, ответственности, дисциплины, доверии и товариществе. Рождается новое чувство - гордость своим погоном, своим выпуском, своим корпусом и своим Отечеством. Этот внедрённый с ранних лет кадетский дух остаётся с кадетом на всю его жизнь.

Поначалу тоска по дому и по домашнему укладу жизни была велика. Особенно первые недели не хватало материнской ласки. Дома мама приходила в спальню перекрестить и поцеловать меня перед сном, я ласкался к ней, теребя прохладную мочку ее ушка. В корпусе, за неимением мамино ушка, я теребил мочку своего уха.

Ночью не одна слеза была пролита втихомолку на подушки. Домой шли длинные письма, где некоторые мамины сынки просились забрать их домой, говоря, что кадетский уклад жизни им не подошёл. Я также писал длинные письма, но домой не просился. Через несколько месяцев мои письма превратились в открытки, где я коротко писал каждую неделю: **«Жив, здоров, Алексей Ермаков»**.

Такое общение мама болезненно переживала, но добиться другой переписки, кроме открыток, она не смогла. Она поняла, что время у нас было расписано по минутам, и писать длинные письма было сложно.

Славный XXVII выпуск с выигранным призом пения, по правую руку воспитателя – Алексей Ермаков.

Подписи первоклассников на обратной стороне.

Наше непосредственное начальство было следующим:

Воспитателем XXVII выпуска оказался полковник Пограничный по прозвищу «чемодан», он встречал нас на вокзале. Ему в помощники был назначен дядькой старший кадет Гришков (XX выпуска), его заменяли Думбадзе и Степанов. Командовал третьей ротой полковник Грещенко по прозвищу «гусар». Были и другие воспитатели – любимые нами капитаны Лавров и Трусов.

«Дядька». Опытом было достигнуто важное и весьма умное решение в системе воспитания - командовать первоклассниками назначали «дядьку», кадета старшей роты. Для малышей он становился старшим братом, с которым было легко проходить азы кадетского становления, делиться личными проблемами и принимать его братские советы. Он командовал строевыми занятиями, добивался точности исполнения всех команд, создавал у нас образцовую выправку. В свободное время с ним можно было поиграть в разные игры, которым он нас научил (слона, чижа, погоню осла). Во время учебных занятий он уходил в свой класс, а в другое время и на ночь он оставался с нами, у него была своя маленькая комнатка, расположенная рядом с нашей спальней.

Для десятилетнего кадета дядька являлся незаменимым и самым уважаемым и почитаемым авторитетом, а также идеальным помощником офицера-воспитателя. Дядька готовил нас к сдаче строевого экзамена, после сдачи которого разрешалось нам ходить в городской отпуск. Из всего класса я один сдал экзамен с первого раза и получил разрешение отлучаться в отпуск по воскресениям. В следующее воскресенье, надев парадную форму, я представился дежурному офицеру и обратился к нему с рапортом по случаю увольнения в отпуск. Тщательно осмотрев меня, офицер позволил идти в город.

В радостном настроении, грудь колесом, преисполненный гордости, я двинулся в город. На груди, между третьей и четвёртой пуговицами, я заложил четыре пальца правой руки в гимнастёрку и зашагал к центру города. Не успел я пройти четыре квартала от корпуса, как по другой стороне улицы шёл мне навстречу кадет, на несколько классов старше меня. Как полагается, я отдал ему честь за четыре шага, поднял руку к козырьку, за два шага дёрнул голову лицом к кадету, пройдя его двумя шагами, опустил руку и повернул голову прямо. Всё это я проделал лихо, как мне показалось, без ошибок. Но вдруг он подозвал меня к себе. Перебежав улицу, я повторил процедуру отдания чести и стал, вытянувшись перед ним, с рукой у козырька.

Он громко разразился: **«Ты чего шествуешь, как Наполеон, иди в корпус и явись к дежурному офицеру!»** По началу, мне показалось, что он незаслуженно придрался ко мне. Позже, когда я остыл и поразмыслил, тогда я согласился с его оценкой. Я действительно был переполнен **гордыней** и шествовал как павлин. Надо быть скромным! Это был мне хороший урок на всю жизнь!

Ещё одна важная командная должность, о которой следует поговорить – это **«старший»** в классе. По истечении некоторого времени офицеры воспитатели выбирали кандидата на этот пост, учитывая отличное поведение кадета и его успехи по учению. Этот выбор

иногда не совпадал с внутренним выбором всего класса, где кадеты неофициально выбирали своего вожака. Двоевластия не происходило, так как выбранный классом вожак имел предпочтение над «старшим», выбранным «зверьями» (кличка для воспитателей и преподавателей среди кадет). Идеально, когда оба назначения совмещались в одном кадете.

Эта традиция внутреннего, выборного самоуправления в кадетской семье оставалась с кадетами до конца их пребывания в корпусе. Последний 8-ой класс имел своих «генерала выпуска» и двух ассистентов «полковников». Их неофициальная власть распространялась на весь внутренний уклад кадетской жизни всего корпуса. Может показаться, что такое двоевластие могло повредить корпусу, что официальная часть управления корпусной структурой в лице: директора-генерала, офицеров воспитателей и преподавателей будут сопротивляться такому внутреннему самовластию кадет. Наоборот, это подчеркивало чувство доверия и гармонии между воспитателями и воспитанниками.

Надо понять, что такое внутреннее самоуправление с ранних лет приучало кадет к групповому решению задач и проблем класса. Старший класса приводил эти решения в действительность, для чего от него требовались ответственность, дипломатия, контроль, и полное доверие всего выпуска.

В своём большинстве начальство наше были воспитанниками кадетских корпусов, что давало им полное понимание своих подопечных. «Звери» терпимо относились к нашим проказам и притворялись, что не замечают традиционного ночного парада в главном большом зале, с церемонией передачи «звериады» следующему выпуску, а также исполнений других традиционных мероприятий.

Но вернусь к славному XXVII выпуску. В нашем первом классе двоевластия не произошло: меня избрали старшим «звери», а мои одноклассники выбрали меня своим вожаком. Причиной этого послужило то, что учился я на пятёрках, за исключением математики, четвёрку я получил от полковника Даниила Д. Данилова, по прозвищу «Д в кубе».

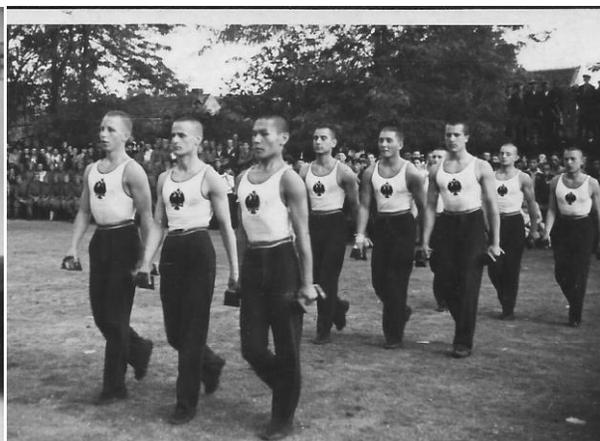
В конце года я получил золотые нашивки на погоны. По гимнастике я тоже шёл первым среди своих сверстников. Помогло моему выбору то, что мой брат Валя - восьмиклассник был одним из гимнастов знаменитой девятки корпуса, которая на гимнастических состязаниях страны брала первые призы.

Братья Ермаковы, благодаря здоровому детству на природе с домашними животными, приученные заботиться о них, оказались более закалёнными к корпусной жизни, чем дети, проводившие своё детство в больших городах.

Мудрые родители, большое вам спасибо за золотое, не забываемое детство!!!

Лучшие гимнасты корпуса в главном зале.

Знаменитая девятка на соревнованиях, самый левый в первой тройке - Валентин Ермаков.

Подбор в кружки.

Согласно учебному плану, нас повели строем в большой парадный зал, где за роялем сидел полковник Пограничный. С правого фланга по одному, кадет подходил к роялю, наш воспитатель задавал тон, который следовало повторить. Таким способом он отбирал кадет со слухом и хорошими голосами и распределял их в корпусные хоры и оркестры. Подошёл мой черёд. Был сделан один единственный удар по клавишу, прозвучал тон, который я повторил. Полковник Пограничный просто отмахнулся от меня так, как отмахиваются от мухи. Я и раньше знал, что слон наступил мне на ухо, поэтому не был в обиде за поставленный правильный диагноз - к пению не годен!

Зато преподаватель рисования господин Александров, по прозвищу «блоха», признал во мне талант к рисованию и поместил меня в кружок художников, где я занимался рисованием вместе со старшими кадетами, от которых набрался много знаний. Прогноз дорогого «блохи» был постановлен правильно, умение рисовать в будущем дало мне возможность стать неплохим архитектором.

Выбор нашего батюшки, Отца Антония Бартошевича, принять меня в церковники ещё в старом здании корпуса, был самым радостным событием для меня. В алтаре, за перегородкой в стене, была вмурована печурка, где я разжигал угли для кадила, которое я подавал Отцу Антонию в нужные моменты службы. В другие минуты я наблюдал за горячо молящимся батюшкой и старался сам находиться в молитвенном настроении.

В те времена, да и вообще, кадеты всегда были голодными, хотя кормили нас прилично. Мой одноклассник Саша Попов часто получал из дому посылки - его мама была сербкой и жила в районе, где можно было приобрести колбасы, сало и всякую другую вкуснятину. Как полагается по традиции, кадет должен делиться. Саша так и поступал - нёс свою очередную посылку в спальню и там делился со всеми.

Во время службы Шура Перекрестов и Саша Попов стояли на свечах. Когда было можно, Саша заходил ко мне за перегородку отдохнуть. Однажды он вытянул из кармана длинную колбасу, которую при дележке посылки оставил себе. Он разрезал её пополам и дал половину мне. Было решено поджарить колбасу над углями для кадила. Получилось зверски вкусно, и мы слопали всю колбасу с большим удовольствием. Я не сообразил, что капающий с колбасы жир на угли начнет вкусно пахнуть.

Заправив кадило углями, я его подал батюшке, который стал им кадить. По окончании службы Отец Антоний ничего мне не сказал. Мы, церковники, закончили уборку в алтаре, поставили на место перегородку (высокие доски с нарисованным на них московским Кремлём).

Вернувшись в роту, там мы только и слышали болтовню о том, «как вкусно батюшка кадил»! Тут уместно подчеркнуть, что Закон Божий был в программе образования на первом месте, преподавателем был наш батюшка - отец Антоний Бартошевич. Каждодневно кадеты пели в строю утреннюю молитву, в столовой пели молитвы до и после завтрака, обеда и ужина, и «Отче Наш и Спаси Господи» вечерняя молитва перед сном пелась также в строю.

Каждую субботу и воскресенье на всенощной и литургии весь корпус был построен в церкви, кроме нескольких кадет - буддистов (калмыки), и мусульман (кавказцев).

Над кроватями, на каждом цигеле, были крючки, на которых висели маленькие иконки, привезенные из дому. После укладки и осмотра дежурным офицером порядка в спальне: одинаково сложенного аккуратной стопкой одежды на табуретках, 1-бляха свёрнутая, 2-брюки сложенные квадратом, 3-гимнастёрка сложенная квадратом, 4-нижнее бельё кальсоны и рубаха - сложенные квадратом, все квадраты должны быть без складок и одинакового размера. Если стопка одежды не была аккуратно сложена, тогда дядька валил всё, включая и табуретку на лежащего под одеялом кадета. Тот должен был складывать всё с начала.

В спальнях тушился свет и зажигался ночник (голубая лампочка). В полумраке многие кадеты на своих кроватях становились на колени и молились перед иконками своим святым. Совершенно натурально кадет с ранних лет воспринимал единого Господа Бога и свою Веру Православную как высшее начало всех начал. Мы получали личное евангелие с надписью в подарок от «Отца всех кадет» нашего шефа – великого князя **Константина Константиновича:**

**Пусть эта книга священная
Спутница вам неизменная
Будет везде и всегда
Пусть эта книга спасения
Будет вам утешением
В годы борьбы и труда.**

В программе предметов изучения требовалось учить четыре языка: русский, сербский, латынь и один из двух - французский или немецкий. Наш класс состоялся из 36-ти кадет, 35 выбрали немецкий, один Бурлака выбрал французский. Полковник Скалон преподавал французский ему одному целый урок. Мы, дураки, сочувствовали бедному Бурлаке, мол, целый урок тебя преподаватель мучает. Через два года Бурлака говорил на прекрасном французском языке, а мы, 35 тупых балбесов, по-немецки не говорили ни бум-бум.

Мастерские.

Помимо гимнастических кружков, в корпусе существовал целый ряд кружков разных специальностей. Участие в этих кружках было на добровольных началах, и в них входили главным образом те кадеты, которые не состояли ни в оркестрах, ни в хорах, так как у певчих и у музыкантов добрая часть свободного времени была занята спевками или сыгровками.

Струнный оркестр корпуса.

Военная прогулка с оркестром.

В кружках кадеты приобретали основные понятия о разных ремёслах, что впоследствии многим пригодилось в частной жизни. Участие в кружках принимали кадеты всех классов одновременно. Ввиду множества кружков, общее количество кадет в каждом отдельном кружке было небольшим: пять-десять человек. Вспоминается переплётный кружок, где кадеты прекрасно переплетали изношенные старые учебники, а также делали для себя или в обмен за коржи и котлеты альбомы, пользовавшиеся большим успехом у остальных кадет. В столярном кружке мастерили киоты, рамки для картин, полки, табуретки и починяли мебель. В сапожной мастерской чинили обувь. В слесарной мастерской работали по металлу. В фотографическом кружке состояли главным образом кадеты, имевшие собственные фотоаппараты. Корпусным фотографом и заведующим кружком был полковник Барышев. Здесь занимались проявкой фильмов и печатанием фотографий. Ежегодно делались снимки всех выпусков, всех постановок театрального кружка и прочих важных корпусных событий. Большой фотографический аппарат, которым всё это снималось, был допотопным устаревшим орудием, в котором использовались стеклянные негативы. Снимки делались с магнием, иногда получалась осечка, к удовольствию кадет. Тем не менее, все снимки оказывались прекрасного качества.

После всех трагедий с корпусом, неизвестно куда девались, деревянные ящички со стеклянными негативами, ведь там была заснята вся наша кадетская жизнь! (Где то в Белой Церкви эти ящички могут ещё храниться, я старался их найти, но безуспешно).

Помимо кружков на ремесленной основе, у нас были кружки художественные. К таким следует отнести иконописный, рисовальный, и театральный кружки. Иконописный кружок вёл корпусной священник, архимандрит Антоний (впоследствии архиепископ Женевский). Под его руководством кадетами были написан ряд прекрасных икон. В моё время в кружке были Олег Толстой, царство ему небесное (внук писателя Льва Толстого и отец Петра Толстого – ведущего программы «Политика» на первом канале Российского телевидения), Олег, Аге и я.

Отец Антоний учил нас по старинке. Начинали мы с молитвы, потом растирали пальцем в ракушках краски на желтке яйца, на приготовленных досках накладывали рисунок и начинали писать красками. Я очень жалею, что военные события не позволили нам продолжать заниматься иконописью с дорогим отцом Антонием, царство ему небесное. В прошлом существовал Константиновский литературный – художественный кружок, в котором кадет III класса (IX выпуска) Борис Ушаков, скончавшийся в 1923 году, оставил нам следующее стихотворение:

**Мы Русские люди, мы люди «изгнания»;
Потомки семей храбрецов, -
Мы изгнаны с Родины без страданья
За грешные нравы отцов.**

**Ушли мы, сражаясь, ушли мы, страдая,
С просторов Великой Земли.
О, Русь, наша Мать! О, Россия родная,
Сыновним молитвам внемли.**

**Ты слышишь, о чём говорят те молитвы:
Мы снова готовы схватиться за меч,
Готовы мы вынести новые битвы,
Готовы за Родину лечь.**

**Чу, слышится стон из души наболевшей, -
То голос из Русской груди.
Россия! Мы слышим! Твой вопль долетевший
Позвал нас. Страдалица, жди!**

**В поход! Собирайтесь! Гусары, уланы,
Скорей становитесь в ряды!
Уж веют знамёна, трещат барабаны,
Уж видятся схваток следы...**

**Но всё это грёзы, всё это мечтанья,
Мечты наболевшей души...
Мы – Русские люди, мы люди изгнания,
Вдали от России, в глуши.**

Время от времени появлялись новые кружки. Так в 1942 году образовался кружок «К познанию России», где кадетами читались доклады и писались статьи на темы, связанные с прошлым нашей дореволюционной Родины. На эти доклады приглашались не только кадеты, но и персонал корпуса.

Кроме того, строевые занятия, всякие спортивные состязания и игры занимали много времени. Каждый день кадета был полностью расписан, что его приучало к порядку.

Планомерно с ранних лет вырабатывалось кадетское мировоззрение и высокое чувство ответственности и патриотизма. Устанавливались нерушимые понятия: достоинство, кадетская честь, доверие, гордость образцовым кадетским строем, спортивными и гимнастическими командами; гордость своим корпусом и своим Отечеством.

Тут важно отметить, что уравниловки в корпусе не существовало! Наоборот, офицеры воспитатели, как отцы, присматриваясь к своим подопечным, распознавали в них таланты. Соответственно поощряли и советовали кадетам, в каком направлении каждому пойти. Репетиции и приготовления к торжествам и праздникам забирали наше свободное время, но всё это происходило с большим желанием блеснуть своим дорогим корпусом.

Особенно важно было показать себя на ежегодном торжественном **праздновании корпусного праздника - Святого Благоверного Князя Александра Невского (6-го декабря) на который съезжались высокие представители короля, званые гости, военное начальство как русское, так и сербское, родители и окончившие корпус кадеты.**

Валя и я получали письма из дома только от мамы, папа мало принимал в этом участия, будучи очень занятым. Мне тогда казалось, что отец был мало заинтересован нашей жизнью в корпусе. И вот настал долгожданный день корпусного праздника, к которому все так усердно готовились. Не буду описывать всех деталей торжеств этого дня, опишу только сильнейшее чувство, которое тогда захватило меня, и волнует, по сей день.

Весь батальон корпуса был построен в коридоре роты Его Высочества. На правом фланге построились оркестр и кадеты, окончившие корпус. Они приехали побывать в родном гнезде, из которого вылетели, расправив свои мощные крылья. Их набралось целый взвод: кто в форме югославского офицера, кто в штатском, в черных костюмах с малиновыми галстуками (цвет нашего погона).

Кадеты в парадных формах, пуговицы и бляхи блестят, как солнце, выражения лиц весёлое, но без улыбок. Равнение строя идеальное. После полагающихся команд, встречи директора корпуса, рапортов, слышится приглашение гостям распределиться перед фронтом строя.

Не поворачивая головы, скосив глаза направо, я увидел группу гостей, идущих с правого фланга к середине строя. Среди них, на голову выше всех, шёл мой отец. Высматривая меня, он прошёл к левому флангу и, найдя меня в первой шеренге, стал напротив. Его

появление было совершенно неожиданным. Уже правильно обученный, я не подал виду, что его вижу. Блестяще прошли все церемонии, пение гимнов и речи. Первыми торжественным маршем маршировали бывшие кадеты, за ними отлично прошёл повзводно наш батальон, после чего нас распустили.

Я подбежал к отцу и обнял его. Целуя меня, он рыдал, не скрывая своих слёз (чего я раньше никогда не видел). В его крепких объятиях я почувствовал всем своим нутром, что отец нас, своих сыновей, любит крепко-крепко, по-своему, но по-настоящему!

Отец, Валя и я

Отец остался под большим впечатлением от всего виденного. Это была его первая поездка в кадетский корпус, где он очутился в микрокосме любимой царской России. Где хранились русские дух, быт и традиции - всё это тронуло отца до глубины души.

Он увидел и услышал не только Зарю с Церемонией, торжественный парад. Вечером он услышал наш концерт с выступлениями солистов, двух хоров, оркестров, выступления старших гимнастов на брусках и младших с вольными движениями, а в заключение был шикарный бал с институтками в белых пелеринках.

Да, отец пролил слезу, побывав в своей родной стихии, в своей родной императорской России. Он увидел и понял, что **Святую Русь** кадеты крепко хранили в своих сердцах на всю жизнь!

Впоследствии отец всем своим друзьям и знакомым докладывал о пережитом в корпусе и советовал всем непременно посылать своих сыновей в кадетский корпус.

Мы, помня Родину, чье имя в сердце носим,
 Входя по праздникам в зал корпуса – наш храм,
 Христа коленопреклоненно просим:
 Дать крепости и сил духовных нам
 В молитве бодрствовать, хотя бы час единый,
 Изгнания все скорби перенести
 И, сохранив верность, долг и честь,
 Прийти к Отчизне радостной годиною.
 А в дни ученья, лекций и бесед,
 Когда алтарь скрыт башнями Кремля,
 Зал для собравшихся сюда кадет,
 Что на чужбине – Русская Земля.
 Со стен глядит портретов длинный ряд
 Что сердцу русскому близки и святы,
 И думы в зале Родиной богаты,
 В нём арки, как живые говорят:
 Храните к прошлому любовь, кадеты,
 Задумайтесь над истиной одной:
 «Сильна лишь та страна, которая заветы
 Читает свято старины родной».
 «Рассеяны вы вихрем грозной бури,
 Но не расторгнуты между собой».
 За Родину пойдёте дружно в бой
 И свет увидите родной лазури.
 Но будьте верны девизу своему:
 «Жизнь – Родине, а чести – никому»,
 «Один и тот на ратном поле – воин»,
 «Кто в битве храбр – бессмертия достоин».
 От злобных сил избавится Москва,
 Свою любовь и мысли к ней направьте,
 И над Кремлём стоящие слова
 Исполнятся: «Не в силе Бог, а в правде».

Дабы не создавалось впечатление, что мы росли «пай мальчиками», нужно сказать, что бывали у нас (в младшей роте) бои с подушками в спальнях. По команде старшего класса, как мачты, спускались на сторону цигеля, и начинался протяжный бой подушками. В азарте мы не замечали, как распадались кровати.

Офицеры-воспитатели иногда давали нам шанс побеситься и, якобы, не замечали происходящего. После боя спальня общими усилиями быстро приводилась в идеальный порядок. Наши офицеры-воспитатели прекрасно понимали психику кадета и знали, каким образом обуздать наши проказы.

Тут вставлю ремарку и мою очень важную положительную оценку больших спален, где весь выпуск спит вместе. Мы росли одной большой братской семьёй, что делало нас братьями на всю жизнь. В больших спальнях вырабатывался спартанский дух и кадетская спайка. Стыдливость своих тел улетучивалась. Там можно было не только пошалить, но и наказать виновного, устроив ему всем классом самосуд - «тёмную». Виновный накрывался одеялом с головой, после чего каждый должен был его шлёпнуть бляхой. Справедливости ради, надо сказать, что случалось это весьма редко.

Совместная жизнь в большой спальне учит многому, развивается коллектив - кадеты учатся друг у друга, создаётся вечная дружба.

В отличие от Президентских кадетских училищ, где считают большим достижением предоставлять отдельную комнату со всеми удобствами на двух кадет. С какой целью, собезьянничали и позаимствовали на западе эти понятия о комфорте?! Это является колоссальным упущением в выковывании характера, чувства братства и локтя среди кадет.

Товарищ нынешний начальник училища - это позор не понимать, и не знать азов кадетского воспитания. Зачем называть эти училища кадетскими, да вдобавок ещё и Президентскими?!

В системе кадетского воспитания самым страшным наказанием было снятие погон - это делал сам директор кадетского корпуса. Выстраивалась рота, командир роты рапортовал его превосходительству. Директор здоровался с ротой и велел читать приказ о наказании, после чего он призывал виновного к себе. Происходила трагедия - срывались погоны с плеч! Кадету без погон приказывалось стать за левым флангом и маршировать, держа дистанцию в 8-ем шагов. В столовой и в классах ему было велено сидеть отдельно. Всем кадетам приказывалось не общаться с ним до тех пор, пока ему не вернут погоны.

Другого типа наказания заключались в том, чтобы определённое время стоять на штрафу по стойке смирно под фуражкой (с рукой у козырька), под винтовкой. Также всыпали наряды вне очереди по уборке классов, коридора, спален и уборных. В зависимости от степени наказания по несколько нарядов подряд. Уборка в корпусе велась добросовестно кадетами. Чистота и порядок были образцовыми.

Теперь расскажу о полковнике Карпове, по прозвищу Карпуша. В нашей столовой стояли длинные столы, и во главе стола было место для дежурного офицера. На другом конце стола сидел - старший класса, а по обе стороны от нас располагалось по четыре кадета. В этот день дежурил Карпуша - он обходил столы и наблюдал за порядком. Я заметил, как один из правофланговых балбесов поймал в воздухе муху и раздавил её на ложке Карпуши. Подали бочонки с борщом, стали разливать всем борщ и налили в тарелку дежурного офицера, который продолжал ходить по столовой. Другой проказник схватил солонку (они у нас были большие) и всыпал полсолонки в тарелку Карпуши.

Я понял, что нас всех теперь накажут, принимая во внимание, что проказник не сознается, так как у него был кол по поведению, а другие его не выдадут, зная, что ему грозит выгон из корпуса. Подошёл Карпуша, сел на своё место, снял фуражку и взялся за ложку. Он размешал борщ, попробовал его, попросил передать солонку, досолил и, не подав виду, он всё съел. Конечно, после такого номера наши шалуны стали особо уважать Карпушу и больше не досаждали ему своими проказами. Вот какими высокими психологами были наши дорогие воспитатели.

ГЛАВА 9

Вторая мировая война. Налаженная корпусная жизнь была прервана политическими грозными событиями - разыгрывалась вторая мировая война. Настали сложные времена для Югославии, предвиделась война с немцами.

Директор корпуса решил распустить кадет по домам. Валя и я с трудом добрались домой - поезда плохо ходили. Где то в дороге я подхватил брюшной тиф и слёг в постель. При полной неразберихе в Правительстве Югославии, война началась 6-го апреля и продолжалась всего лишь до 17-го. Противостоять образцово вооружённой и обученной немецкой громаде не было никаких шансов.

Как нам рассказывали очевидцы, ранним утром в Новом Пазаре, на главном перекрёстке дорог, появился в странной форме мотоциклист. Он стал прибывать к телефонным столбам указательные дорожные знаки и, закончив работу, закурил папиросу. По главной улице шла рота сербских солдат, уже без офицеров, ведомая капралом. Этот немецкий солдат пошёл навстречу строю и, растопырив руки, остановил их движение. К немцу подошёл капрал с винтовкой на плече. Немец сорвал винтовку с его плеча и с силой её сломал, ударив прикладом о землю. Всё это происходило при полном молчании. Солдаты-сербь не пошевелились, они просто стояли онемевшие, тогда немец стал их разгонять. Не придя в себя, солдаты разбежались во все стороны, как стадо баранов. Закончивши своё дело, немец продолжал курить. Только через час главная сила немецких войск вступила в город. Были оккупированы два отеля и здания учебных заведений, где разместились немецкие войска.

На следующий день к Дому Народного Здоровья подъехал немецкий автомобиль, из которого вылезли офицеры. Обратившись к отцу, они задали ему странный вопрос: «Есть ли в городе проститутки»? Замявшись, отец ответил, что в каждом городе есть женщины легкого поведения. Немцы объяснили отцу, что главный отель отведен под «солдатен хайм», куда соберут проституток, но они будут обязаны ежедневно приходить на осмотр в клинику отца. За их здоровое состояние отец будет в ответе - заразных девиц он обязан выявлять. При таких порядках никаких изнасилований в городе не произошло!

Первые немецкие ударные части после отдыха прошли дальше в Грецию. Пришли другие части и полицаи, тут и начались ужасные бесчинства, за которые стали пристреливать оккупантов - немцев.

В непроходимых лесах стали прятаться партизаны, начавшие серьёзную войну против немцев, среди них были националисты - «чётники» Драже Михайловича, почитавшие короля Петра II. Были коммунисты, имевшие своим вождём Тито. Партизаны воевали против немцев, но и враждовали между собой.

Немцы старались остановить бойню, расстреливая за одного убитого немецкого солдата 10 совершенно невинных заложников, потом постепенно подняли это количество до 50, до 100, до 150, до 200, но прекратить бойню им не удавалось. Тогда немцы издали приказ вернуть землю туркам, бывшим её хозяевам до Первой Мировой войны. После освобождения Сербии от турок в те времена, земля была отобрана у турецких вельмож и разделена среди сербов. После стольких лет владения землёй сербы не собирались её возвращать. Немцы предвидели, что такой приказ взорвёт, как бомба, дружеские отношения между сербами и мусульманами. Немцы не ошиблись, из-за религиозных и земельных вопросов вчерашние друзья стали лютыми врагами. Кровь полилась рекой. Хитрые немцы расположили свои войска по большим городам, там им было легче отбиваться и наблюдать, как их противники самоуничтожаются.

Начались убийства, стали сжигаться сербские сёла, а в ответ поджигались мусульманские. Наш город был окружён партизанами Тито, и началась настоящая осада. Мусульмане создали вооружённые отряды и успешно отбивались от партизан Тито. На помощь защитникам города стали прибывать банды албанцев из Косова. Остановить эту жуткую бойню среди полудиких противников было невозможно, тем более что после войны оружие было у всех. Ежедневно в госпиталь привозили раненых мусульман, которых отец принимал и некоторых оперировал. За этот уход за ранеными и за известный всем антикоммунизм отца, Тито отдал приказ своим партизанам, как только они займут город, первыми повесить на телефонных столбах всю семью Ермаковых.

Положение в городе было жуткое, «шиптары» - дикие албанцы - пришли с Косова не только защищать своих братьев по вере, но также пограбить и наживаться. Поймав «влаха» - серба-партизана - они отрезали его голову и с этой головой играли в футбол или, насадив голову на палку, разгуливали по главной улице (эти ужасные картины я видел своими глазами).

В городе царствовал полный террор. Самим мусульманам было не сладко, защита от титовских партизан была крайне необходима, но и от грабивших арнаутов (пришедших с Косова) они тоже часто страдали. Кроме того, защитников надо было кормить в своих домах. Однажды, я остался ужинать в мусульманской семье моего друга, которая пригласила на ужин ещё четырёх «шиптаров». Мы расположились ужинать за низким круглым столом, сидя на полу на подушках. Все четверо гостей не расставались со своими винтовками и держали их между скрещёнными ногами. Интересно заметить, что деревянные части прекрасных ухоженных винтовок были украшены сложной вязью из серебра. Отношение к винтовке было исключительным, вряд ли они лелеяли своих ребят с такой же нежностью.

По окончании ужина гости решили отблагодарить хозяев своим пением. Усевшись, близко друг против друга, рот ко рту, и заложив пальцы в уши, они стали исполнять громко странный дуэт. Каждый высматривал в глотке у другого вибрирующий маленький язычок, по которому согласовали темп и вибрато пения. Дикое, но весьма оригинальное пение заслужило наших похвал. Иначе поступить было опасно. Безалкогольный вечер продолжался - мусульманам не полагается употреблять алкоголь. От хозяев дикари узнали, что я сын доктора, который лечит раненых защитников города. Тогда они удостоили меня особой чести: каждый давал мне свою красиво украшенную винтовку и просил палить из неё в открытое окно, несмотря на поздний час ночи.

Этот вечер не остался без последствий. Несколько дней спустя, мама и я направились в центр города за покупками. На мосту навстречу нам шла вооружённая банда этих дикарей. Они, с винтовками наперевес, нас остановили, и в их галдеже можно было разобрать: «Смерть влахам!». Казалось, что нам пришёл конец. Вдруг среди них я узнал одного из четырёх гостей того вечера. Обращаясь к нему, я заорал: «То йе моя майка»!!! (Это моя мать). Он отстранил винтовки других, раздвинул всех в стороны и с поясным поклоном просил нас проходить. Стало опасно ходить в город за покупками.

Сербы, служащие Дома Народного Здоровья, спасались, оставаясь жить в самом заведении. Почти все русские переселились к нам, в нашу часть дома. Приходилось всем спать на полу. К дому был приставлен охранник-мусульманин, бывший полицейский, и это давало нам чувство безопасности.

Однажды утром, как всегда, папа с Валей находились уже в госпитале, расположенном в центре города. Наши русские друзья и мы находились в кухне за завтраком. В нашу часть дома вёл длинный коридор. Вдруг мы услышали громкий топот бегущих по коридору ног, и в кухню врывается Иван Нацик. В изнеможении, он падает на пол и, задыхаясь, в панике кричит: **«Они меня убьют, они гонятся за мной»!!**

Мать сразу сообразила, в чём дело, и побежала за помощью - звонить папе в госпиталь. Кабинет отца находился в другом конце длинного коридора, там был телефон. Я побежал с мамой, но не успели мы добежать до кабинета, как в коридор врывается разъяренная банда из пяти-шести арнаутов во главе с муллой. В руках у каждого винтовки наперевес, и они с ужасным воем и криком двигаются на нас. Эту сцену я никогда не забуду!

Вот где дух храброй русской женщины выявился во всю свою силу и мощь! Не показывая испуга, мать, расширив руки, пошла им навстречу с криком: **«Стой»!** Она сознавала, что от неё зависели жизни находившихся в кухне русских людей, что бешеные дикари перебьют их всех. Откуда у мамы взялся такой громогласный голос?

Изумленный мулла и банда затормозили свой ход. Их глаза сверкали гневом, искажённые лица были красными и потными, тяжёлое дыхание указывало, что они бежали долго. Маленькая ростом, но великая своим бесстрашием русская женщина продолжала наступать на них с криком: **«Марш отдавде»** (марш отсюда)! Они замялись, растерялись и

стали пятиться к выходу. Уже на крыльце подбежал наш охранник и стал их уговаривать выйти за ограду, обещая им вывести «влаха» (неверного) на улицу, где они смогут его расстрелять. Он говорил им: «В доме нашего доктора, который нас лечит, делать этого никак нельзя». И ему удалось их уговорить, банда послушалась и стала ожидать свою жертву у ворот.

За это время мама успела дозвониться до папы, и вскоре он подъехал с взводом мусульман-полицейских, которые разогнали банду хищников.

Геройским поступком моей мамы Иван Нацик был спасён, как и все русские, бывшие тогда на кухне. **Недаром мама заслужила Георгиевский крест в великую мировую войну за храбрость! (Мы все никогда не забудем героического подвига мамы).**

Иван был простым казаком, женатым на сербке. Промышлял он на своём грузовике, перевозя разные грузы. По его рассказу, в тот роковой день банда нагрянула к нему на дом, не найдя ничего интересного для себя, они повели его на расстрел к берегу реки. Там, не растерявшись, Иван стал удачно убежать от банды и их выстрелов. Бежал он как сумасшедший, кидаясь из стороны в сторону, что и спасло его от стрелявших по нему бандитов. Иван знал единственное место, где его могли спасти, и прибежал к нам. Он действительно был спасён Георгиевским кавалером - нашей мамой.

Слава Тебе, Господи!

Вообще, наше положение становилось весьма опасным. Мы, Ермаковы, могли быть повешенными по приказу Тито, после взятия города его партизанами, или могли быть зарезанными дикими бандитами с Косово. На всякий случай отец вооружил нас пистолетами, говоря, что надо отстреливаться, но последнюю пулю оставить для себя и этим избежать мучений и пыток. Стрелять мы были хорошо обучены с ранних лет и смогли бы выполнить отцовский наказ. Отец ожидал от нас, что в этом юном возрасте мы сможем пойти на самоубийство во избежание зверских мучений и издевательств.

Надо было действовать! При первой возможности мы пробились из окружения и с приключениями бежали в Белград, бросив всё годами нажитое имущество и животных. Собак мы раздали охотникам, лошадей и корову пристроили, всё остальное осталось добрым соседям. Мы перебрались в столицу, где жизнь протекала спокойно. В редкой переписке оказией соседи нам сообщали, что не проходит и недели, как одна или две собаки прибегали к нашим закрытым дверям и не переставая жалобно выли, призывая нас, своих бывших и любящих хозяев.

Сложно было понять и воспринять, что счастливая, полная смысла, дружбы и терпимости к разным религиям, жизнь в Новом Пазаре так бессмысленно и быстро превратилась в кровавый и беспощадный хаос.

В других городах Сербии происходили убийства русских, погибло более 250 человек. Это был ужасный 1941 год. Защиту надо было брать в свои руки! Таким образом, начал

создаваться Русский Охранный Корпус. Создал и возглавил корпус генерал Скородумов, в своём приказе он указал: «Я поведу вас в Россию!»! Его призыв продолжать Белое дело был услышан тремя поколениями изгнанников, дедами, отцами и внуками.

Другого выбора у патриотов России не было! Ждать заклятия от «титовцев» или погибать с оружием в руках против лютого врага, завладевшего дорогим Отечеством. Священная борьба Белого Движения за освобождение Родины от коммунистов, должна набирая силу продолжаться.

Кроме того, в начале войны Гитлер повёл свои полчища на СССР декларируя: «Я пошёл войной не против русского народа, а против мирового коммунизма». Русским изгнанникам представилась возможность пойти «хоть с чёртом, но против Сталина»! Так злая судьба распорядилась, что зарубежные патриоты России оказались между двумя извергами: Сталиным и Гитлером, между губительными системами фашизма и интернационального коммунизма.

Генерал Скородумов скоро оказался в застенках Гестапо, поплатившись за свой патриотизм и независимость. Следующим командиром корпуса был генерал Штейфон. В ряды Корпуса вступали русские патриоты, главным образом из Югославии, Болгарии и молодые добровольцы-Буковинцы. Было создано пять полков, общей численностью в 18000 бойцов. Это были, главным образом, офицеры и казаки, участники Белого Движения, готовые возобновить борьбу против своих извечных врагов.

Надежда была, что ряды возродившегося Белого Движения пополнятся добровольцами из военнопленных красноармейцев, которые сдавались в плен целыми дивизиями. В начале войны советские солдаты не желали погибать за Сталина, за партию, они натерпелись лживых обещаний о Светлом Будущем коммунизма, и говорили - хватит бесконечно врать и в лагерях гноить народ!

У нас появилась глубокая вера в то, что объединёнными усилиями патриотов, Отечество будет спасено от внутреннего врага! Затем с Божьей помощью, мы справимся и с внешним немецким врагом!

Патриотический призыв был услышан отцом, и он вместе с Валею поступил в Охранный корпус. В чине майора отец стал заведовать военным госпиталем, Валя попал в третий полк в юнкерскую роту. Юра Кованько уже был в первом полку Охранного корпуса, как и большинство старших кадет.

Кадетский корпус возобновил учебные занятия, мой младший брат Сергей выдержал экзамен в первый класс. Налаженная корпусная жизнь вошла в своё русло. Ряды старшекласников сильно поредели. Горя высоким чувством патриотизма, многие кадеты вступили в Охранный корпус, не закончив образования в кадетском корпусе.

В нашем кадетском музее хранились взятые в плен немецкие знамёна первой мировой войны. Об этом узнали оккупационные немецкие войска, офицеры высоких чинов прибыли к директору корпуса и потребовали вернуть им исторические боевые знамёна Германии. Директору корпуса генералу Попову пришлось согласиться - другого выхода у него не было. На следующий день почётный караул и рота немцев забрали знамёна. У нас, кадет, остался неприятный осадок в душе от этого происшествия.

Вообще, жить стало гораздо сложнее, чем в мирное время. Финансирование корпуса превратилось в большую проблему, но дорогой всем нам корпус продолжал выживать, сокращаясь и экономя везде, где только это было возможно.

На прогулку нас часто водили маршем в большой Рудольф-парк, находящийся у Румынской границы. По ту сторону реки Неры располагалось государство Румынское. В парк водили гулять институток. Общаться с институтками кадетам было строго запрещено, но запретная переписка существовала между нами. В парке нас разводили подальше в разные стороны. Припоминается один солнечный зимний день. Дежурный офицер распустил наш строй, и пошёл в сторону институток, поболтать с классной дамой. Свободные, мы прибежали к реке Нера, которая была покрыта льдом. Приближалась весна, снег и лёд начинали таять. Лёд казался тонким и прозрачным, что вызвало у нас желание покидать камни на лёд. Образовались две проруби, расстояние между ними было не такое далекое.

Тут завязался спор, кто бы посмел нырнуть в одну прорубь и вынырнуть в другую? Весь класс поспорил на котлету. Я принял вызов, сев на снег, скинул с себя всю одежду и нагишом нырнул в прорубь. Плыл я лицом вверх, лёд был прозрачный, как стекло, мне были видны свисавшие над рекой деревья, через листву мне улыбалось солнце. Скоро я уже вылезал из второй проруби и стал одеваться. Было неприятно заворачивать ноги в портянки вместе со снегом. Холода я вообще не испытывал, предвкушая наслаждение котлетами. Вернувшись в корпус, было необходимо собрать на ужине котлеты со всего класса, но во что? Вот проблема! Пришлось снять наволочку с подушки, в которую я собрал более 30-ти котлет. Уплетал я эти, легко заработанные, котлеты целых два дня с аппетитом голодного волка.

Кормили нас многообразно и вкусно, во время поста готовили постную пищу. Особо парадным и вкусным был Пасхальный стол, с куличами и сырной пасхой. Нигде, так вкусно не готовили фасоль как в корпусе, которую мы уплетали с большим наслаждением. Наша корпусная пекарня выпекала вкуснейший хлеб, во всем городе ему не было конкурента.

Потеря родного здания:

Опять пришёл роковой приказ от немецкого командования. Они забирали наше десятками лет насиженное гнездо. Большой трагедии для корпуса придумать было невозможно. С Божьей помощью мы, в подавленном настроении, все же прошли через это сложнейшее испытание. Имуущество корпуса переносили на руках. Нас втиснули в

три маленьких здания не рядом стоящих. Условия были ужасные, но дух кадетский не позволял малодушествовать. Директор, офицеры-воспитатели, преподаватели и кадеты сознавали, что идёт борьба за выживание системы воспитания и образования. Борьба за сохранение всего самого святого, борьба за суть кадетскую, борьба за традиции, за духовно-нравственные качества русской души.

С Божьей помощью, мы перенесли и стойко преодолели все трудности! Мы, тогда сознавали нашу обязанность и ответственность, сохранить и донести священный огонь - часть нерушимой национальной России до освобождённой России. Передать эстафету кадетского духа последующим поколениям российских кадет. Эта мечта-задача стала самоцелью нашего дальнейшего существования. В тяжёлых условиях во многом пришлось сокращаться, но кадеты с твёрдой верой смотрели вперёд, веря, что настанет долгожданный час и Матушка Россия встряхнет с себя ненавистные оковы и примет нас в свои крепкие объятия.

Генерал Б.В.Адамович, царствие ему небесное, незабвенный директор и создатель нашего ВКККК корпуса, завещал нам, своим любимым кадетам, 67- нерушимых заветов, которые мы продолжали соблюдать, несмотря на тяжести испытаний, создаваемых войной (на этих заветах выковывался крепкий кадетский дух и характер).

**ШЕСТЬДЕСЯТ СЕМЬ МОИХ ЗАВЕТОВ КАДЕТАМ:
ПЕРВОГО РУССКОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА
КАДЕТСКОГО КОРПУСА.**

**Директор Корпуса
генерал-лейтенант
Б.В. Адамович**

15 ноября 1870 † 22 марта 1936
Царство ему Небесное!

I. САМОЕ ГЛАВНОЕ

- 1. Быть верными старой России и относиться уважительно к её прошлому.
- 2. Быть верными Югославии.
- 3. Уважать религии.
- 4. Уважать русские старые обычаи.
- 5. Охранять нашу национальность.
- 6. Помнить, чьё мы имя носим - России, Святого Благоверного и Великого Князя Александра Невского и Шефа корпуса.
- 7. Сохранять русский воинский строй и выправку.
- 8. Подчиняться не рабами, а доброй волей.

II. ОТНОШЕНИЕ К КОРПУСУ

- 9. Любить Корпус, как любят старые кадеты.
- 10. Не грязнить гнездо и будущие воспоминания о своём детстве, отрочестве и юности.
- 11. Оберегать дом Корпуса и всё в нём.
- 12. Соблюдать в Корпусе гостеприимство к старым кадетам.
- 13. Не набрасывать тень на кадет своим поведением вне Корпуса.
- 14. Соблюдать форменность кадетской одежды.

III. ОБЛИК КАДЕТА

- 15. Быть бодрым.
- 16. Закалять свою волю.
- 17. «Терпеть безропотно лишения» («К. Р.»).
- 18. Быть везде и всегда «с поднятым забралом».
- 19. Смотреть людям в глаза. (Лк. X1-34). «Как утра блеск, твоё сияет око» («К.Р.»).
- 20. Быть честным во всём.
- 21. Помнить, что честен в великом лишь честный в малом. (Лк. XVI-10).
- 22. Не обманывать.
- 23. Не лгать.
- 24. Не хвастать (1н. УШ-54).
- 25. Не хамствовать (Сим, Хам и Иафет).
- 26. Не быть грубым.
- 27. Быть приличным.
- 28. Не сквернословить.
- 29. Не опускаться.
- 30. Быть чистоплотным («Чистота - лучшая красота»).
- 31. Держаться скромно.
- 32. Соблюдать трезвость.
- 33. Знать свои недостатки.

- 34. Не оправдываться ни тем, что «все по-волчьи воют», ни тем, что «один в поле не воин».
- 35. Быть, а не казаться.
- 36. Быть благодарным. (Благодарность - «первый взнос в уплату долга» и «шестое чувство человека»).

IV. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

- 37. Помогать Товарищам.
- 38. Не завидовать.
- 39. Поддерживать выдающихся.
- 40. Не нарушать прав собственности.
- 41. Делиться.
- 42. Не делать бесчестного, ни ради Товарищества.
- 43. Не подводить Товарищей под ответ за свои поступки.
- 44. Не преклонять служебный долг пред долгом Товарищества.
- 45. Почитать требующего по долгу службы.
- 46. Не оскорблять.
- 47. Помнить: оскорбление Товарища оскорбляет Товарищество.
- 48. Поддерживать взаимную уважительность.
- 49. Младшим не драться, старшим не расправляться насилием.

- 50. Уважать молящегося.
- 51. Охранять младших кадет, как братьев.
- 52. Если загрязнился, не грязнить чистых (Мф. ХУП1-6; Лк. XVII-1, 2).
- 53. Не соблазнять «малых сих» (Мф. ХУ1П-6; Лк. XVII-1, 2).
- 54. Не дружить во вред Товариществу.
- 55. Не образовывать партий (Мф. ХП-25).
- 56. Поссорившись, думать о мире.
- 57. Не доносить и не сплетничать.
- 58. Выдавать через старших антинационалистов, развратников, развращающих, хулящих Корпус (Мф. ХП-31; Мрк. 111-29) и воров.

V. ИЗ ПРАВИЛ ОБЩЕЖИТИЯ

- 59. Не лишать Товарищей удобств общежития.
- 60. Стесняться себя, чтобы не стеснять Товарищей.
- 61. Не бояться быть вежливым.
- 62. Уважать чужое горе, печаль, радость и веселье, отдых, сон, труд и покой.
- 63. Не выдавать грубостью и руганью своей ненаходчивости и ограниченности.
- 64. Не барствовать перед прислугой.
- 65. Не брать пищи до раздачи.

- 66. Соблюдать за едой приличие.
- 67. Не проявлять и не высказывать брезгливости.

Обыкновенно на новом месте после обеда на плацу выстраивалась рота Е.В. полковник Филимонов назначал наряды, вызывая кадет выходить из строя и идти по назначению на дежурства. Разные кружки, за неимением помещений, были закрыты, за исключением одного. Никогда не забуду громогласную команду полковника Филимонова: **«Богомазы, три шага вперёд шагом марш, налево сомкнись, к батюшке шагом марш»!**

Рота Его Высочества, наш XXVII выпуск, дождался желанных чёрных шинелей и белых перчаток. Вся рота имела винтовки, с которыми происходили строевые занятия, разучивались ружейные приёмы, устанавливалось новое чувство ответственности за своё оружие. За городом по субботам, на стрельбище происходила стрельба по мишеням. На обеденный перерыв рота уходила в корпус с песнями. Припоминаю день, когда меня оставили охранять вещи на стрельбище.

Вдруг, на высокое дерево метров за сто от меня спустилась горлица. Во мне вспыхнул старый Ново Пазарский азарт охотника, который я всегда испытывал у себя дома. Не задумываясь, я бабахнул из винтовки, и горлица упала с дерева. Тут я услышал удаляющееся пение роты и подумал, что если я их слышу, то и они услышали мой выстрел. Ясно, как Божий день, что будет мне наказание за выстрел. Подобрал горлицу, я увидел моё попадание в самый центр грудки, но от этого мне легче не сделалось.

Вернулась рота, и первым делом ко мне подошёл вице фельдфебель Дима Николаев с вопросом о выстреле. Я ему всё объяснил и показал горлицу, и на каком дереве она села. Ничего не сказав, он взял птицу и пошёл дальше наводить порядки. Я остался в недоумении, почему он не наказал меня сразу? Уже за ужином он перед всеми преподнёс мне на блюде жареную горлицу! Ай да Дима, никак не ожидал от него такого наказания. Спасибо, Дима, Царствие тебе небесное.

ГЛАВА 10

Никто не мог предположить в какую трагедию обернутся Пасхальные каникулы.

Воскресение, в радостном настроении за завтраком отец нам сказал, что пойдёт в госпиталь поздравить персонал и раненых со Светлым Праздником Святой Пасхи. Потом он вернётся домой. Чтобы наши бляхи и пуговицы блестели, а формы были разглажены - мы все вместе пойдём в церковь.

Не прошло около часу, как раздался воющий сигнал воздушной тревоги, что обыкновенно бывало и в другие дни. Регулярно американские бомбардировщики летели высоко над Белградом, держа курс на Плоэшти (Румыния), там они бросали бомбы на нефтяные заводы и скважины, поэтому мы особо не тревожились сигналом тревоги.

Гул самолётов стал нарастать, неожиданно задрожал под ногами пол, и одновременно раздались взрывы бомб - грохот был оглушительный. Казалось, что какофония эта

продолжалась долго, потом внезапно настала гробовая тишина. Не успели мы прийти в себя, как к подъезду подъехала карета скорой помощи, принадлежащая папиному госпиталю. С очевидной тревогой санитар просил мать сразу поехать с ним в госпиталь. Я схватился за шинель, и тут санитар стал говорить, что «не надо сына». Мать настояла, и я поехал с ней, а Серёжа остался дома сам.

Вскоре мы подъехали к зоне расположения госпиталей, где густая пыль висела в воздухе. Среди груды обломков разрушенного госпиталя, в пыли на носилках, лежал без сознания отец. Его невидящие, стеклянные глаза не закрывались. Как было видно, ранение пришлось в левую ногу, ниже колена, сапог был полностью разорван.

Выдержки из ПРИКАЗА по РУССКОМУ ОХРАННОМУ КОРПУСУ # 100

17-го сего апреля 1944 года во время воздушного нападения на Белград, подвергся бомбардированию Лазарет Русского Корпуса. Среди больных и персонала было 6 убитых и 9 раненных. Персонал лазарета с полным самопожертвованием работал спешно, эвакуируя больных и оказывая помощь пострадавшим. Благодарю больных за их мужество.

Особенно отмечаю, как пример высокого исполнения долга, доблестное поведение Старшего Врача Штабс-арцта Д-ра ЕРМАКОВА МИХАИЛА, который, спасая больных, был сам тяжело ранен, вследствие чего ему пришлось ампутировать ногу. Благодарю Доктора ЕРМАКОВА за его героическую работу.

Генерал-лейтенант ШТЕЙФОН.

Была совершена роковая ошибка: коллеги отца решили спасти ногу старшему врачу. Электричества не было, рентген не работал. Поставить верный диагноз представлялось невозможным. Через несколько дней распространилась газовая гангрена, перешедшая уже на бок отца, и его перенесли в немецкий военный госпиталь, который не пострадал от бомбёжки. Там отцу отрезали ногу высоко над коленом, рану не зашивали, ибо предвидели его скорую смерть. День за днём мама и я дежурили в комнате у папы. Смерть не приходила, но и папа не приходил в себя: стеклянные глаза всё не закрывались.

Мама решила бежать в город за священником, у которого хранился епитрахиль Святого Иоанна Кронштадтского. Через пару часов они пришли, и батюшка разложил с благоговением епитрахиль над отцом, затем стали вместе с мамой на колени, по ту сторону кровати. Последовала горячая молитва, жар которой я почувствовал на себе. Не прошло и десяти минут, как глаза папины стали мигать и он впервые пришёл в себя.

Чудо! Совершилось чудо! Святителю Иоанне Кронштадтский, великая Тебе хвала и благодарность за спасение жизни отцу!

Чтобы зашить огромную рану, пришлось растягивать кожу путём подвешивания к ней через колесо тяжести. Эта болезненная процедура продолжалась довольно долго.

Навестить папу прибыл генерал Штейфон, командир Охран-корпуса, он вручил отцу медаль. Из их разговора мне стала понятной их дружба - они оба были харьковчанами.

Пришло время выслушать папин рассказ о деталях случившегося.

Как только раздалась тревога, отец приказал выносить больных и раненых из госпиталя в находящиеся вблизи окопы, и самому персоналу бежать туда же. (По обыкновению, в отсутствие начальника на воздушные тревоги не обращали никакого внимания в надежде, что на крышах госпиталей нарисованы громадные красные кресты, и их бомбить не будут). Эвакуация раненых и персонала была завершена. Отец и одна из сестёр милосердия бежали к окопам последними.

В здание попадает первая бомба, происходит мощный взрыв - и один из разлетающихся осколков ранит отца, а мощь взрыва кидает его на землю. За сотую долю секунды он видит вторую бомбу, летящую ему прямо на грудь, и он успевает каской закрыть лицо. Происходит, второй взрыв... дальше папа ничего не помнит. Над лежащим отцом проносится шквал второго взрыва, который отрывает обе ноги у продолжающей ещё бежать медсестры, и она погибает.

Невозможно понять, или объяснить американское решение бомбить столицу Сербии, своего союзника, на православную Пасху. Бомбить Белград во время богослужений, происходящих во всех православных храмах. Не иначе, как сам сатана велел американцам сотворить такое злодеяние! Никогда простить им этого не смогу! Убийцы!!!

Жизнь, и здоровый организм отца взяли верх, рану зашили, подлечили, и отправили его на дальнейшее лечение в Вену. Проходят месяцы, а от отца нет ни слуху, ни духу. В это время Охранный Корпус вёл тяжёлые бои в горах Боснии с партизанами Тито. Нашей семье приходит извещение о ранении лейтенанта Валентина Ермакова и унтер-офицера Георгия Кованько - оба отправлены в Германию.

«На всё воля Господа, безропотно перенесём и этот злой удар судьбы», - высказалась мама. Откуда у неё бралась такая сила веры? Может быть, будучи дочерью священника, мама унаследовала от дедушки эту безграничную силу веры и воли?

Надо пояснить историю семьи Георгия Кованько. Дедушка Юры – генерал Кованько был отцом-создателем Русской военной авиации. Отец Юры, Александр, был героем, летчиком - истребителем в двух войнах: Первую Мировую и в революцию. Мать Юры, тётя Лёля, была сестрой милосердия и закадычной подругой нашей мамы, они вместе подвизались медсёстрами на фронтах двух войн.

Дружба двух семей Кованько и Ермаковых продолжалась и в изгнании. Кованько жили в Новом Саду, где отец семейства служил в Югославской военной авиации. Ермаковы проживали в Новом Пазаре, куда семья Кованько любила приезжать в гости, всегда проводя у нас летние каникулы.

В это лето Александр Кованько, по прозвищу Ёж, не смог приехать. Тётя Лёля с Юрой приехали сами и проводили лето с нами без него. Пришло время им возвращаться (поездом) домой, где их должен был встретить на станции Ёж.

На аэродроме в Новом Саду к Александру Кованько подошёл солдат, который отслужил свой срок в авиации и был готов вернуться в своё село. Он умолял лётчика поднять его в воздух на аэроплане, говоря, что в селе его засмеют – мол, служил в авиации столько лет и ни разу не летал.

До приезда поезда было много времени, и его просьбу Ёж услышал. В двухместном аэроплане: впереди лётчик, сзади солдат - они взлетели. Набрал высоту, аэроплан вдруг рухнул. В разломках нашли два трупа - руки солдата мёртвой хваткой вцепились в шею лётчика, чем и можно было объяснить гибель лётчика и испугавшегося солдата.

Тёте Лёле и Юре было очень сложно пережить эту ужасную трагедию. Связь наших семей стала ещё крепче. В кадетском корпусе Юра был в XXI выпуске, на класс младше Вальки. Юра поступил одним из первых в Охранный Корпус, за ним последовали отец, Валя и многие другие старшие кадеты. Для «белых» это был единственный правильный выбор исполнения высшего долга перед Отечеством.

Тётя Лёля жила в Белграде, где и мы также обосновались на новом месте. Тяжёлое время войны разрушило совершенно экономику страны, в магазинах было сложно покупать продукты пропитания. **Тётя Лёля поехала в село, чтобы обменять у крестьян свои вещи на пищу. Там произошла ужасная, невообразимая и необъяснимая трагедия: тётю Лёлю зарезали партизаны!**

Юру вызвали из полка, и он с нашей мамой поехал в это село за телом. На простой крестьянской телеге гроб был привезен в Белград на русское кладбище, где мы и похоронили дорогую тётю Лёлю. Смотреть на Юру было страшно, на боку у него висел наган, и как он не застрелился и пережил эту трагедию - только одному Богу известно.

Тётя Зоя, так Юра всегда звал нашу маму, нашла нужные слова успокоения для его души. С тех пор Юра воспринимал нашу, любящую семью как свою родную. Юра вернулся в полк, дальше исполнять свой долг вместе с полковой семьёй, сознавая, что Россия ждёт жертв от верных Ей сыновей! Надо было продолжать борьбу и дальше. Безумная политика нацистов заставила советских воинов переоценить весь ход войны, и они стали видеть в немцах злостного врага, от которого надо спасти Отечество.

Русский солдат пошёл громить немца, не жалея живота своего.

Парадокс, что высокое чувство патриотизма спасло Родину от немцев, но оно же защитило Сталина и интернационалистов коммунистов, мечтающих о мировых революциях, и этим продлило существование ненавистного террора на много лет.

В немецком плену в ужасных условиях страдало 5 миллионов красноармейцев разных чинов, существование которых Сталин не признавал, считая их всех 5 миллионов предателями. Среди них нашёлся один миллион пленных, не желавших дальше страдать под игом «отца всех народов». Так родилась Русская Освободительная Армия под командованием генерала Власова, в которую стали добровольно записываться прозревшие красноармейцы. Они были готовы, также как и мы, живот свой положить за Освобождение Родины от врагов внутренних, а потом взяться и за внешних.

Появилась надежда, что объединёнными силами Россия будет спасена. Генерал Штейфон повёл свой Охранный корпус на воссоединение с РОА, в подчинение генералу Власову. Гитлер и его высшее командование не допустили, чтобы это соединение произошло.

Отступление кадетского корпуса.

Как гласит русская пословица: «Пришла беда - отворяй ворота». После летних каникул кадеты съехались для начала нового 1944 учебного года. Мы только успели переодеться в формы, как вдруг ужасающая новость потрясла всех нас. Нам было сказано, что через два дня Красная армия будет в Белой Церкви. Румыния, союзница Германии, капитулировала, что позволило советским войскам без боёв быстро пройти через всю Румынию.

Началась суматоха - корпус надо было спасать! Все понимали, какой трагедией всё это закончится после оккупации города советскими войсками. В считанные часы мы должны были погрузиться на транспорт, а так как крытых вагонов уже не было, грузились на открытые платформы. Директор корпуса, генерал Попов, растерялся: кого брать с собой, что брать из вещей? Тут команду взял на себя вице унтер-офицер Миша Скворцов, он навёл порядок, и в последний момент мы побежали за одеялами.

Три кадета: Кирей, Змунчило и я - побежали на второй этаж, где находился наш музей. Заведующий музеем, полковник Барышев, находился в музее. Мы горячо умоляли его разрешить нам взять знамёна, которые мы хотели спасти, завернув их на себе. Время бежало, но, к большому разочарованию, на наши слёзные просьбы мы получили его твёрдый ответ, исполненный трагизмом:

«Не разрешаю, я останусь умирать среди святынь»!

(Так оно и случилось, когда красная армия заняла Белую Церковь, они ворвались в корпус, исторические музейные экспонаты были сожжены и уничтожены, а офицеры-воспитатели и преподаватели были расстреляны по приказу СМЕРШ и сброшены в яму для дохлого скота на окраине города).

Из офицеров-воспитателей только полковник Цабель решил отступить с нами. Другим семейным было сложно бросить всё годами насиженное и пуститься в неизвестность. Весь персонал корпуса пришёл на вокзал попрощаться с нами, среди них были офицеры-воспитатели, преподаватели и наш батюшка, отец Антоний. Атмосфера прощания была невыносимо тяжёлая и трагичная, все сознавали обречённость момента, это был конец всему самому дорогому для всех нас - конец кадетскому корпусу.

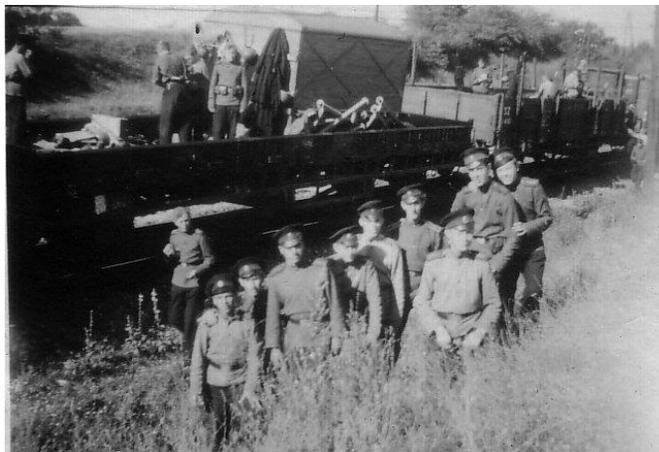
Отец Антоний подозвал меня к себе и благословил меня своим нательным золотым крестиком, которым он был крещён ещё в России. Он надел его на меня - с тех пор всю мою дальнейшую жизнь этот крестик спасал меня от всяких скверн и напастей.

На последнем вагоне открытой платформы мы закрепили большой трёхцветный флаг, и транспорт тронулся. Мы смотрели, как медленно удалялся вокзал с провожающими, дорогими и любимыми людьми, нашими отцами-наставниками. Сердца кадетские надрывались от боли, слёзы лились ручьями. Постепенно вдали показалось здание корпуса, откуда нас выгнали немцы. Это дорогое гнездо придавало смысл нашему бытию. Спасибо тебе, незабвенный корпус, за кадетский дух, приобретённый в твоих стенах!!! «Помните, чьё имя носите» - Помним и не забудем до гробовой доски!!!

Железнодорожное отступление оказалось опасным и очень сложным. Американские бомбёжки и всякие другие трагические события значительно усложнили наше продвижение. Выданная на 4 дня пища закончилась. Пришлось промышлять и добывать себе еду разными путями.

В Венгрии из-за бомбардировок поезд остановился в открытом поле. Это огромное поле всё было покрыто спелыми арбузами. Как манну небесную, Господь послал нам, голодным и жаждущим арбузы, это был дар свыше, который подоспел в самый критический для нас момент.

Единственное, что порадовало всех нас в пути, это производство генералом Поповым Миши Скворцова в вице-фельдфебели. Церемония производства происходила около вагонов во время долгой стоянки поезда. Миша наводил дисциплину и показал талант командира-организатора, без него директору корпуса было бы гораздо сложнее. Кроме него, был задействован связистом неуважаемый кадетами капитан Лазарев, чужой для нас офицер он единственный знал, куда нас везут - у него находились все документы. **Курс поезда шёл через Вену в Эгер. У Сергея и меня зародилась идея сбегать с транспорта в Вене, не спросив на это разрешения от директора корпуса.**

Отступление кадетского корпуса

Увидеть отца – для нас была задачей №1.

Мы имели номер телефона госпиталя, в котором лежал отец - надо было действовать!

Поезд остановился на товарных путях в пригороде Вены. Никто не заметил нашего побега, и мы спрятались между рядом стоящими вагонами. Наконец, наш транспорт тронулся. Мы долго смотрели ему вслед, пока за поворотом не исчез последний вагон, на котором развевался наш трёхцветный флаг.

Что же делать дальше? Чудом, найдя телефонную будку, мы удачно дозвонились до папы. Радостный голос отца сообщил, что мама уже в Вене, и что они были обеспокоены долгим опозданием нашего транспорта.

Главное, отец приказал нам не отходить от телефонной будки, иначе он нас не найдёт. Проходящие немцы смотрели на нас и на нашу форму с удивлением. Через пару часов мы были в объятиях счастливых родителей. По воле Господа всё стало на свои места. Семья была в сборе, кроме Вали и Юры. Где они, и как они поправляются? Нам не было известно!

ГЛАВА 11

Вена.

Отец уже уверенно ходил на костылях, он всё ещё находился в госпитале, но мог отлучаться по своему желанию. Нам, беженцам, была предоставлена квартира в шестом бецирке (округе). Первым делом мы нашли русскую церковь, потом постепенно стали находить друзей. Произошла потрясающая встреча отца с профессором Евгением Георгиевичем Румянцевым, они оба родились в Харькове.

Ещё в детском садике зародилась и стала нерушимой их крепкая дружба. С самого раннего детства они продолжали учиться вместе, и завершили образование в Харьковском университете, на медицинском факультете.

Судьба, вернее гражданская война, их развела в разные стороны. Отец оказался в изгнании, а его закадычный друг остался у себя дома, в СССР, профессором в Киевском университете. Более 24 лет они ничего не знали друг о друге, но от этого их глубокая дружба не пострадала.

Безусловно, влияние совершенно разных государственных систем выработало в них разные характеры. Профессор Е.Г.Румянцев имел кафедру в Киеве, но, несмотря на это, решил уйти на запад. По своему характеру Евгений Георгиевич был добрым, отзывчивым, спокойным, хорошим профессором, предпочитал молчать и очень боялся органов НКВД, даже в Америке, много лет спустя, он боязливо оборачивался по сторонам, когда разговор касался политики.

Отец, в изгнании сражаясь за выживание, выработал в себе индивидуальность, находчивость и инициативность. Он был природным командиром, никогда не робел, иногда казался даже грубым, но уверенно шагал по сложной жизни вперёд. Вперёд для него означало возвращение домой, в свободную Россию. Россия это была идея фикс, в его единственной идеологии, ради которой можно было и голову свою сложить. Ногу он уже отдал! Он был готов ещё дальше служить, ему не хватало чувства корпусного локтя, и в минуту крайнего испытания он хотел быть вместе со всеми, в едином строю.

Отец думал вернуться к генералу Штейфону, штаб которого находился в Словении. Мы Отца отговаривали, ему доказывали, что безногому, на костылях, будет невозможно передвигаться в военной ситуации, но он упрямо отвечал: «Возьму Алёшу с собой, он мне поможет садиться на коня».

В Загребе 30 апреля 1945 года скончался генерал Штейфон.

Было ясно, что Германия проиграла войну. У зарубежных русских дух борьбы ещё не ослабевал, была надежда на соединение патриотических сил. Силы РОА, бывшие пленные и перебежчики из Красной армии являлись доказательством и надеждой того, что борьба с ненавистным режимом продолжится и после капитуляции Германии.

В Вену приехал «дядя Костя», так мы его величали. Он был героем-лётчиком в Первую мировую войну, революцию и Вторую мировую. Теперь полковник Антонов Константин служил в Русском Охранном корпусе и прибыл проездом с назначением получить авиационный полк в РОА, у генерала Мальцева. Я всегда мечтал летать, а тут появилась первая возможность. Дядя Костя был царским кадетом, кроме того близким другом семьи, и я рванул к нему. Обращаясь к его кадетской спайке с горячей просьбой, взять меня с собой. **Мне тогда исполнилось 16 лет, и он меня с собой не взял!**

Вторая возможность, вернее моя обязанность, быть лояльным к отцу, быть при нём во всех приятных, неприятных и опасных событиях.

Третья возможность, которая сильно манила меня - вернуться в свой кадетский строй, к своим однокашникам, но что с ними? Мне это было не известно!

Эти три выбора висели у меня на душе. Окончательное решение я не успел сделать, так как кругом всё стало ломаться, рушиться, как карточный домик.

Вену американцы бомбили каждый день. Противоздушная оборона по радио точно объявляла, в каком направлении летят бомбардировщики над Германией. Только после выяснения по карте курса их полёта люди спускались в подвалы.

В тот день, о котором я хочу рассказать, мы были уже в подвале. Сначала вдали стал нарастать гул многих самолётов, потом начали рваться бомбы, которые ложились ковром. Треск взрывов раздавался всё ближе и ближе, пол стал дрожать под ногами. В голове мелькнула мысль - настал конец! Молитва к Господу помогла успокоиться. Вдруг раздался взрыв бомбы над головой. Всё перемешалось, от крещендо невыносимого шума, от давления воздуха меня сильно кинуло в противоположную стенку, свет потух, а воздух превратился в густую пыль - дышать было нечем. Гул взрывов и самолётов стал удаляться, настала тишина. Сидящие в погребе люди отозвались, и в темноте выяснилось, что никто не пострадал. В полной темноте, на ощупь, я направился вверх по ступенькам к выходу. В большой прихожей было так же темно, и даже когда я пробрался на улицу, то не смог ничего разглядеть: густая в воздухе пыль мешала зрению. Сквозь пыль виделось пламя пожара. Постепенно пыль села, и я смог оглядеться. Бомба упала рядом, попав в семиэтажный дом. Дом обрушился, включая и магазин алкогольных напитков, который располагался на уровне с улицей.

В прошлом, через витрину этого магазина я часто заглядывался на красивую девушку, продавщицу в магазине. Она мне также благосклонно улыбалась, но выразить ей своё восхищение я не решался – не своя.

Стоя перед руинами дома, я понимал, что под колоссальным завалом, в погребе, могли быть ещё живые люди. Первым в цепочке спасателей с лопатой я прорывал проход вниз. Над головой нависли завалины многоэтажного дома, стала сыпаться всякая труха. Было опасно, ведь всё могло рухнуть и завалить самих спасателей живьём. **Разгребая завалы и расширяя проход, я наткнулся на бездыханное тело. Осторожно, работая только нервными руками, я был сражен страшным открытием: я держал в руках голову красавицы из магазина. Её чёрные длинные волосы были совершенно белыми и стояли дыбом.**

В мои старческие годы, когда я слышу дорогое слово «Вена», всегда ясно вижу витрину этого магазина и за стеклом черноволосую улыбающуюся красавицу, чью ужасную смерть я засвидетельствовал своими руками. До сих пор, как заноза в моём сердце сидит боль

пережитой трагедии. Робкая любовь юноши и жестокая смерть девушки - это были неизбежные удары судьбы в те роковые дни великих испытаний.

Профессор Е.Г.Румянцев с семьёй перебрался в Баварию, в деревню Бух ам Ерлбах. Он получил работу доктора в селе - это было большим счастьем. Румянцевы настаивали на нашем переезде к ним: там бомбы не падали, и жизнь текла спокойно.

На фронте события развивались стремительным образом, Красная армия подходила к Вене. Каждодневная американская бомбёжка создавала удручающее настроение, а тут ещё стали слышаться артиллерийские взрывы. Что будет дальше? **Стало ясно, что надо удирать! Папин госпиталь назначил час отступления, отцу сказали, что заберут и его семью.** Не в первый раз нам приходилось всё терять и брать с собой самое необходимое. Папа на костылях, мама, Серёжа и я нагрузились рюкзаками, взяли по маленькому чемодану в каждую руку. **Город был в панике, слышалась канонада советской артиллерии.**

До госпиталя шагать было далеко, отец устал, но старался не отставать. Мы от усталости побросали все чемоданы, только бы дойти до госпиталя. **Наконец дошли, и что мы видим? Обещанных грузовиков не существует, выстраивается колонна ходячих раненых солдат, мы присоединились к хвосту.** Прозвучала команда: «Направо, шагом марш!», колонна двинулась с места. **Постепенно строй стал уходить вперёд, а мы начали отставать. Кругом каша испуганного народа и отступающих войск.**

Дошли мы до площади «Карлс плац». В центре площади, у фонтана, мы сели передохнуть. Отец умолял нас оставить его здесь, а самим спастись. В ответ ему было сказано категорическое – нет! Мы останемся умирать все вместе!

Около 10-ти часов утра, как по часам, американцы бомбили город. Было желание попасть под бомбы и этим закончить страшную и безнадёжную жизнь. Обречённые, мы стали наблюдать за суматохой, происходящей в толпе отступающих штатских и военных. Кто на чём смог катить – катили, другие шли пёхом.

Мама не сдавалась, она с Серёжей побежала искать возможный выход из безвыходного положения для нас, обречённых на верную смерть.

И тут совершилось очередное чудо - остановилась колонна автобусов странного вида. Мать подбежала к водителю, немецкому солдату, и за две бутылки водки, для таких случаев оказавшихся в рюкзаке, добилась спасения из безвыходного положения.

Господь нас помиловал! Мы были чудом спасены за две бутылки водки!

Эта колонна автобусов принадлежала бывшему штабу Муссолини, внутри автобуса находились столы с картами - при отступлении из Италии немцы конфисковали эти автобусы.

И вот в самый нужный, критический для нас момент в водовороте отступающей толпы остановилась эта колонна автобусов именно около мамы с Серёжей.

Не чудо ли это? Начальство колонны уже разбежалось давно, водитель-солдат говорил, что теперь никакой генерал ему приказать ничего не может - кого впустить в автобус, это решение выносит он сам.

Таким образом, мы отъехали за 100 километров от Вены и пересели на поезд, держа курс на Бух ам Ерлбах, где семья Румянцевых готова была принять нас в свои объятия.

После пережитого в Вене жизнь в деревне подействовала на нас успокоительно. Родители получили комнату у сельского учителя, Сергей и я стали работать у немецких фермеров, получая за работу еду и ночлег.

Прошло несколько месяцев спокойной жизни без бомбёжек, но тут стал стремительно приближаться фронт. Отступающие части СС стали тянуть телефонные линии, было ясно, что здесь произойдёт бой. На следующий день частей СС уже не стало, настала тревожная тишина.

Погода выдалась прекрасная, солнце улыбалось всему живому, только злые люди занимались уничтожением друг друга. Вдали слышался нарастающий гул многих моторов. На всякий случай я посоветовал 24 летней дочери фермера спрятаться в близлежащем лесу. Перед домом у фермера был красивый и ухоженный сад, через который протекал ручеек с живописным мостиком. От дороги сад отделял забор.

Показалась колонна американских танков, их медленное движение остановилось перед домом. Два танка свернули с дороги и въехали в сад, ломая всё на своем пути, там они развернулись, круша мостик над ручейком. Моторы танков заглохли, и из них стали вылезать танкисты. Они вошли в дом с криком: **«Алес раус!!» все вон! Они осмотрели второй этаж со спальнями. Один из них схватил меня за плечо, сильно тормоша, он заорал: «Бринг ми цвай фройлайн» (приведи мне две девушки) и указал, в какую спальню их привести.**

Никогда не забуду его небритую рожу, от него несло алкоголем, по бокам у него висело по нагану с белыми рукоятками. По-английски я не говорил, но дал ему понять, что побегу за «цвай фройлайн». Ясно, что бежал я без оглядки прямо в лес.

В эту ночь соседка кричала о помощи: «Хильфе!» (Помогите!) Её 13 летнюю дочь насиловали, потом взяли и за неё. Изнасилования происходили и в других домах. Через два дня эти танки покинули село, и мы вернулись из леса.

Невольно припомнился Нови Пазар, когда немецкие передовые части оккупировали город. Никакого изнасилования не происходило, а солдатам были предоставлены проститутки с организованной для них медицинской проверкой.

Начинается следующая полоса выживания. Отцу было приказано явиться в лагерь для военнопленных в городе «Ландсхуд», где он отсидел пару недель. Проверочная комиссия определяла, кому идти домой, а кому отбывать наказание в лагерях СССР. Обыкновенно я ездил на велосипеде навещать отца. В этот раз он встретил меня с радостной новостью – его отпустили на все четыре стороны. Напомню, что он был без ноги. Когда я предложил приехать за ним завтра, он настоял на том, чтобы, не теряя ни одной минуты, ехать со мной на велосипеде, сидя на заднем багажнике.

Жить в деревне стало опасно, СМЕРШ стал охотиться за русскими остарбайтерами, которые не желали возвращаться домой, в число которых силой могли забрать и нас.

Мы перебрались в Мюнхен, где СМЕРШ был под ограничением американцев. Там мы нашли полуразрушенный дом, на втором этаже привели в порядок квартиру. Так мы начали выживать в сложной, не обустроенной, послевоенной жизнью. Первым делом надо было позаботиться о еде. Получил я работу в судомойке при столовой для роты черных американских солдат.

В столовую вела широкая лестница, по обе стороны которой каждодневно приводили и выстраивали на ступеньках немецких офицеров высоких чинов, в полной форме, с орденами на груди и на шее. У выходящего из столовой черного солдата оставалась недоеденная пища в котелке, которую «оберменш» сверх человек высокого ранга соскребал в свой котелок и тут же поедал. Голод не тётка, генералитет не стеснялся, немецкая спесь и достоинство были ими совершенно забыты, а чёрному американскому солдату это унижение доставляло большое удовольствие.

Вторая моя работа была во много раз лучше. В центре города возвышалась готическая постройка «Ратхауз», в которой действовало Американское Военное Правительство. В красиво отделанном погребе, для военных находилась первоклассная столовая с хорошо оборудованной кухней. В судомойку доставили машину для мытья посуды, взятую из дома Гитлера. Орудовал этой знаменитой машиной ваш покорный слуга.

В столовой подавальщицами работали русские девушки, среди них оказались знакомые, и жить стало веселей. В кухне оставалось много лишней пищи, которую мне разрешал брать с собой сержант заведующий кухней. Таким образом, кормилась вся наша семья, даже иногда перепало нашим друзьям-соседям.

По субботам в столовой устраивались танцы для военных американцев, служащих в управлении. Мне было приказано украшать зал, делать пунш (наливать в котёл много различного алкоголя из разных бутылок и смешивать со сладким соком), накрывать столы и устанавливать на них съестное и сладкое.

Особо приказывалось, чтобы зал был в темноте - танцевальная площадка должна была быть слабо освещённой. Играл прекрасный джаз - оркестр. Молодые немки приходили с

мамашами и усаживались за столы вокруг танцплощадки. Пока дочери танцевали, первым делом мамы ссыпали в свои сумки съестное и всё сладкое, затем подходили за пуншем к моему столу, где я разливал этот зверобой - эликсир любви.

Я наблюдал, как танцующих пар становилось всё меньше и меньше. За столами сидели, слушая джаз только мамыши - с ними американцы не танцевали. Куда удалялись пары, я не знал, но утром всё стало ясно. В дальних углах зала, где преобладала полная темнота, происходили другого рода танцы. Мне приходилось потом убирать зал и выметать много «особого» мусора. Реалии жизни - победителям всё дозволено!

Вспоминается странный, совершенно необъяснимый случай, происшедший с одним американским полковником, командующим этой военной организацией (military government) - его канцелярия находилась на одном из этажей здания. В этот день он, как обычно, обедал в нашей столовой. В это самое время рабочие чинили шпиль на самой верхушке готического здания.

После обеда, полковник поднялся по лестнице к выходу. И тут его ожидала злая судьба или кара Господа. Как только он сделал первый шаг наружу, в ту же секунду ему на голову с высоты шпиля падает кирпич и убивает его насмерть. Полковник прошёл невредимым через всю ужасную войну, но кара его всё же настигла. Предположить, что это было запланированное убийство невозможно, рабочие сделать этого никак не могли.

Не прошло много времени, как сердце матери не стерпело, и она бросилась на поиски Вали и Юры, от которых не было ни слуху, ни духу. В те послевоенные времена поезда ходили нерегулярно, и путешествовать было очень сложно из-за переполненных пассажирами вагонов. Мать направилась в город Фюльда, где находился госпиталь, в котором должен был лежать Валя, но госпиталя там не оказалось. Она пустилась по путям отступления госпиталя. В конечном итоге она нашла Валью, и они вместе приехали в Мюнхен. Застолье весёлым не получилось, Юры не хватало для полного семейного счастья. Он как в землю провалился - все поиски кончались полной неудачей.

Прошло три года, и появился уставший, очень постаревший и похудевший Юра. Радости не было конца - застолье шумело счастливыми голосами. Папа стал разливать водку в рюмки, и тут Юра взял бутылку из папиных рук и сказал: **«Дядя Миша, так водку не пьют»**. Он налил себе водку в большой стакан и выпил всё до дна, не отрывая рта от стакана – **«вот так пьют водку в России»!** Мы не поверили глазам, но он действительно выпил водку из большого стакана для воды и даже глазом не моргнул.

Последовал доклад о Юриных мытарствах. Он вспомнил бой в горах Боснии, вспомнил ту ночь, когда состав поезда набирал раненых. Он вспомнил, как его немец-часовой не впускал в вагон. Юрка тут разразился матом, и вдруг услышал из вагона Валькин голос: **«Юрка, это ты»!**? Оказалось, что их ранило в одном и том же бою, и обоих в правые руки. Юра был в чине унтер-офицера, а вагон был офицерским, поэтому часовой его и не

впускать. Валя вышел из вагона и приказал часовому впустить Юру. Так они проехали вместе до Любляны, где их разделили.

Госпиталь, в котором лежал Юра, не смог отступить перед красными. Немецкая сестра милосердия знала, что Юру, как русского, красноармейцы расстреляют, и она ему сварганила - немецкие документы на чужое имя «фольксдойчера» (немца, который родился не в Германии). Под этим именем Юра просидел в плену все три года.

Юра испытал в лагерях жуткую сторону жизни - его таскали на допросы, обыкновенно по ночам. Он боялся, чтобы со сна не заговорить на родном языке. Работая на многих стройках, он воочию увидел, как мучается многострадальный русский народ, но открыто посочувствовать им не смог, так как сам был в опасности, играя роль немца военнопленного. По истечению трёх лет плена Юру, как немца, отпустили в Германию.

В Мюнхене жизнь наладилась до того, что можно было уже думать о продолжении образования. Мать начала хорошо зарабатывать шитьём. Валя едет в Хайделберг поступать на медицинский факультет, Юра и я поступили в УНРА университет на разные факультеты, а Серёжа начинал учёбу в русской гимназии, у Отца Александра Киселёва. **В лагере для перемещённых лиц в Шляйсхайме оказалось много кадет. В присутствии генерала Попова, был впервые, вне корпуса отпразднован наш корпусной праздник.**

Корпусной праздник в Германии. Ген.Попов, в нижнем ряду – слева второй Алексей, пятый Сергей Ермаковы.

Который можно считать, стал нашим первым зарубежным съездом. Мне выпала высокая честь - выносить перед кадетским строем древнее Полоцкое кадетское знамя, спасённое генералом Поповым. Это знамя всегда выносилось у нас в корпусе на корпусных праздниках. Также на празднике роты Его Высочества знамя гостило в помещении роты 24 часа, и всё это время кадеты старшей роты несли почётный караул у знамени.

В УНРА университете студенты были иностранцами, среди которых оказалось много русских. Стали создаваться спортивные команды по волейболу, футболу, легкой атлетике. Наша команда по волейболу «РУСЬ» брала первые призы, и мы, русские студенты, были горды нашими победами.

По атлетике нашим тренером был «Маркуша», старший кадет Марков, он тренировал троих бегунов на средние дистанции - все трое были кадетами. Одного помню только по фамилии – Демченко, вторым был Серёжа Шауб (первый раненый в Охран-корпусе, получивший за это Георгиевский крест), а третьим был я. Вспоминается подготовка к большому интернациональному состязанию. Месяца за три до состязания я стал бегать в университет и вообще ходить каждый день в тяжёлых ботинках альпиниста, в надежде натренировать свои ноги на дистанцию в полтора километра.

Настал знаменательный день. Мы трое сговорились действовать согласованно - на старте выскочить вперёд и бежать первым, вторым и третьим. Мол, обогнать троих, бегущих в затылок, будет сложно. На старте выстроились бегуны разных наций, рука с пистолетом поднялась.... «стоп!» – раздался крик издали, и рука с пистолетом опустилась. К старту подбегает человек средних лет и скидывает с себя тренировочный костюм. Мне показалось, что этот худощавый старикашка не составит нам конкуренции, тем более что он бежал ещё до старта. Рука опять поднялась, раздался выстрел, я рванул вперёд изо всех сил и... оказался вторым. Передо мной бежит... старикашка!? Пробегаем первый круг, отделившись от других почти на полкруга. Моих однокашников совсем не видеть. Темп бега меня сбивает с правильного дыхания, заканчивая второй круг, я начал задыхаться. На третьем круге старикашка стал легко и быстро удаляться от меня вперёд, догнать его я и не надеялся, лишь бы добежать до финиша. Горло у меня наполнилось чем-то сладковатым, из носа хлынули сопля, дышать было сложно, и я почувствовал, что скоро упаду.

Но, тут я услышал бег шагов догоняющего меня румына, дыхание его было не лучше моего. Это меня подстегнуло – ноги, выносите! Мой внутренний из последних сил бросок. Мои ноги послушались и стали бежать вперёд, а туловище отставало, так мне показалось. Я уже не слышал за собой румына, что меня очень обрадовало, и мне удалось прибежать к финишу вторым. Перешагнув линию, я повалился как сноп. Тут подбежал взволнованный Маркуша, он стал меня расхваливать, говоря, что я бежал за знаменитым чемпионом Европы, что время было рекордное. Тебе, Алёша, быть бегуном – наказывал Маркуша.

Прости, дорогой Маркуша, мне одного такого состязания хватит на всю жизнь.

На архитектурном факультете я закончил второй семестр и стал серьёзно думать: кем мне быть, кем мне стать? Профессор Фоеринг вёл класс рисования с живых моделей, а также класс по композиции. Каждый месяц он устраивал выставки работ факультета, где мои рисунки занимали первые места. Похвалы профессора подбавили жару к моей гордыне.

Я возомнил себя талантом и вынес решение поступать в Академию Художеств. Я сказал об этом отцу, который был категорически против этого безумия, говоря, что художники голодают и живут всегда на чердаках.

Престижная Мюнхенская Академия вела набор новых студентов, я подал свои документы и получил быстрый негативный ответ. Меня не допустили к экзаменам по причине моего паспорта, где была указана дата моего рождения – 1928 год, а набирали только студентов, родившихся до 1926 года. Разочарованный такой новостью, я вернулся домой - отец ликовал. Он не посочувствовал моему глубокому разочарованию.

Я погоревал в своей комнате, где скоро у меня зародилась задумка переделать в паспорте дату рождения с 1928 на 1926. Исправить восьмёрку на шестёрку было просто. На следующий день я подавал свои работы с подправленным паспортом уже в другое окно. Через пару дней пришло извещение из Академии – меня допустили к экзаменам. Я выдержал экзамен, который длился два дня. Тут настало вторичное ликования: меня принял в свой класс профессор Нерман Каспер, знаменитый своим монументальным искусством (фрески, мозаика). Популярность его среди студентов была огромной. Хотя он был нацистом и художественно оформлял грандиозные парады Гитлера. Его, как нациста, хотели удалить из Академии, но студенты всей академии выступили с демонстрацией протеста и отстояли своего профессора. Под его руководством я учился шесть семестров.

Новая студенческая жизнь сыграла важную роль в моём внутреннем оздоровлении. Сложные годы войны сказывались, полная неизвестность будущего удручала, а тут для творчества был необходим внутренний покой. Здание Академии в Мюнхене было разбомблено, поэтому Академию перевели во дворец, находящийся в Дахау. Колоссальной красоты имение, включая дворец, принадлежали важному нацисту. Американцы оккупировали этот дворец и, прожив в нём несколько лет, решили его освободить. Академия получила этот дворец во временное пользование до полного восстановления своего здания. Студентам были предоставлены комнаты для классов, проживания, и столовая.

Я попал в комнату с тремя немцами, один из них отсутствовал. Комната давно не убиралась, под кроватями был мусор. Два немца с длинными волосами не мылись и не брились, говоря, что горячей воды вообще нет. От них шёл неприятный запах. Моим первым делом стала уборка комнаты. Я подмёл везде мусор, и под кроватями немцев тоже, потом шваброй помыл весь пол - немцы мне не помогали. После уборки я принял холодный душ и продолжал это делать каждый вечер перед сном, что моим «комарадам» показалось сумасшествием.

Несколько дней спустя появился третий немец, он был полным контрастом этим двум волосатым. Коротко подстриженный блондин с выправкой военного. Он протянул мне руку и поприветствовал, щёлкнув при этом каблуками, говоря, что рад жить вместе с настоящим арийцем, особенно в ужасные времена, когда вся страна заполнена грязными иностранцами «дрекиге ауслендерс».

В те годы я был густоволосым блондином, и немец решил, что я чистокровный ариец. Другие немцы давали ему знаки – замолчи, но он продолжал в том же духе. Когда немец замолчал, я представился ему, сказав, что являюсь тем самым грязным иностранцем, не щелкнув при этом каблуками. После этого он (фамилия его была Лоувассер) полностью прекратил всякое общение со мной. Он был уважаем профессором и студентами за его работоспособность, талант и немецкую аккуратность бывшего танкиста.

Мне надо было обязательно обрести душевное спокойствие и забыть пережитое, вопреки не воспринимающим меня немцам. Образно говоря, я начинал ощущать в себе чашу, наполненную до краёв эликсиром творческой жизни. Неосторожные духовные и физические промахи могли пролить этот драгоценный эликсир. «Успокойся, спокойно!!!» Постоянно мысленно я старался себя направить к высокому служению искусству.

Несмотря на плохую кормежку, я старался по вечерам заниматься гимнастикой и делал это без свидетелей. Свою зарядку я кончал стойкой на руках, и на руках же спускался вниз по широкой мраморной лестнице, ведущей в парк. Оказалось, из парка за мной наблюдал Лоувассер, и после этого случая его отношение ко мне полностью изменилось. Он заговорил со мной и стал общаться с большим уважением.

Спокойная, творческая, волшебная жизнь в красивом дворце с прекрасным большим парком закончилась. Это был короткий период в моей жизни, но такой оздоровительный и поучительный. В дальнейшем занятия происходили в Здании Академии, которая была отстроена в своём первоначальном виде. Каждый студент должен был ежегодно вкладывать 100 часов труда на постройку своего храма высокого искусства.

В Мюнхене есть очень странный обычай ежегодного проведения маскарад-Фашинга. Этот сумасшедший праздник продолжается целую неделю. Студентам Академии давали возможность заработка - декорировать для этого бала городские залы. Размах всего торжества был невообразимым. Музейные выставки убирались, шедевры со стен снимались и прятались в запасниках.

Художники, скульпторы создавали в этих залах совершенно безумные декорации, целью которых было сооружение разных размеров закутков. Конечно, оставлялось и большое место для танцев. В Дойчес музее, самом большом здании, было 12 огромных залов, и в каждом было по оркестру. Билеты на этот бал-маскарад были очень дорогими. Работавшим над декорациями студентам билеты давались даром. Попасть именно на этот бал считалось весьма престижным. Мне захотелось посмотреть на немецкий маскарад, и я попросил маму сделать из меня испанского кабальеро.

Попав на бал, я стал узнавать среди роскошных масок и своих друзей-студентов. Их костюмы отличались особой простотой: это был самый простой мешок из-под картошки с прорезанной на дне мешка дырой для головы. Надевали этот костюм на голое тело, а на

голову прикрепляли перья, вот и получался индеец под маской, готовый на всё. Тут я понял, что это значило, безудержный разврат - прямой вертеп.

Оказывается, раз в году немцы бесятся: муж и жена развлекаются в разных местах, и им всё позволено. Пиво и разный алкоголь льются рекой, оглушительные оркестры действуют возбуждающе на пары танцующих. Скоро я понял цель закутков - кругом шла сплошная оргия.

Ко мне пристала какая-то маска и втянула меня в танцплощадку. Лицо её я не мог видеть, но своими ногами она действовала без всякого стеснения. Такое грубое насилие меня возмутило, и я от неё сбежал в другой зал.

Через некоторое время она опять меня поймала и накинулась на меня, как бешеная. Разговора вообще никакого не было, только одни жесты, лицо скрывалось под маской. Я опять увильнул и убежал в дальний зал. Когда всё повторилось опять в третий раз, я решил покинуть немецкий бал-маскарад и их вакханалию, боясь подхватить нежеланный «подарок» в виде заразной болезни. Никак себе не представлял, порядочных и культурных немцев, соблюдающих такие дикие традиции.

Начался разъезд эмигрантов по разным странам. Многие наши друзья уже давно уехали. Нам была дана возможность выехать в Аргентину, Венесуэлу, но отец твёрдо настаивал на своём решении ехать только в северную Америку. Тут выявилась для нашей семьи большая проблема, потому что эмиграционные квоты в Америку устанавливались по месту рождения.

Родители шли по русской квоте, по которой они могли выехать сразу, так как из СССР никого не выпускали, и квота оставалась свободной. Валя родился в Турции, его турецкой квоты вообще не существовало. Серёжа и я родились в Югославии – наша квота была заполнена. Ехать вместе мы не могли, но и ехать отдельно мы не хотели.

Реалии жизни влияли на наш душевный покой, хотя у нас и был сильный спонсор в Америке. Это была мамина фронтовая подруга, они обе служили на войне медсестрами. Когда в Стамбуле родился Валя, то его крёстной мамой стала тётя Женя. За тётей Женей ухаживал американец мр. Бержерон, занимающий высокий пост в банке Стамбула. Они поженились и переселились в Штаты.

Две подруги поддерживали свою дружбу, изредка ведя переписку. Несмотря на хорошее финансовое положение Бержеронов и их желание помочь нашей семье, это никак не могло изменить наш эмиграционный статус.

Прошло три года, большинство наших друзей разъехались по разным странам, а мы застряли. Но в 1949 году нашлась доброй души американка, служащая в консульстве.

Каким-то способом ей удалось нам помочь – неизвестно. Но, мы получили разрешение выехать в Штаты всем семейством вместе.

Слава тебе Господи!

Семья Ермаковых перед отъездом в США

В Бременхафене нас погрузили на военный транспортный пароход «генерал Миюр». На пароходе беженцев распределили по разным работам: мама и Валя попали в госпиталь, а я в хлебопекарню. Таким самообслуживанием на корабле беженцы заработали себе бесплатный проезд в Америку. Серёжа оказался свободным и стал разгуливать по кораблю, чувствуя себя морским волком. Морское дело – это его будущее, он уверенно твердил нам о своём решении стать моряком.

ГЛАВА 12

Прощай, Европа (1949 год).

Отчалил пароход в пасмурный, дождливый день. Берег Европы медленно удалялся, наша семья вышла на палубу прощаться с Европой навсегда. У всех была грусть на душе – прощай, дорогая, спасибо за всё пережитое, радостное, трагически горестное, и до боли печальное. Россия дорогая, мать родная, увидим ли мы тебя когда-нибудь?

В открытом океане началась качка, с каждым днём усиливаясь, она выматывала из пассажиров все кишки. Серёжа решил в будущем стать лесничим - морское дело его больше не привлекало. Измученные до крайности длинным путешествием и бесконечной качкой, мы с большой радостью увидели в небе чайки, это были первые вестники близости берега. Уже вечером корабль шёл мимо Статуи Свободы, дававшей нам надежду на более приемлемую жизнь впереди.

Корабль бросил якорь в реке Гудзон. Мы просидели всю ночь на палубе, смотря на небоскрёбы Манхэттена и на непрекращающееся автомобильное движение. Ничего подобного мы в жизни не видели. Весь город был залит светом и казался сказочным царством. Кто строил, кто мог построить этот город-гигант, состоящий из огромных небоскрёбов? Завтра мы будем там, среди этих людей, от которых зависит наше будущее. Как это всё будет происходить? Только один Господь ведает!

Наутро корабль пришвартовался, и мы спустились на твердую землю, где под ногами уже ничего не качалось, Слава Богу! Началась процедура проверки документов и таможенный осмотр багажа. Все проходило в приятной, дружелюбной атмосфере. Покончив с процедурами, мы оказались в большом зале ожидания, где нас встретила подруга мамы, благодаря которой мы очутились здесь, в этой желанной стране.

Госпожа Женя Бержерон выглядела просто шикарно, в красивом платье с белой шляпкой на голове, в будущем мы будем величать её тётя Женя. Сердце радовалось, наблюдая за двумя подругами, которых судьба развела по разным странам на долгие годы, а тут крепкие объятия и слёзы счастья доказывали, что фронтовая дружба двух сестёр милосердия, действительно, без преувеличения, оказалась вечной.

Тётя Женя взяла папу и маму с собой, а нас троих братьев передала Мистеру Садосу, служащему её супруга. Мы по-английски не говорили, и общаться с ним было сложно. Мистер Садос подозвал такси и повёз нас к себе на квартиру. Был очень жаркий день, через люк в крыше такси мы наблюдали за аэропланами, летящими в небе одной шеренгой, они писали в синем небе белыми буквами фразы рекламы - такое мы видели впервые.

Впустив нас в свою квартиру, сам хозяин побежал на работу. Мы стали осматривать квартиру. Большая, грязная, она, по-видимому, годами не прибиралась. Ясно, что здесь живёт холостяк. Мы взялись за уборку, и к вечеру всё было вылизано и в полном порядке. День выдался жарким. За время работы захотелось пить и есть, ведь мы весь день ничего не ели и не пили. Из крана текла сплошная химия, вдобавок тёплая. Пить такую гадость мы не могли. Посмотрели в холодильник, надеясь найти лёд и съестное. Ничего съестного не обнаружилось, а до льда мы не добрались - всё было заморожено массой льда.

Мы присели отдохнуть и подумать, как быть дальше. Тут стал назойливо звонить телефон, но мы трубку не подымали, не зная, как и что ответить. И снова, не прекращая, звонил телефон. Этот трезвон уже порядком нам надоел, ну мы и подняли трубку, а в ней раздаётся радостный мамин голос, такой желанный, и сообщает нам, что у них вдоволь всякой пищи и фруктов. Приходите – накормим и справим Алёшин день рождения, ведь сегодня же 30 июля, ему исполнилось 21 год.

Мы себе и представить не могли сложности первой поездки на метро в Нью-Йорке. Не имея при себе никаких документов и ни одного цента денег в кармане, мы записали адрес, и вышли на улицу. Переспрашивая у прохожих не раз, мы как-то поняли, что надо

спускаться вниз по указанной лестнице. На этой станции метро мы стали наблюдать за публикой: входящая публика клала куда-то деньги и проходила, толкая перед собой преграду. Выходящая публика проходила через широкие ворота. Нам было просто войти, воспользовавшись моментом, когда люди выходили. Так что наш первый бесплатный проезд на нашей совести, хотя другого выхода у нас и не было. Помыкались мы по сложной системе метро очень долго, наконец, нашли квартиру, где папа с мамой нас давно ждали. Стол был уставлен пищей, которую мы с большим удовольствием уплетали. Справили мой день рождения в приподнятом настроении. Наконец, долгожданная цель достигнута, мы оказались в Америке в этот знаменательный для меня день. Мама говорит: «Ребята, уже поздний час, идите спать к себе». Мы ответили, что никуда не пойдём, останемся здесь спать на полу. Так и закончился наш первый день в Америке.

ГЛАВА 13

Поиски работы.

В Германии не разрешалось иметь зелёные доллары, поэтому мама зашила нам в куртки всё наше богатство - это было 70 зелёных долларов. Надо было искать спешно работу, кроме того, надо было освобождать квартиру, принадлежавшую сестре тёти Жени - она скоро возвращалась домой из путешествия.

Семья Карасиков с сыновьями Петей и Пашкой приехала в Америку гораздо раньше нас и уже прекрасно обустроились. Отец семейства родился в Харькове и был знаком ещё там с нашим отцом. В Югославии они жили не так далеко от нашего города, так что связь и дружба семей продолжалась и в изгнании. Все сыновья обеих семей воспитывались в кадетском корпусе. Пашка был моим одноклассником, а Петя на класс старше. Узнав о нашем приезде, они сразу приехали на своём собственном автомобиле и забрали нас к себе. За городом Няк, в конюшнях заброшенного ипподрома, они держали 30 верховых лошадей, которых сдавали напрокат по часам, получая за это приличные деньги.

Молодцы, ребята, успели завести своё дело, и жилось им хорошо. «Алёшка, ты будешь давать уроки верховой езды», - говорил мне Пашка. С радостью и большим удовольствием мы ухаживали за лошадьми, чистили конюшни и седлали лошадей ковбойскими седлами. Сам ипподром был в хорошем состоянии, и любители-ковбои за свои доллары могли гнать бедных животных, не давая им передышки.

Впервые в моей жизни я получил пол доллара серебром на чай от молодой американки, с которой у меня позже получился мой первый роман, надо заметить, что по-английски я не говорил. Появился молодой американец Джим, с которым у нас завязалась дружба. Поняв наше безденежное положение, он посоветовал нам встретиться с контрактором, который переделывал фешенебельные квартиры в особо дорогой части Нью-Йорка.

Этот босс заезжал за нами, и мы с Серёжей начали зарабатывать первые в своей жизни доллары. Наша работа заключалась в разгрузке строительного материала. Подъезжал грузовик, с которого нам кидали по два бетонных блока. Мы хватали эти шершавые блоки

и складывали их на тротуар. Скоро наши ладони покрылись кровавыми царапинами. Купить перчаток мы не могли, не получив ещё первой полочки. Как только отъезжал грузовик, мы переносили груз во двор, и делать это требовалось быстро. По закону, строительный материал держать на тротуаре не полагалось. Конечно, мы не успевали перенести весь груз в один миг. Появлялся полицейский, получал от нашего босса взятку в пять долларов, и мы продолжали спокойно работать. Эта сцена повторялась многократно, но уже с другими полицейскими.

Прошла первая неделя. Уже в перчатках мы усердно работали на тротуаре, как к нам пристал штатский с какими-то требованиями, в его тираде мы разобрали только два слова «унион кард» (профсоюзная карточка). Прячась во дворе, наш босс давал нам оттуда руками сигнал – разбегайтесь!

Не сделав ничего плохого, мы не разбегались. Выяснилось, что рабочие, принадлежавшие профсоюзу, должны иметь карточку, без этой карточки мы не имели право работать. Также выяснилось, что нам платили вдвое меньше, по 2 доллара в час, что впрочем, нас очень устраивало. Босс обещал дать нам работу по субботам и воскресениям, с условием, что он заедет за нами, и мы будем поднимать на лифте строительный материал со двора на этаж. Когда наш босс привёз нас в субботу, произошёл длинный разговор с оператором грузового лифта. Он также стал требовать взятку, босс не смог с ним договориться, и мы таким образом, потеряли нашу первую работу.

Мораль сей басни такова: в Америке сплошные рвачи, «Доги дог» (собака собаке) – эта американская поговорка послужила нам предупреждением. Наше будущее при демократии будет не таким радужным, как поначалу нам мечталось.

Перебрались мы в город, сняли одну комнату в квартире одной еврейской семьи, главой которой был мистер Пикенс. Спустя некоторое время, мистер Пикенс поделился с папой своими успехами и проблемами. Он был эксклюзивным дистрибьютором на всю Америку немецкой радиоконпании Телефункен. У него был магазин на 14-ой торговой улице, и бизнес процветал. Однако он жаловался, что 25% чистого дохода ему приходится отдавать в еврейскую организацию, и что они точно знают все детали его бизнес оборота. Посмей он не отдать точную сумму, и доставка ему этих радиоприёмников Телефункен прекратится навсегда.

Мама получила удачно работу медсестры у больного старика-американца. Я ходил по разным студиям наниматься на работу художником, но везде получал одинаковые отказы - все требовали профессионального опыта. В одной студии меня спросили, был ли у меня опыт рисования голых женщин на галстуках. Я ответил, что я нарисую, что угодно и на чём угодно без всяких проблем. Последовал их ответ: им нужен художник, имеющий опыт рисования по шёлку.

Устроился я у них принтёром, что было не совсем искусством, но оплачивалось хорошо. Работа заключалась в следующем: на длинных низких столах растягивалась материя для

печатания, по каждую сторону стола должно было находиться по рабочему. Они держали в руках большую раму с натянутым холстом. На холсте был рисунок, через который прогонялась краска, таким способом печатался рисунок на натянутой материи. Скоро меня хозяин-еврей назначил главным принтером.

Я смог рекомендовать хозяину нанимать моих друзей на такую же должность. Первым получил работу Валя (мой брат), потом его друзья - все три доктора, а два из них кадета. Ещё два моих друга по Мюнхенской Академии тоже устроились работать у нас. Собралась тёплая компания, хозяин – еврей был нами доволен.

После парки паром, рулоны с напечатанной материей натягивались на длинные рамы на столах, вокруг которых ходили девушки с разными губками и раскрашивали рисунки. Среди рабочих были русские, были и негритянки - это был наш первый контакт с чёрными. Расового вопроса у нас, русских, не существовало, что импонировало негритянкам, среди которых были симпатичные девушки.

Одно воскресенье нас, троих кадет, негритянки пригласили на танцы. В самом опасном негритянском районе Харлем, на втором этаже находился большой зал, там нас встретили наши знакомые девушки. Они представили нас своим родителям, которые были одеты во всё белое, также в белом одеянии были и другие негры.

Все сидели за столиками вокруг танцплощадки, и тут началась музыка. Каждый из нас подходил к столу, где сидела девушка с родителями. По нашим правилам поклонившись, мы просили отцовского разрешения потанцевать с его дочкой.

После танца мы возвращали дочь и благодарили отца за танец. Во всём зале мы были единственные белые. Безусловно, наши странные для них манеры произвели хорошее впечатление на чёрных. По всей вероятности, это была какая-то секта негров со своими обычаями и традициями. В тот вечер злости в их глазах мы не наблюдали. Позже мы стали разбираться и понимать существующую глубокую пропасть ненависти между белыми и чёрными. Эта бомба расовой нетерпимости может взорваться в США в любой момент.

Первый год прошёл без особого улучшения моего английского языка. Мы вращались только среди своих, поступали в свои русские организации, об ассимиляции не думали. Валя учился в самом престижном университете Германии, в городе Хайдельберге. Ему не хватало одного семестра до окончания медицинского факультета. Мы предполагали, что он закончит учение и сдаст экзамены в Америке, но ему было сказано, что сначала нужно пройти подготовительные медицинские курсы и только после этого начинать занятия в университете. По их правилам, Вале предстояло ещё не менее восьми лет учения.

Семья решила послать Валу обратно в Хайдельберг, чтобы он заканчивал обучение в университете там, где он учился. Экзамены на врача он будет сдавать в Германии. С Божьей помощью, финансово мы вытянем, и Валя вернется обратно в Германию заканчивать образование.

Серёже повезло, он получил стипендию в престижный Гарвардский университет, и направился туда постигать науки. Мама и я продолжали усиленно работать на старых местах. Мой английский язык слабо прогрессировал, поэтому я решил ухаживать за американками, дабы овладеть английским языком. Могу всем порекомендовать такой способ изучения языка, так как через шесть месяцев я уже смог свободно объясняться на местном простом языке.

Кроме того, я стал лучше познавать парадоксы демократии, получая информацию о быте и политике от местного женского пола.

В Америке, в стране сугубого эгоизма, «манна с неба не падает». Здесь следует быть прагматиком, честным поворотливым и настойчивым, всё зависит от личной инициативы. «Под лежащий камень вода не потечёт». Напор эгоиста - единственный способ выживания и продвижения по лестнице материального успеха.

ГЛАВА 14

Мой первый автомобиль.

Не забуду свой первый автомобиль, купленный мной за \$100 долларов, это был Шевролет 1939 года. Отец был возмущён, что я сделал покупку без него. Он не поверил, что за такую низкую цену можно приобрести двигающийся автомобиль. Но, автомобиль исправно прослужил нам пару лет. Немного оперившись, я получил возможность купить подержанную машину классом по лучше. В этот раз я поехал высматривать себе лучшего коня вместе с отцом. Нашли мы подходящий олдсмобиль 1942 года в хорошем состоянии. Не помню, за какую сумму мы его купили, но за свой старый автомобиль я получил 150 долларов.

Оформив в магазине нужные бумаги, мы получили ключи и довольные покупкой выехали из магазина. Подъезжая к улице Бродвей, я остановился на красном свете. На углу, за столиком на тротуаре, сидели две старушки, продававшие лотерейные билеты по 25 центов за шанс на новый 1954 фورد. Отец им дал 25 центов, и надо было заполнить анкету. Тут свет поменялся на зелёный, и я собрался ехать дальше. Но отец настоял, чтобы я подъехал ближе к тротуару (к старушкам). Машины за мной стали нетерпеливо сигналить, я задерживал их продвижение. В испорченном настроении я исполнил наказ отца, заполнил анкету на его имя, и мы поехали домой показывать маме новое приобретение.

Прошло некоторое время, отец стал первым просматривать почту, что раньше никогда не делал. Я уже совершенно забыл о лотерее. В один прекрасный день отец прочёл почту и разразился гомерическим смехом: он выиграл новый Форд за 25 центов!

К этому времени Серёжа за два года закончил Гарвард – ему зачли два года учёбы в Европе - после чего он пошёл служить в знаменитую Американскую парашютную 11-ую дивизию. Где он испытывал новые парашюты, прыгая иногда по десять раз в день, и в награду за это он получал длинные отпуска. В офицерскую школу его не допустили по той

простой причине, что он не был подданным страны. Серёжа дослужился до чина мастер-сержанта, и был удостоен чести носить на парадах американский флаг. После трёх лет службы он вернулся домой.

К этому времени Валя успешно закончил учёбу в Хайдельберге, сдал там нужные экзамены и тоже вернулся домой. Семья была в сборе, не хватало только Юры. У Юры оказался родной дядя, проживавший в Америке уже много лет, и он устроился у него. Валя проходил стажировку в одном из госпиталей Нью-Йорка, куда он устроил Серёжу водителем автомобиля скорой помощи. Очень напряжённая и опасная работа водителя не устраивала Серёжу, и он поехал в Калифорнию на Форде, который ему подарил отец. Прошло несколько недель, от Серёжи мы не получили ни одной весточки и стали сильно беспокоиться. Наконец, получили от него открытку, в которой он лаконично нас известил, что «можете считать меня женатиком с такого-то числа, её зовут Таня». Конечно, эта новость нас обеспокоила, но делать было нечего, и мы пожелали молодоженам всякого счастья, благополучия и радости в новой жизни. Оказывается, они оба мечтали о карьере в Голливуде. К большому сожалению или, может быть, к удаче, из этой мечты ничего не получилось. Сергей получил работу инженером в компании Дуглас, где проработал шесть лет, после чего он работал более 30 лет до своего выхода на пенсию в большой компании Линттон Индустрис.

Валя женился на Аллочке, работавшей долгие годы в Объединённых Нациях, она ему помогла стать большим специалистом на медицинском поприще. Он стал патолога - анатомом и возглавил отдел вскрытий в самом большом госпитале страны. Там он создал патологический музей и занялся исследованием раковых заболеваний. С большим успехом Валя стал преподавать в университете штата Нью-Йорк, в звании профессора.

Юра пошёл по семейной традиции, успешно работал авиаинженером в фирме Громман. Вскоре он также женился на американке немецкого происхождения. Слава Богу, все хорошо устроились по работе, поженились и скоро начали производство внуков. Я остался один с родителями, мама и я продолжали работать.

В течение целого дня на моей работе мне приходилось проделывать одно и то же движение. Тело требовало разнообразия, я стал искать и нашёл общество Русских Соколов, где по вечерам можно было заниматься гимнастикой и работать на снарядах. Возглавлял организацию Николай Куновский, эмигрант из Франции. Он удачно и толково вёл занятия с русской молодёжью, где внедрялось сознание, что «в здоровом теле - здоровый дух».

ГЛАВА 15

Не было бы счастья, да несчастье помогло.

По выходным мы ездили к Карасикам и отдыхали у них на природе. С большим удовольствием я объезжал беспокойных лошадей, одного из коней я выбрал для джигитовки. К сожалению, казачьего седла (с тремя подпругами) не было, пришлось

седлать тяжёлым, неуклюжим, как большое кресло, ковбойским седлом с одной подпругой. Для джигитовки нужен конь, способный держать быстрый и ровный галоп, не меняя темпа. Мой конь этого не делал, он останавливался каждый раз, как только я переносил свой вес на сторону (так его раньше натренировал ковбой).

Наконец, конь понял, что от него требовалось, и у нас стала получаться сносная вольтижировка. Теперь можно было показаться перед мамой, сегодня справляющей день матери, перед папой, Пашкой, Петькой и другими зрителями любителями верховой езды.

Я решил блеснуть перед ними, проделывая уже отработанную вольтижировку. В этот раз подпруга не удержала седло на галопирующем коне, и оно съехало под брюхо коня. Мои ноги попали между передними ногами коня, я получил удар копытом в мою правую ногу и выпустил седло из рук, конь продолжил свой галоп. Уже сидя на земле, я почувствовал сильную боль, и понял, что нога сломана, носок сапога был свернут совсем на сторону.

Я стал кричать о помощи, но Петька и Пашка подумали, что я их разыгрываю, и подошли медленно. Наконец поняв, что это не шутка, они побежали за автомобилем, в который меня с трудом усадили. Быстрая поездка в город Наяк, где находился госпиталь, была очень болезненной. Обе кости были переломаны, поэтому хрустели при каждом бугре на дороге, усиливая этим боль до предела.

В госпитале доктор просверлил и просунул стальной стержень через пятку, и подвесил к нему через колесо тяжесть, что бы растянуть кости, перед тем как их соединить. Всё это происходило в День матери – вот такой подарок я преподнес своей бедной маме. 21 мучительный день я лежал неподвижно на кровати при медленном растягивании костей, после чего кости правильно вправили, и ногу забинтовали гипсом по бедро. В этом состоянии мне было позволено вернуться домой.

За всё это удовольствие в госпитале мне не пришлось платить - страховка заплатила за всё, а также покрыла и период моего выздоровления. В этом мне здорово повезло - страховка на работе была очень хорошей. Работать с ногой в гипсе на старом месте я не мог.

Неожиданно Коля Куновски предложил мне приходить в его студию, расположенную в дорогом районе города, где он преподавал оздоровительную гимнастику по собственной системе – “Six Factors of Physical Fitness”. К нему ходили серьёзные клиенты: актрисы, актёры, модели, бизнесмены – в общем, состоятельные люди.

После усвоения его системы, Коля предложил мне стать инструктором в его студии. Мне это предложение очень подошло, потому что, находясь среди американцев культурного слоя, я смог подтянуть свой хромающий английский язык. Классы гимнастики были маленькие, не больше пяти человек, что давало возможность близкого общения.

Поначалу было много забавных промахов в моём английском. Не забуду один жаркий день летом. Коля ушёл обедать в ресторан. Я остался один в студии и думал поесть дыню, которую держал в холодильнике. Вдруг входит красавица модель, ее звали Дориан Ли. Она была ведущей моделью мод в Америке и красовалась на всех обложках модных журналов. Она нетерпеливо спросила: «Где Ники?» Я ей ответил, что он сейчас придет. Прошло несколько минут, она не захотела ждать и собралась уходить. Мне надо было её обязательно удержать, и на своем ломаном языке я ей предложил: «Would you try honeymoon with me»? Она покраснела и была готова вцепиться в меня как тигрица.

Я понял, что произошла ошибка, побежал на кухню и вынес холодную дыню - будучи взволнованным, я перепутал, и назвал дыню *honeymoon*, вместо *honey-melon*. Она поняла мою ошибку, расхохоталась и заметила, что медовый месяц значительно слаще, чем дыня. В хорошем настроении мы разделили между собой прохладную дыню, и Ники успел застать её в студии. Постепенно моё произношение и знание языка выровнялись.

ГЛАВА 16

Георгиевский кавалер.

Среди членов мужского класса ровно к 9-ти утра каждый день, приходил Борис Васильевич Сергиевский, Георгиевский кавалер, бывший капитан - летчик истребитель в Первую Мировую войну. Он был кадетом!!! Борис Васильевич приехал в США сразу после революции. Вместе с Игорем Сикорским они начали строить у себя в гараже свой первый аэроплан. Борис Васильевич после испытания самолёта, полетел на нём в Южную Америку и там удачно продал первенца. Построили затем два, после чего развернулась сказочная деятельность их процветания. Сикорский строил самолёты, а Сергиевский как лётчик-испытатель ставил на них мировые рекорды. Когда Борису Васильевичу исполнилось 50 лет, его супруга добилась у него обещания прекратить испытательные полёты.

Вертолёты Сикорского завоевали командные положения на всех военных и коммерческих рынках Америки и других государств. Подумать больно, что таким русским талантам злая судьба распорядилась оказаться без Отечества, или вернее Отечеству без оных. Ещё одна русская фамилия начиналась с буквы С - генерал Северский, лётчик-конструктор, который создал знаменитый истребитель для воздушных сил Америки. В начале войны с Японией американские лётчики терпели поражения от японских *зеро*. Только после появления истребителя Северского начались воздушные победы американских лётчиков. **Тройное русское ССС, Сикорский, Сергиевский и Северский создали Американское превосходство в воздухе, а всё могло бы быть по-другому, не будь несчастной революции в России.**

Мне очень повезло в жизни: благодаря неудачной джигитовке была сломана нога, но зато, получилась встреча с гигантом, с идеалом для мужского почитания, с Борисом Васильевичем Сергиевским. Эта встреча произошла в студии у Николая Куновского. В то время нога моя была по колено в гипсе, и я мог не спеша изучать метод Коли Куновского, моя страховка ещё покрывала моё состояние инвалида.

В гимнастическом зале я усиленно следил за преподаванием Коли. Но, не упустил каждое движение русского, **Бориса Васильевича, не первой молодости кадета**. После согревающих упражнений, работы с гантелями, упражнений лёжа на кожаных подушках, пошла работа на снарядах. Моему удивлению не было предела: Борис Васильевич легко делал на брусках стойки на руках, на плечах, работал на кольцах и трапеции. Эту зарядку он проделывал регулярно каждый день, приходя ровно в 9 часов.

В Америке лётчики должны проходить комиссию по состоянию здоровья каждый год, иначе, лицензия будет отобрана. Борис Васильевич делал перед медицинской комиссией стойку на руках и получал без всяких проблем разрешение на очередной год летать. У него был свой двухмоторный аэроплан, в котором размещались с большим комфортом 10 пассажиров, плюс Борис Васильевич (пилот), и Ел Мурза Натырбов (второй пилот). Самолёт мог спускаться на сушу и на воду.

На севере штата Нью-Йорк располагалось большое имение площадью 6000 акров, на котором находились три больших озера. На одно из них спускался аэроплан, привозя хозяев и гостей отдыхать летом, там они попадали прямо в рай земной.

Борис Васильевич был большим патриотом и председательствовал над многими русскими организациями в Америке. Он являлся первым лицом в рядах белой эмиграции первой волны в Нью-Йорке. Каждый год, на «День Непримируемости» Борис Васильевич на коне возглавлял Русскую группу кавалеристов на параде по пятой авеню, за ним ехали три джигита в черкесках, два брата Натырбовых и я Алексей. После нас ехало верхом полсотни донцов-казаков, все были в полной форме. Дальше шествовала пешком многочисленная русская группа в национальных костюмах.

Борис Васильевич Сергиевский оказывал финансовую помощь нашему Первому Русскому Великому Князя Константина Константиновича кадетскому корпусу в Белой Церкви (Югославия). Судьбе было угодно дать мне возможность выразить глубокую благодарность дорогому попечителю за нужную помощь нашему корпусу, в довоенные времена.

Бывает в жизни так, что дом - полная чаша, кажется, всё-всё есть. Но Борису Васильевичу Господь не даровал главного - продолжения своего рода. От первой жены у него был сын Орест, балетный танцор - не семейный. От второй супруги Гертруд Хохшилд родилась дочь Кира, с физическими проблемами. Не буду описывать, что и как, но росла Кира инвалидом и могла ходить только с помощью русской няни, буквально висая на ней.

Борис Васильевич попросил меня приходить к Кире по субботам и заниматься с ней упражнениями по системе Куновского. Кире было тогда 11 лет, с раннего детства её чувство баланса было серьёзно нарушено. Требовалось установить рефлекс баланса через упорную тренировку всей мышечной и нервной системы. Попросив любящую няню не вмешиваться в тренировку Киры, постепенно, неуверенно, но Кира обретала чувство

баланса, и смогла понемногу ходить сама. Все летние каникулы я проводил в их имении, чтобы каждодневно продолжать работу с Кирой, прибавив к упражнениям плавание.

На конюшне у Бориса Васильевича было семь лошадей для езды по лесным дорожкам (с дистанцией в 36 миль без повтора), и площадкой для прыжков через барьеры. Вокруг живописных озёр, по лесу и горам, расстилась Божья благодать. Живительный эликсир чистого воздуха заполнял легкие. Синее небо, солнце и озёра проглядывали через гущу леса, кругом расстился ковёр цветов и мха, чирикали птицы, какое раздолье для езды на шикарно обьеженных лошадях! Это было сплошное и бесконечное счастье. Когда не бывало гостей, рано утром Борис Васильевич садился в автомобиль, и я вёз его на конюшню. Там уже ждали осёдланные Синеман - любимый конь хозяина, и Грей Леди - кобыла для меня. Дорожки в лесу были широкими, чтобы два всадника могли удобно ездить рядом. Проскакав рысью и галопом, мы давали лошадям расслабиться и отдохнуть. Отпускались носки из стремян, и шли медленным шагом.

Всё кругом располагало к прекрасному настроению, на вершине горы открывались бесконечные просторы. На Бориса Васильевича наплывали одно за другим дорогие воспоминания из прошлого, которыми он делился со мной. Он рассказывал о международных состязаниях по конному спорту на знаменитой арене Мэдисон Сквер Гарден, где он состязался на своих прыгунах. Говорил о рекордных достижениях в воздухоплавании. Он был не прочь вспомнить и о своих любовных похождениях, которых у него было вдоволь.

Вопрос, почему Борис Васильевич мог доверять мне? Простой ответ – кадетское воспитание! Уникальное чувство братского доверия сохранилось, несмотря на разницу в возрасте и положения в обществе. Вот какой глубиной отличалась система воспитания и образования в кадетских корпусах Царской России, и продолжалась в корпусах в изгнании.

Проскакав около 16 миль, мы возвращались домой. Я шел на занятия с Кирой, гимнастику нашу мы заканчивали плаванием в озере. До обеда все собирались у озера наблюдать за Кирой, как она с радостью и большим удовольствием плавает. Прохладная вода действовала освежающе на всех. Гребля на лодках разного типа, прыгание с трамплина и ныряние наращивали аппетит. За обеденным столом собиралось около 30 гостей, почитателей русской кулинарии. Кухней заведовала русская дама, обслуживая вкуснейшими русскими блюдами проголодавшихся гостей. После сытного обеда устанавливался мёртвый час до трёх часов.

Выспавшись, Борис Васильевич был готов к верховой езде с упражнениями в прыжках. Манеж с установленными препятствиями разной высоты был идеально подготовлен для прыжков. Правильная пропорция земли, опилок и песка создавала хорошую подушку для лошадиных копыт. К нам присоединился Ел Мурза, с которым я близко подружился, он был на пару лет старше меня. Его отец был царским офицером кавалеристом, под его начальством идеально содержалась конюшня у Бориса Васильевича.

Борис Васильевич, на своем любимце Синемане легко брал барьеры высотой до 5 футов. После работы в манеже все расслаблялись у озера, там было много чем поразвлечься. **Когда прилетал в гости Игорь Сикорский, он просил хозяина прокатать его по озёрам на быстроходной моторной лодке, за которой мне было позволено катить на лыжах, прыгая на волнах, я не упустил из рук трапецию. Лодка шла так быстро, что мой купальный костюм высыхал полностью.**

После ужина бывали настоящие концерты, когда гостил с семьёй Лёня Кальбус, хороший пианист, в репертуаре у него была классика, и романсы. Тогда у Бориса Васильевича появлялось настроение петь, он баловал нас многими романсами. У него был прекрасный баритон, и пел он с большим чувством настоящего профессионала. Гости и домочадцы с большой благодарностью, сидя у огромного размера камина, заслушивались концертом до поздней ночи. Так проходил день в имении под названием «Eagle's Nest» («Соколиное гнездо»).

Обыкновенно по четвергам Борис Васильевич прилетал с группой своих друзей. Многие из них были кадетами, кавалеристами и кавалергардами в Царской Армии, и были не прочь вспомнить свою молодость в седле. Мне было приятно наблюдать за их дружбой и сознавать, что законы товарищества соблюдались кадетами везде и навсегда.

Припоминаю одно происшествие. Гостили тогда у Бориса Васильевича князь Белосельский-Белозерский (кавалергард), в чине полковника американской военной авиации. Также барон Алексей Таубе, моряк. В своё время он служил на царской яхте «Штандарт». Когда началась Первая Мировая война, весь экипаж яхты заявил желание пойти на фронт. Была создана пулемётная команда, и моряки верхом пошли на войну. В истории флота это был первый случай, когда моряк в морской форме надел шпоры. Позже я получил драгоценный подарок, эти исторические серебряные шпоры мне подарил многоуважаемый барон Алексей Таубе.

Рано утром Борис Васильевич и я были уже на лошадях и поскакали в лес. Мне было сказано захватить с собой топор. По указанию хозяина я срубил деревья в определенных местах так, чтобы они упали поперёк тропинки и послужили бы барьерами для невысоких прыжков. Мы вернулись в конюшню и дожидались прибытия гостей. Когда все прибыли в приподнятом настроении, лошади были поданы, и кавалькада тронулась.

Борис Васильевич приказал мне громко, так чтобы все слышали: **«Алексей, езжай последним, будешь подбирать седоков».** Все смеялись и шутили, вспоминая былые времена. Для меня было огромным удовольствием слушать их шутки. Находясь в хвосте, я наблюдал за посадкой царских кавалеристов, всё ещё сохранивших вышколенную в училищах посадку. Борис Васильевич ехал впереди, а я в хвосте.

Долго шли шагом – разогревались, расслаблялись. Потом пошли рысью, поднялись на легкий галоп. Все скакали образцово! После некоторого времени стала заметна усталость, особенно у князя, а впереди предстояли ещё прыжки. Пошли шагом - получилась нужная передышка. **Пошли усиленным галопом, затем поворот перед прыжком... прыжок!**

Князь не удержался в седле, обладая лишним весом, он скатился на бок и упал. Слава Богу, он только ушиб плечо, травма была несерьёзная. Другие кавалеристы сочувствовали князю - он отшучивался. Помогли ему сесть на коня и медленным шагом вернулись в конюшню. В результате этого падения князь и его супруга стали ходить на гимнастическую зарядку к Коле Куновскому в студию, беря у него частные уроки.

Борис Васильевич и я были приглашены князем в день празднования дня Американской военной авиации. Князь был в голубой форме полковника воздушных сил США. Там мы встретили барона Алексея Врангеля, сына главнокомандующего Белой Армией, он также был в синей форме в чине лейтенанта.

Раз в году в Нью-Йорке проводился самый престижный **«Белый бал»**, на который приглашался самый цвет высшего общества русских и американцев.

Борис Васильевич обратился ко мне: **«Займи у Ореста (его сына) фрак, он тебе подойдёт, и составь компанию француженке, которая будет сидеть за нашим столом».**

Француженка оказалась красивой и очаровательной дамой, с которой я не пропускал ни одного танца.

Спасибо моему добродетелью за приглашение, давшее мне возможность увидеть величие тех времён. Русский престиж тогда стоял высоко и весьма почитался среди высшего класса американцев.

ГЛАВА 17

Лето счастья.

В большом доме был поднят переполох, Гертруда хозяйка дома, обнаружила клопа. Вынесли решение всем улететь в Нью-Йорк на один месяц, а дом подвергнуть химической обработке.

Я попросил разрешение разбить палатку на маленьком острове на одном из озёр, куда я переселюсь на лодке и проведу там весь этот период. Разрешение было дано, и настала счастливейшая пора в моей жизни! Чувствуя себя Робинзоном Крузо, я приплыл на индейском каноэ к острову, густо заросшему деревьями и кустами. Топором расчистил площадку для палатки и для костра, расширил вид на голубую гору (Blue Mountain), устроил причал. Спокойная вода в озере отражала голубое небо, я брился, стоя по пояс в воде, не нуждаясь в зеркале, вода отражала моё счастливое лицо. Всё кругом сверкало, не хватало только белых лебедей с отражением их грации в зеркальной воде.

Под вечер я решил поплыть в маленький городок на разведку. На берегу озера был расположен курорт, состоящий из маленьких домиков и большого ресторана. Очень уютное место, где обслуживали туристов студентки из университета, будучи на летних заработках. Там подавалась простая американская пища, но всё было свежее. Я заказал себе большой кусок стека, поджаренного на жаровне с углями из дубовых поленьев.

Подавала мне эту вкуснятину красавица девушка лет 20-ти. Глаза у неё были одно загляденье, и я втрескался в неё с первого взгляда. Её звали Ди-Ди. Короче говоря, мы крепко подружились и влюбились, иначе не могло быть в этом возрасте среди такой прекрасной природы.

В её свободное время мы были неразлучными. Больше всего мы предпочитали быть на острове, где в костюмах Адама и Евы сидели у костра, потом кидались в воду и плавали при лунном свете. Всю ночь напролёт в палатке мы наслаждались друг другом до изнеможения, потом опять кидались в воду освежаться и начинали всё сначала. **Сидя у костра после плавания, с её красивого загорелого тела стекала вода, на упругих грудях висели и сверкали, как бриллианты, капельки воды. Писаная красавица, с редкой грацией, сплошное загляденье - до умопомрачения!!!**

Господи, может ли это быть тяжким грехом!? Естественные, на красивой природе, установившиеся отношения между двумя молодыми существами. Ведь эти чистые, честные чувства, вместе с божественными телами, являются твоими творениями Господи!

Великая благодарность Тебе Господи за это чудесное лето счастья!

Когда Ди-Ди была занята на работе, среди отдыхающих туристов я заметил молодого японца, он был завален книгами, и серьёзно готовился к сдаче экзаменов по архитектуре. Мой интерес к Японии и к архитектуре всегда был велик, и я был рад с ним познакомиться. Его звали Фумихико Маки, кроме того мы сражались не плохо в теннис.

Меня поражала его преданность своей профессии. Он уже закончил архитектурный факультет в Японии, а теперь сдавал экзамен в лучшем университете Америки в Гарварде. Изысканные манеры отличали его от рядовых американцев, и мне захотелось разделить с ним прелести жизни на острове. Я попросил Ди-Ди познакомить его с одной из её подруг.

Теперь уже вчетвером на острове мы наслаждались жареными на костре колбасами и кукурузой. Интересным собеседником оказался наш японец Фумихико. Мы слушали его серьёзные мечты о будущих планах, строительстве городов и зданий. Очень хотелось нам и дальше его слушать, но он извинился, сказав, что книги его ждут. Мы поплыли обратно, сожалея, что интересный вечер был коротким.

Признаюсь, на старости лет воспоминания об этом лете счастья, приносят мне теплые и радостные переживания, по сей день.

Много лет спустя я встретил Фумихико в Токио, к тому времени он претворил свои мечты в действительность и стал знаменитым профессором архитектуры, уже осуществившим большие проекты во многих странах мира. Самый важный небоскрёб он спроектировал в Нью-Йорке, на том самом месте, где стояли два небоскрёба торгового центра, в которые врезались два самолёта, управляемые террористами.

Встреча с Фумихико Маки в те далёкие дни заставила меня пересмотреть и осознать свои мечты. Мне крайне необходимо было, не теряя времени, завершить своё образование!

Дом в «Eagle's nest» был химически очищен, и всё вернулось на свои места. Ночами я стал пропадать. Вскоре я признался Борису Васильевичу в своём увлечении, и он захотел увидеть Ди-Ди. В маленьком городке по выходным, пожарная команда выставляла свои машины наружу, и предоставляла местным жителям и туристам помещение для танцев *-square dance*. Народный танец, где по команде руководителя делаются разные сложные па.

Музыка и атмосфера были громкими и весёлыми, все скакали до упаду. Борис Васильевич привёз всех своих домочадцев и гостей на это веселие. Ди-Ди с упоением порхала, как бабочка, и я старался от неё не отставать. В её красивых глазах отражалась радость молодости, её заразительный смех раздаётся в моих ушах и сегодня. **Непринуждённость веселия понравилась Борису Васильевичу, особенно понравилась ему наша пара. Лето счастья подошло к концу. Всегда и всему подходит неизбежная концовка. Настала пора возвращаться в университет ненаглядной ДиДи. Наше расставание произошло так же, как оно и началось - быстро и радостно, без упреков. Мы поблагодарили друг друга за лето счастья. Было вынесено обоюдное решение - не продолжать нашу связь, и оставить всё в памяти - на всю жизнь. Так оно и получилось!**

Работа инструктором в студии Коли продолжалась успешно. Моя мечта о завершении образования меня не покидала. В моей жизни неоднократно так случилось, что неожиданно представился случай, позволивший мне это желание исполнить. Один из клиентов, приходивший в студию, пригласил меня в свой еврейский клуб - Harmony Club. Это был лучший бизнес-клуб в Нью-Йорке, в самом дорогом районе города. Мне было предложено работать в их спортивном зале три вечера в неделю за плату, которая превышала мой недельный заработок у Коли.

Конечно, не раздумывая, я согласился начать у них работу инструктором. Надо было дать Коле время найти мне замену. Коля был очень недоволен моим решением и потребовал взамен, за его систему, процент от моего будущего жалования. Я посоветовался с Борисом Васильевичем, который возмутился требованием Коли и, поговорив с ним, освободил меня от этого ярма. Теперь у меня открывался путь к исполнению моей мечты, на учёбу хватало достаточно денег. Я получал деньги за уроки с Кирой, и теперь прибавилось жалование от клуба.

Меня легко приняли в знаменитый Пратт институт, я получил кредит за два года высшего образования в Европе. Выбрал я факультет по внутренней архитектуре, что в будущем оказалось правильным решением.

После пяти лет пребывания в Америке мы приняли подданство. Было забавно, как проходил экзамен на подданство. Отец волновался и усиленно зубрил историю США. Английский язык у него здорово хромал, точнее, он ему вообще не давался. В тот знаменательный день мы вдвоём - отец на костылях и я вошли в кабинет экзаменатора. Мило поздоровавшись, он предложил нам сесть перед его столом. Разговор начался с меня. Меня удивила тема о Достоевском, наша дискуссия продолжалась долго, экзаменатор выражал своё знание и почитание русского гения. По-видимому, отведенное время для нас ушло, и он обращается с одним завершающим вопросом к отцу: «Кто был первым президентом Америки?»

«Джордж Вашингтон бридж», - громко и по-военному отрывисто ответил мой отец!

Через реку Гудзон есть мост по названию «*Джордж Вашингтон-бридж*», по которому мы часто проезжали, таким и запомнился отцу этот мост, таким и получился ответ. Экзаменуемый, знаток великого русского писателя, встал, протянул нам руку и поздравил нас с выдержанным экзаменом. Да, странноватый получился экзамен. Уже выйдя из кабинета, отец радостно сказал: «Ты знаешь, он, наверное, подумал, что я говорю по-английски!». Слава Тебе Господи!!!

Спустя некоторое время на большом стадионе происходила церемония присяги на гражданство. Несколько тысяч новых граждан, подняв правую руку, присягнули и стали полноправными гражданами США. Сам факт этого происшествия на меня особого впечатления не произвёл, но важно было получить американский паспорт, с которым я имел права путешествовать по целому свету.

ГЛАВА 18

Пратт институт.

Начался новый период в моей жизни. В конце концов, у меня появился шанс выбиться в люди. Моей обязанностью было проявить максимум усилий и концентрации на предметах, касающихся моей будущей профессии - это была моя цель. Молодые студенты-американцы могли относиться к занятиям менее серьёзно, чем я, им можно было побеситься. Себе же позволить этого я не имел никакого права. Некоторые академические предметы меня мало интересовали, такие как история, английская литература и поэзия. Я объяснил профессорам о моём желании получить по их предметам минимальную оценку, для перехода дальше, что я их больше беспокоить не буду. Причиной была нужда в работе. Они повозмутились, но в конечном итоге, поняли моё положение и оставили меня в покое.

Полученный в Европе фундамент и талант рисования дали мне большое преимущество, мои работы на выставках опять брали первые места. По окончании университета мне было предложено по вечерам преподавать в том же институте. Таким образом, появилась третья работа.

Вспоминая этот период моей жизни, я поражаюсь, как я успевал всё это делать, притом с удовольствием и успехом. Судьбе было угодно сделать очередной поворот на моём жизненном пути. Институт располагал шикарной библиотекой для своих студентов, куда я часто ходил в поисках ответов по техническим вопросам. Каждый раз, я замечал там интересную японку, она сидела окружённая грудой книг и полностью была занята чтением. Мне это напомнило моего друга японца Фумихико Маки, также с железной волей упорно добивавшегося поставленной себе цели.

НИППОН. Перенесусь теперь в кадетский корпус, мне тогда исполнилось 10 лет. В первом классе у нас был преподаватель географии Семён Николаевич Боголюбов, кадет Хабаровского кадетского корпуса. Нам, малышам, он с большим увлечением и любовью рассказывал о Японии, повысив голос, он торжественно произносил:

«НИППОН - СТРАНА ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА». И дальше шёл его сказ о крестьянине, который сажает в поле рис. Образно, нам была живо представлена картина японской нивы. Под палящими лучами солнца, укрывшись от них круглой широкой соломенной шляпой, бедный крестьянин работает по колено в грязи, с согнутой спиной весь день. Когда солнце заходит, он с трудом разгибает свою спину и идёт домой. Перед домом находится большая бочка, под которой горит огонь. Он скидывает с себя всё грязное одеяние, черпает из бочки горячую воду и смывает с себя грязь. Уже помытый и чистый он сам лезет в бочку, где его уставшее тело расслабляется в горячей воде, и его лицо расплывается в блаженной улыбке.

Наш любимый преподаватель прибавлял к рассказу замечание об особой чистоплотности японцев в их домах. Говорил о преданности своему императору, об их культуре и соблюдении древних традиций. Семён Николаевич с большим огорчением в голосе говорил нам: «Почему в нашем Отечестве всё происходит полностью наоборот»?!

На меня этот рассказ произвёл глубокое впечатление. Я начал читать всё, что смог найти в журналах о Японии. **С тех пор и по сей день, я восхищаюсь японской культурой и народом, соблюдающим глубокое почитание символу Японии – своему Императору.** В один прекрасный день моя одноклассница познакомила меня с японкой из библиотеки. Японка представилась как **Кейко Кобаяши. Это был момент, повлиявший на всю мою будущую жизнь.** Оказалось, что она была лучшей студенткой в своем классе уже целых три года. Теперь я понял причину её сосредоточенного сидения в библиотеке, она сумела доказать и показать американцам свою японскую трудоспособность.

По непонятной причине меня всегда привлекали раскосые глаза, чуткость и восточная женственность. **Появилась идеальная представительница мечты, которая сидела во мне глубоко, где-то там в моём подсознании.** Постепенно интерес друг к другу нарастал, я познакомил Кейко со своими близкими русскими друзьями. **На кадетском годовом балу я познакомил её с моими родителями, братьями и кадетами. Ей было легко понять разницу в культурах и манерах между русскими и американцами, и её предпочтение склонялось в нашу пользу.**

Подходили Рождественские каникулы, мы решили справить Новый Год в горах вдали от городского шума и гама - на природе. С условием не искать компании других, а побыть только самими, и постараться познать друг друга близко.

Как мне помнится, мы лыжами не занимались, а основательно занялись друг другом. Страсти любви захватили нас полностью. Из комнаты курорта мы выходили только за покупкой шампанского и съестного. Мы стали лучше узнавать и понимать свои характеры. Кейко была девушка с сильным характером. Я же был более прямой, местами грубый. Ей казалось, с её Японским чутким воспитанием, что я на неё сержусь. **Объединила нас сильная тяга друг к другу – настоящая крепкая любовь.**

Кейко объяснила японский обычай **Омияй**, где супружество устанавливается не по любви, а по старинной процедуре переговоров между кланами и семьями. Подбор и выбор кандидатов на супружество производится уважаемой персоной - свахой. Это серьёзная селекция, учитывающая многие важные вопросы, где все детали заранее подробно обсуждаются ещё до знакомства молодых.

Как первый шаг, в этой сложной процедуре устраивают парадный ужин, где две стороны (семьи) знакомятся и ведутся приятные беседы, в которых молодые не участвуют. Они, молча, сидят за столом друг напротив друга с опущенными глазами, им не полагается разглядывать возможных суженных - это не прилично.

Как второй шаг, суженный приглашает суженную в театр или кино, где следующий этап знакомства произойдёт без сопровождающих. При этой системе подбора кандидатов, очень серьёзно сравниваются не только молодые, их образование, но и статус родителей в обществе, и их финансовое положение. Если всё вышесказанное подойдёт, то любовь со временем в семье будет процветать.

В таких встречах Кейко участвовала много раз, и каждый раз она прекращала дальнейшие шаги в процедурах Омияй, чем огорчала своего любящего отца.

Она желала выйти замуж по любви. Мы обменивались мнениями на эту тему, моим главным аргументом против смешанного брака было то, что две совершенно разные сильные Русская и Японская культуры, вольются в третью Американскую, не совсем знакомую и понятную для нас обоих. Какой культуре будет принадлежать потомство?

Вторая причина была прагматичной, хотя я успешно оканчивал институт, но не мог с уверенностью предсказать, будет ли у меня работа, чтобы обеспечить наше будущее и полное семейное благополучие.

Нашим народам Японии и России войны принесли много горя, мы в одинаковой степени воспринимали боль наших многострадальных стран. История Америки мало нас интересовала. Будучи из рода самураев, Кейко смогла мне передать смысл вековых традиций, значение религий Шин-то, поклонение предкам, которые становятся Божествами после их смерти. Параллельно этому, практикуется в Японии и Буддизм. Беседы с Кейко стали началом моего более глубокого знакомства с Японским народом. Через представительницу древнего клана воинов – самураев я стал ещё сильнее восторгаться Японией с её традициями, культурой и сугубым патриотизмом.

Под конец, уже проигранной 2-ой мировой войны, весь японский народ готовился дать отпор врагу на своей земле - биться до последней капли крови (по объяснению Кейко). В каждом дворе женщины, молодые и старые тренировались приёмам борьбы с пиками из бамбука, в надежде проколоть американского солдата и самой достойно погибнуть.

Высадку в Японию американцы не сделали, но скинули на неё две атомные бомбы.

Только обращение Императора по радио к народу смогло остановить сопротивление врагу, преданных Ему подданных. Императорским призывом была спасена от уничтожения нация.

Для западного человека Японская психология не совсем понятная, она ему чужая. Но лично мне, всё показалось таким близким, понятным и желательным.

Одно серьёзное обстоятельство останавливало меня. Кейко была из богатой семьи. Её рассказы и просмотры японских фильмов всё сильнее и сильнее завораживали меня. Я ей доказывал, что жизнь изгнанника в чужой стране непростая, непредсказуемая, полная неизбежных разочарований.

Однажды поздним вечером произошёл длинный решающий разговор. Я нашёл в себе разумное и мощное решение попрощаться с Кейко навсегда.

Она снимала комнату на втором этаже и смотрела из окна, махая мне рукой, когда я отъезжал от неё на всегда. Наполненный всякими думами, глубокими мыслями, я объехал вокруг всего полуострова Манхатен и очутился опять на Бруклинском мосту. Сама машина меня везла обратно. Несмотря на то, что прошло более двух часов, Кейко всё это время сидела у окна и ждала меня. Она повторяла: «Я знала, что ты вернешься!»

Тут разум уже перестал действовать, мудрость, логика, оставили нас обоих! Мы понимали сложности в нашем браке, но всепоглощающее чувство любви взяло верх. Традиционный японский подход к вступлению в брак Омией был забыт! Будущее

покажет, какой путь более верный - брак по любви или традиционный японский Омияй. Мои родители были рады нашему решению, но настаивали на крещении Кейко в Православие перед свадьбой. Отец Кейко требовал от неё приехать домой на летние каникулы и только после выносить серьёзное решение. Тут характер дочери проявился, она ответила отцу: «Я уже решила и выйду замуж»!

Бедный отец сделал ещё одну попытку: «Не выходи замуж, приезжайте вдвоём». Она ему ответила: «Я не путешествую с холостяком, мы поженимся и приедем».

Крещение.

По окончании института в торжественной атмосфере я получил диплом в присутствии моих родителей и Кейко. Как-то мы ехали на автомобиле по бойкой улице и заговорили о религии. Кейко говорит мне: «Видишь этот банк, чьё имя красуется на вывеске?» Едем дальше, она опять: «Видишь второй банк, с другим именем?» Так это повторилось несколько раз. Суммировала она так: «Вот сколько банков мы видели с разными именами на вывесках, а у всех сила мощного зелёного доллара одна и та же! Точно так же, сила Единого Бога одна во всех религиях, с разными именами на их храмах». Такой ответ меня поразил! Как это воспримут в Японии? Она ответила: «Толерантность - одно из качеств Японской Культуры».

Надо было спешить с крещением, венчанием, банкетом и подготовкой к поездке в Японию. Подарком отца Кейко было свадебное двухмесячное путешествия по Японии. В синодальной церкви служил владыка Граббе и его сын монах. В кадетском корпусе были два брата, графы Алексей и Дмитрий Граббе. Дима был моим одноклассником, а тёзка по прозвищу Жила на класс старше нас. Я позвонил тёзке-монаху: «Слушай, Жила, помоги!» Всё было сразу понятно. С радостным рвением на нескольких вечерах в синоде подготовили Кейко к переходу в Православие. Мне было сказано купить две длинные белые рубахи без всяких украшений, что оказалось сложнее, чем покупка колец. Обегал я весь Нью-Йорк, пока не нашел две простые длинные рубахи, без украшений.

Борис Васильевич Сергиевский был рад стать крёстным отцом, Анна Ивановна, мать Алочки (свекровь Вали) стала крёстной мамой. Вечером в синодальной церкви перед аналоем стоял большой котёл, наполовину наполненный водой. Совершали обряд владыка Граббе и его сын монах. Присутствовали крёстный отец Борис Васильевич, крёстная мама, мои родители и я. За ширмой моя мама помогала Кейко снять с себя всё и надеть белую рубаху. В течение обряда она стояла в котле по колено в воде. В определённом месте молитвы монах стал черпать воду из котла и поливать ей на голову. Белая рубаха у Кейко полностью промокла и облепила её тело. Со скрещёнными на груди руками, Кейко стояла в котле - почти как голая. Тут подбежала мама с большим полотенцем и закутав им Кейко, повела её за ширму, где она переоделась во вторую белую рубаху. Обряд продолжался уже в сухой рубахе. Тут я понял надобность двух белых рубах.

Венчание: (слева-направо). Борис Васильевич привозит невесту, обряд венчания, Кейко в лимузине

В той же церкви происходило венчание в присутствии многих друзей и кадет. Борис Васильевич, посаженный отец, привёз пышно разодетую во всё белое невесту и подвёл её ко мне. Для меня она была видением красоты. Шесть кадет посменно держали венцы над нашими головами. Владыка обвёл нас вокруг аналая трижды, и мы обменялись кольцами, обещая, вечную любовь и преданность мужа и жены.

После поздравлений все были приглашены на банкет в близко расположенный отель. Банкет удался на славу, были танцы, было пение, был большой торт. **Отец-шутник научил Кейко, что по русскому обычаю, полагается обойти всех сидящих за столами гостей со стаканом в руке, чокнувшись произнести «Иди к чёрту!»**

Послушав отца, она пошла кругом, обходя всех с поклоном и с милейшей улыбкой, посылая каждого «Иди к чёрту»! Всё закружилось и завертелось в угаре от счастья, нам обоим было «море по колено».

Паспорт.

В учреждении, получая американский паспорт в первый раз, я спросил, что ещё нужно для поездки в Японию. Ответ был - ничего! Не сказали, что необходимо получить визу в Японском консульстве, и мы полетели без визы в моём паспорте. На Гавайях была пересадка на японскую авиалинию, где любезно сообщили, что без визы на самолёт не пустят, но обещали нам сообщить отцу Кейко, что мы прилетим другим рейсом. Кейко хотела от них же позвонить отцу и сообщить о проблеме. Но, я доверился авиалинии и отговорил её от телефонного разговора с отцом, у прилавка авиалинии при других пассажирах. Какое же было наше разочарование, когда мы узнали, что японская авиалиния не сообщила ничего, и многочисленные родственники вышли нас встречать на аэродром. Без молодожёнов состоялся банкет, где были произнесены, заранее заготовленные речи, обращённые к двум пустым местам за столом. Я до сих пор не прощу себе ошибку, что отговорил свою супругу от телефонного звонка отцу.

Субботу и воскресенье на Гавайях мы наслаждались благоухающими цветами, свежими фруктами, чудным песком на пляже, синевой моря, тёплыми волнами. Созданный Господом, рай земной вызывал чувство счастья и блаженства. Начало медового месяца было с промахом, но зато проведено в земном раю. В понедельник мы получили визу без всяких проблем.

Уже в самолёте мне вспомнился наш преподаватель Семён Николаевич Боголюбов с его пафосным возгласием: «НИППОН – СТРАНА ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА!» Господин преподаватель, я скоро буду там, и увижу всё, о чём Вы нам с восторгом говорили!

Ханеда.

Самолёт подкатил к зданию аэропорта Ханеда, и пассажиры стали спускаться по лестнице. Перед зданием была большая толпа встречающих, оказалось, что это были родственники. Впереди всех стоял низкого роста господин, в котором я сразу признал отца моей супруги. **Он пошёл нам навстречу, остановился с поклоном, и выпрямившись, громко произнёс на английском: «Добро пожаловать домой, мой сын!» В его улыбающемся лице я не почувствовал холода, в нём была радость встречи с любимой дочкой и с человеком её выбора.**

Когда нас окружили родственники, у меня создалось чувство, что меня встречают с большой радостью и теплом. Как встречали бы, давно потерянного родственника, который вдруг чудом объявился. Всех привезли в большой японской архитектуры ресторан, принадлежащий отцу Кейко. В банкетном зале меня удивили низкие длинные столы с подушками вместо стульев, на которых в чинном, особом порядке рассаживались гости. **Оказалось, что у Кейко было ещё четыре дяди, все бывшие военные. Один из них был генералом, окончившим знаменитую французскую академию Сен-Сир. Нас молодоженов посадили напротив его превосходительства.**

Особенно впечатлял порядок застолья. Когда кто-то вставал с речью и подымал тост, наступала гробовая тишина, все слушали с глубоким почтением. (У нас, к сожалению, такого порядка не встретишь). Японская кулинария - это искусство высшего класса, пища не только вкусная, но и красиво поданная. Японцы наслаждаются свои глаза первоначально, перед вкусовым ощущением. Во время вкушения изысканной японской пищи атмосфера застолья стала более свободной.

Вдруг генерал обратился ко мне по-французски. Было ясно, что он давно его подзабыл, и я смог ему удачно ответить на своём забытом французском. Во время нашего разговора все замолчали и с почтением слушали. Слава Богу, генерал был доволен и перешёл на японский. Мне понравился ещё один обычай пить саке (японская водка из риса), самому себе наливать не положено. Наливают друг другу, что означает почтение и уважение, этот ритуал производится с поклоном и словом *компай*. Если знакомство переходит в дружбу, тогда на столе находится миска с горячей водой, в которой споласкивается одна из рюмок, и новый друг с поклоном подаёт тебе рюмку, а затем наливает в неё саке. Ты с поклоном выпиваешь и в свою очередь повторяешь весь ритуал,

наливая новому другу sake. Таким образом, можно достойно выразить улыбками, поклонами, и sake много уважения, без пустых шумных фраз, пользуясь одной и той же рюмкой много - много раз (рюмка маленькая).

Вторая часть банкета была увеселительной и непринужденной, некоторые гости вставали, исполняли песню или танец, некоторые рассказывали анекдоты. Пели все вместе, отбивая такт ладошами, получалось заразительно и весело. Подошли два молодых японца, с очевидной военной выправкой. Поклонившись генералу, они попросили его разрешения спеть. Ясно, что это была маршевая песня. Я спросил Кейко: «Кто они такие?» Она ответила, что они бывшие кадеты. Оказывается (в переводе Кейко) эта песня была сочинена по историческому факту. Во времена русско-японской войны, наш уважаемый генерал, будучи молодым офицером-артиллеристом, обстреливал Порт Артур из пушки с высоты воздушного шара!

Я встал и попросил свою жену переводить. С поклоном генералу, я попросил его разрешения представиться. Он кивнул головой.

Я отрапортовал ему «Я не американец! Я Алексей Ермаков, кадет Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса, находившегося в Югославии». Было полное молчание при переводе, но когда гости поняли, в чём дело, меня с радостью стали расспрашивать о деталях. Я рассказал им о белом движении, о корпусе, о зарубежных кадетах и пояснил, что СССР - не Россия. Неожиданным, но радостным событием для них оказалось то, что я не американец, а русский кадет, верный белому движению.

Меня попросили запевать «Катюшу» на русском, а они будут её петь на японском. Несмотря на то, что у меня нет слуха, песня удалась, все были в диком восторге. Меня воспринимали с большим достоинством и уважением, именно как русского кадета. Такого глубокого понимания, сочувствия среди американцев я никогда не испытывал.

Всё, чего мне не хватало в Америке, я нашёл в Японии на первом банкете. Я почувствовал всем своим нутром многовековую культуру страны!

Камакура.

Старинный город Камакура расположен на берегу океана, когда-то это была столица. План и архитектуру города бережно сохранили, в нём стоит большое количество древних храмов и построек.

В доме японского стиля жила бабушка моей супруги, туда нас привезли и поселили. **О-обачама** - значит бабушка, приставка **О** обозначает особое почитание. Маленького, совсем миниатюрного роста, она радостно нас приняла. О-обачама стала меня, не стесняясь, осматривать, и осталась довольной осмотром, но нашла, что мои волосы на

голове нуждаются в диете морской травой, которую мне будут подавать за завтраком, каждый день (я тогда начинал лысеть).

Мне всё безумно нравилось. Меня поразила миниатюрная *О-обачама*, которая родила пятерых сыновей, и все они были офицерами. Я полюбил её сразу, ведь своей бабушки мне не пришлось держать в моих объятиях, я поднял на руки *О-обачаму* и понёс её в сад. Этот сад окружали большие бамбуковые деревья, обозначающие границу имения, за ней текла речка, дальше возвышалась гора. Царили тишина, спокойствие, иногда доносилась песня с переливами - это кто-то на горе упражнялся в пении, в ответ ему чирикали птички, вторили цикады.

Из Токио стал наезжать отец и другие родичи. У жены были сестра Хару и младший брат Сатору, заменяла им маму старшая сестра Кейко. Отец развёлся со своей супругой, что редко бывает в Японии.

Когда все были в сборе, я заставлял их заниматься гимнастикой по системе Куновского. Это нравилось отцу (по-японски *Отосама*). Отосама особенно любил стоять на голове, после чего мы резались в пинг-понг. Он полностью расслаблялся и отдыхал от сложных обязанностей в Токио. Меня поражало, когда, лёжа на диване, он пел во всю мощь своего горла, слух у него был не лучше моего, но это его совершенно не смущало.

Охранял дом пёс в будке на цепи, мне было сказано к нему не подходить, потому что он очень злой и может покусать. Я пошёл посмотреть на собаку, это была овчарка немецкой породы. Пёс вылез из будки, стал на меня странно смотреть и усиленно махать хвостом. Я его понял, подошёл к нему и подал команду по-английски: «Сит!» - он сразу сел. Я протянул ему руку и скомандовал «шейк» - он подал лапу.

Ясно было, что пёс тренирован. По команде «лай даун» (ложись) он исполнил команду и лег. Мок, так его звали, стал ко мне ласкаться с очевидной радостью. Оказывается, у собак потрясающая память. Много лет назад американская армия реквизировала в Камакуре большой, японской архитектуры дом на вершине горы. Дом принадлежал отцу Кейко. Там американцы жили несколько лет, а когда они уехали, дом вернули его хозяину. С домом осталась собака, которую перевезли в теперешний дом. Ясно, что Мок был предан своим американцам, своих новых хозяев не терпел и мог их покусать.

С моим появлением Мок, всем на удивление, полностью преобразился. Я его снял с цепи и повёл к речке без поводка, он шёл рядом с моей ногой, счастливо махая хвостом. В речке он дал себя терпеливо мыть с мылом, после купания благодарно лизал мне руки.

Другие сыновья приезжали навестить *О-обачаму* и заодно посмотреть на преобразившегося Мока, понимающего английские команды.

SONY.

Соблюдая японский обычай, мы пошли представляться нашим соседям, жившим рядом. После многих поклонов они пригласили нас в дом в японском стиле. Поняв наш интерес к архитектуре, они показали нам все комнаты и прекрасный сад.

Я не мог не заметить, что в каждой комнате и кухне находился маленький телевизор современного изящного дизайна. **Также подметил и выправку двух молодых хозяев, очевидно, они были военными. Был подан чай, и началась непринуждённая беседа. На мой вопрос о телевизоре я получил интересный ответ. Они оба были морскими офицерами электронщиками, после окончания войны из оставшегося материала они смастерили вот этот прототип.**

Теперь они были готовы создать новую компанию SONY для производства этого телевизора. Им бы было очень кстати, если бы мы смогли вложить деньги в их начинающее дело. К большому сожалению, нам пришлось ответить негативно, объясняя это тем, что я только что окончил университет, а жене остался ещё один год учиться, и денег для инвестирования у нас нет.

Все последующие года мы сохранили дружеские, соседские отношения и с радостью следили за колоссальным успехом господина Морита, создателя SONY, очень сожалая об упущенной возможности удачного инвестирования.

Настало время путешествия по Японии, и на первом месте была поездка в Киото и Нара. Нара в древние времена была столицей, затем столицу перенесли в Киото, а потом Токио заняло их место. Впервые, в поезде «шинкансе», который мчался со скоростью более 200 километров в час. Поразила точность ухода и прихода поезда, можно было проверять свои часы по расписаниям поездов. В самом вагоне всё сверкало чистотой, удобные современные кресла, большие окна позволяли смотреть на мчавшийся мимо ландшафт. Расположились мы с большим комфортом и подумали пойти вагон ресторан заморить червячка, но оказалось, что в этом нет надобности, так как молодые, любезные японки стали обносить пассажиров всякой вкуснятиной.

Город Нара поражал своей планировкой: широкие и прямые бульвары, улицы, парки и многочисленные храмы. Кругом многие здания древней тысячелетней постройки из дерева. В храме Тодай-дзи возвышалась бронзовая статуя Будды колоссальных размеров, этот колосс в 50 метров высоты является одним из самых больших в мире. Храм впечатляет своими размерами, ведь в него помещена гигантская статуя Будды, и другие несколько поменьше. Вся постройка сделана из мощного дерева, в основании одной из колон была проделана дыра, через которую только безгрешные с трудом могли пролезть. В этой дыре я чуть не застрял, но всё-таки удалось пролезть, это значит, что я ещё мало грешил! Вся громада храма отражается в зеркальной воде пруда. В парке вокруг храма разгуливали на свободе олени, целый гурт почти ручных животных, прикармливаемых паломниками. Всё кругом было в полной гармонии - природа, люди и животные.

Мы остановились в старинной гостинице, чья деревянная древняя архитектура поражала: колонны гостиницы, да и вся её структура были возведены тысячу лет назад и до сих пор стоит. Ещё более поразил уход и отношения служащих в гостинице. Японцы говорят: **«Кьяк-сама, Ками-сама де су»!** В переводе это означает - **уважаемый гость является Богом, которому они с благодарностью обслуживают. Такое гостеприимство присуще только японцам.**

Чем и как объяснить суть уникального японского характера? С древних времён Япония охранялась морями, острова не покорялись нашествиям врагов, как это происходило в России и в Китае. Религия Шин-то сыграла большую и уникальную роль. В каждой семье, предки многих поколений становились божествами, что требовало полного почитания и знания вековой родословной.

Свято хранились ценные обычаи и традиции предков, переходившие из рода в род. Каждое последующее поколение трудилось и старалось приумножить то, что было создано до них предками. Это и есть та глубинная ответственность каждого японца перед предками, что и создавало успех уникальной японской культуре.

Предсказуемость поведения японца поражает, мудрость поколений передавалась из рода в род, каждый раз улучшая положение семьи в обществе. Такая вертикаль действовала благотворно на всю страну и на улучшение её благосостояния.

Острова Японии созданы вулканами, и состоят из бесконечных малопроезжих гор, не обладающими в своих недрах особыми богатствами. Только, на 20% ровной земли человек мог обустроить свою жизнь: строить города, сёла, дороги и разрабатывать рисовые поля, соблюдая, при этом полнейшую гармонию с природой.

Город **Киото** - это клад для архитекторов. Нам его показывал господин, представляющий 14-ое поколение «дамие» вельмож, управлявшего городом Киото в те древние времена. Это давало ему право доступа во дворец даже в настоящее время. Он нас повёз в **Катсура** - охотничью виллу императора. Тут нам был показан шедевр японской архитектуры. Почтенный гид водил нас по красивому саду с водопадами, озёрами, и маленькими островками, созданными руками садоводов, но выглядело всё созданным самой природой. Каждый раз, когда мы останавливались застывшим видом, наш гид давал нам время насладиться, потом грациозно кланялся, выражая этим благодарность. Доступ в саму виллу туристам не разрешался, но наш чародей провёл нас внутрь, в комнаты и усадил на подушки - другой мебели там не было. Одна стенка была закрыта рамами «шоджи» (панели из особой бумаги), мы сидели лицом к этой стенке.

Уважаемый гид раздвинул две панели и нам открылся потрясающий вид на сад. С уровня наших глаз, композиция увиденного явилась сплошным совершенством. Затем, чародей попросил нас встать, с этого уровня глаз, композиция была нарушена. Стало ясно, что сад был запланирован с учётом уровня глаз наблюдающего, в сидячем положении. После этого наш кудесник раздвинул уже четыре панели, мы замерли и уже не поднимались,

наслаждаясь новым видом. Когда он раздвинул все панели, открылся такой грандиозный вид, что хотелось пасть ниц перед гармонией природы и человеческих рук. После этого он нам показал то, что японцам не позволено видеть. Мы посмотрели, где купали Императора, купальщикам не было позволено видеть Его голое тело. Процедура купания проводилась в особой рубашке, также показал нам наш чародей комнату, где Император оправлялся по своим природным нуждам. Надо понять, что в те времена Император почитался и воспринимался как Божество, на которое не полагалось подымать глаз.

Демонстрация японской чуткости, познание истории, родословных, гармония и поклонение природе, уточнила для меня направление в моей профессии в будущем. В интерьере виллы я наслаждался простотой дизайна, там не было позолоты, хрустальных люстр и всяких других декоративных выкрутасов. Японская философия **меньше - это больше**, была в полной мере продемонстрирована в Катсура-вилле. Такой философский подход применяется ко многим аспектам человеческой природы в Японии.

Рыбалка.

На окраине Киото течёт река Арашияма. Мы остановились в старинной гостинице, где нам предоставили второй этаж, откуда открывался широкий вид на реку и высокую гору. Когда стемнело, мы увидели уникальный способ рыбной ловли. На носу лодки, на длинном металлическом шесту, в металлической корзинке горел костёр, освещая реку. Рядышком, на борту лодки, сидело более десяти птиц, на горле у каждой было кольцо с подвязанной к нему верёвкой. Плывя вниз по течению, один рыбак орудовал вёслами, а другой, стоя на носу лодки, держал в руках верёвки от каждой птицы. Этот второй рыбак выбивал чечётку палкой о борт лодки и одновременно отпускал одну из птиц, позволяя ей прыгнуть в воду. Птица ловила рыбу, но проглотить её не могла из-за кольца. Рыбак тянул верёвку и вытягивал птицу с рыбой в длинном клюве, которую тут же отбирал у птицы. Это повторялось много раз с каждой из птиц, но обязательно надо было плыть вниз по течению - плыть против течения птицы быстро устают.

После шмыгающих вверх-вниз по реке лодок нам захотелось попариться в баньке. Она у них называется пещерой дракона и сделана из маленького кургана земли. Маленькое пространство с низким потолком, где встать в полный рост невозможно, пол был устлан свежей, приятно пахнущей листвой. На раскаленные камни льётся вода, температура поднимается. Места в пещере только на двоих, получаешь большое удовольствие от потения и расслабления на благоухающей траве. Вениками они не пользуются. После пара захотелось хорошего массажа. Нам сказали, что пришлют двух массажистов в нашу комнату. Я удивился, когда оба массажиста оказались слепыми. Кейко пояснила, что в Японии это ремесло предоставлено только для слепых, они своими чувствительными пальцами лучше орудуют, чем зрячие, и могут себе хорошо зарабатывать на проживание. Мудрый закон, что и говорить – их мудрость поражает на каждом шагу!

Кино.

Одним вечером мы решили пойти в кино - в Йокохаме показывали итальянский фильм «Ла страда». Меня поразила большой зал, заполненный морем черноволосых голов, я

единственный нарушал эту монотонность. Сюжет картины был трагичным и хватал за душу, в особо напряжённых местах звучала мелодия на трубе, повторяющаяся много раз. Как только раздавался звук трубы, кругом публика начинала рыдать. Фильм кончился, свет зажгли, а публика продолжала сидеть и утирать слёзы платками. Странно то, что мужчины не стеснялись своих слёз! Меня это поразило, в моём представлении японец мог совершать харакири со стоическим выражением лица, а тут показ эмоций и рыдания?

В Йокохаме есть кладбище, где можно найти ухоженные могилы русских военнопленных 1905-го года, такое отношение к врагу тоже поразило.

В одном из универмагов Токио на шестом этаже, где расположены разные рестораны, выставки разных искусств, и галереи с картинами, мы заметили маленькое объявление на дверях - там показывался фильм о Чехове. Мы зашли в маленький зал, где уже сидело около 40 зрителей, для нас нашлась пара стульев. До показа фильма профессор сделал доклад на японском языке, слушатели всё записывали. Сам фильм был показан на русском языке с японскими субтитрами. Профессор объяснил важность прислушиваться к интонациям русского языка. После окончания фильма посыпались вопросы к профессору, получилась интересная полемика.

Интерес к русской культуре опять меня поразило. Несколько дней спустя мы прочли в газетах, что будут показаны 50 лучших фильмов СССР. Показ был в большом зале кино, начало назначено на 11 часов утра. Мы пришли на полчаса раньше и очень удивились, что все места уже были заняты. Пришлось сесть в проходе на пол. Снова подтверждение интереса японцев к Русской культуре. Как мне кажется, нам русским следовало бы поучиться у японцев относиться с интересом и уважением к культуре соседа.

Изе.

Два медовых месяца подходили к концу, Отосама сделал всему семейству приятную поездку на этот полуостров, где всем были приготовлены осёдланные лошади. Получилась солидная кавалькада. Отосама оказался капитаном кавалеристом, воевавшим в Китае, по его посадке на лошади это сразу бросалось в глаза.

После спокойной езды, где мы шли шагом по гористой местности с видом на океан. Мы спустились к берегу, где из недр земли били горячие целебные источники. Для японцев пользоваться даром природы является сверх счастьем.

С древних времён около источников строились гостиницы, каждая старалась чем-то отличаться от конкурентов. Создавались разного размера бассейны для мужчин и для женщин. Отделка бассейна играла большую роль, в большинстве случаев старательно воспроизводили саму природу. Среди больших камней, плит и скал обязательно с видом, часто с водопадом, люди наслаждались и благоденствовали в горячей воде. Были бассейны и на открытом воздухе среди больших валунов, ближе к морю. Когда волны разбивались на камнях, брызги холодной морской воды долетали до сидящих по горло в

горячей воде счастливых японцев. Они делались ещё более счастливыми, наливая друг другу и мне горячее саке в рюмки, тут же в бассейне мы пили с приветствием **компай**.

Дорогой Семён Николаевич, я побывал в земном раю, среди чутких и культурных японцев, твой восторженный голос: «НИППОН - СТРАНА ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА!» - звучит в моих ушах. Глубокая благодарность тебе, моему любимому преподавателю, за вложенный в меня интерес к Японии. Вечный тебе покой в селении Праведных!

Два бурных месяца, полных неописуемого счастья, пронеслись как мгновение. Дорогой Отосама (уважаемый отец), «оригато гозаймашта» (особую, глубокую благодарность) за ценнейший подарок в моей жизни, в лице Вашей дочери, и за медовые два месяца, где мёд лился рекой для нас молодожёнов. Самое главное, я познал и полюбил Японию искренно, до глубины души. СТРАНА ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА, где, как в чудесном кладезе, хранятся глубинные истины, вековые традиции, почитается Император как символ нации, передаётся мудрость из поколения в поколение.

Я скорблю всей душой за то, что мы, русские, уничтожили свои корни и стали с 1917 года варварами. Мы позволили чужакам с их мерзкими теориями заменить и уничтожить наше наследие веков. Мы потеряли своё лицо и стали малокультурными – Иванами, не помнящими своего родства. В результате чего мы отбросили нашу страну на сотню лет назад. Мы расплачиваемся за зверское убийство символа нашей нации, Государя Императора Николая II, с Его Царской Семьёй и Его верными слугами.

Горе нам великое, что мы до сих пор не покаялись соборно в своих грехах всей Нацией. Многие продолжают ещё почитать Сталина. На Красной площади стоит мавзолей с Лениным, и бесчисленные памятники убийцам в стене кремля.

Их именами названы города, улицы и площади по всей шири Матушки России. Оправдывать историей это наследие зла никак нельзя, эта ошибка всего народа.

Кругом ИЗМЕНА, ТРУСОСТЬ И ОБМАН составляют глубинное Русское самосознание - слова, произнесённые мучеником Государем Императором Николаем II.

Каждого патриота должно интересовать будущее нашей Великой, Единой и Неделимой России. Это полностью зависит от правильного взращивания молодого поколения, защитников, строителей новой могучей и свободной от олигархов России.

Иначе, нам не избежать повтора майданов, украинских бандеровцев, с их заправилами - олигархами еврейского происхождения. К большому сожалению, такие же проходимцы, воришки и жулики водятся у нас в России, они ещё смогут пойти брат на брата и повторить ужас 17-ого года. Пока, народ мечтает только о деньгах и о водке.

С Божьей помощью многострадальный Русский народ, наученный горьким опытом, в очередной раз постойт за своё Отечество и отстоит его от врагов внутренних - алчных шкурников пятой колонны, и от иностранной напасти масонов и сионистов.

ГЛАВА 19

Творчество.

Не теряя драгоценного времени, моя творческая жизнь должна была начаться и обеспечить наше финансовое существование. В Манхэттене есть бойкая улица, Мэдисон - авеню, где расположены крупнейшие фирмы страны. Проходя мимо одного здания, я увидел на стене скромную гранитную плиту с надписью: **Skidmore, Owings & Merrill architects.**

Это лучшая и сильнейшая фирма во всей Америке, обладающая огромной репутацией в мировом масштабе. Не раздумывая долго, я поднялся на их этаж и, выйдя из лифта, очутился в просторной прихожей, где красивая девушка меня спросила, к кому я пришёл. После моего пояснения она сказала, что мне нужно видеть вице-президента Рой Аллена, и сразу позвонила ему. Он распорядился провести меня к нему.

В его кабинете я коротко рассказал ему о своём образовании и заметил, что после получения диплома я слетал в Японию. Он очень странно с презрением отреагировал: «Вы любите этот бамбук»? Я, немного обиженный за Японию, ответил, что там не всё бамбук. Он, повысив голос, сказал «Не говори мне, что Япония представляет собой». Я извинился, сказав, что причина моего визита - узнать о возможности получить работу, а не вести дискуссию о Японии. Изменив тон, он сказал прийти завтра с своим «портфолио» (с работами из института), для их просмотра.

Завтра мои работы были просмотрены тремя лицами, включая и недружелюбного господина Аллена. Был короткий ответ от всех троих: «Нанимаем». Я даже не спросил, какое жалование буду получать, понимая, что попасть в такую фирму - это престиж и большая удача. Моя мечта сбылась, хорошая работа получена, **благодарю Тебя Господи!**

В этой фирме я проработал 8 лет: 3 года в отделе Нью-Йорка и 5 лет в Сан-Франциско, где создал отдел интерьера, за свои заслуги я получил звание партнера в фирме, что выразилось в огромном повышении моей зарплаты. (Чистые доходы фирмы распределялись между тремя ступенями партнёров в разных процентах).

Это был 1957 год, в Нью-Йорке небоскрёбы росли, как грибы. Наша фирма была завалена большими проектами. Задача архитектора по интерьеру заключалась в коммуникации с клиентом, выработке программы для нового здания, установки направления дизайна. При осмотре старых помещений и кабинетов, высоко стоящих членов фирмы, я узнавал о требованиях президента и каждого начальника отделения, а также всей компании в целом. Создавался желаемый облик нового, уникального здания с интерьером, подходящим вкусу этого клиента. Составлялся детальный бюджет всего проекта.

Наказ КР.

Отец всех кадет - наказывал нам: **«Жить и творить во имя Доблести, Добра и Красоты»**. Новое начало в моей жизни приходит с очередным требованием. Передо мной открылось творческое начало, в котором **Доблесть** не применима, но **Добро и Красота** являются компасом, указывающим чёткое направление. Я вооружился новым девизом **Отца всех кадет**, для служения высоким идеалам в области дизайна.

Два месяца, проведенных в Японии, открыли мне глаза на многие истины и мудрости, установленные там с древних времён: это **полная гармония соотношений между природой и человеком. Также философия - меньше - это больше!**

В современной архитектуре это понятие также применимо. Соотношение человека с пространством, в котором он пребывает, должно быть в гармоничным. Это первичное задание дизайнера, которое вырабатывалось веками в Японии. В течении трёх лет работы в НЙ я подружился с четырьмя японскими архитекторами, которые работали в нашей же фирме. Шоичи Каджима, Масао Шиина, Така се, и Окада. Эта настоящая дружба оказалась очень ценной в будущем.

Каждый из них закончил свое архитектурное образование в лучших университетах Японии и Америки. Теперь они набирались практического опыта и знания в мощнейших фирмах Америки, чтобы привести всё изученное и усвоенное с собой в Японию.

Переезд в Калифорнию.

В 1960 году Кейко окончила институт с большим успехом. Мои родители уже жили в Лос-Анджелесе, они переехали к Сергею помогать ему с растущей семьёй и покупкой дома. Нам захотелось быть ближе к ним, а также быть ближе к Японии. Я обратился к главному партнёру фирмы с просьбой перевести меня в отделение Сан-Франциско. Он ответил, что там департамента по интерьеру у них нет. Я отреагировал, что в таком случае я уйду из фирмы. Он попросил меня подождать, при мне позвонил в С.Ф. и ясно распорядился:

«Алексей переезжает в С.Ф. чтобы открыть у вас департамент по интерьеру». За три года интенсивной работы в этой фирме я смог проявить свой талант, участвуя в больших проектах, среди которых были заказы высококлассных коммерческих предприятий: банков, аэропортов, небоскрёбов разным фирмам. Надо упомянуть Чейз Манхеттен банк на 410 Парк-авеню в Нью-Йорке. Это невысокое здание, расположенное в центре города являлось прототипом интерьера для 60-ти этажного небоскрёба «Чейз Манхеттен банк» - центр, под управлением Давида Рокфеллера. Было много других интересных проектов, но об этом клиенте стоит особо упомянуть. Давид Рокфеллер требовал, чтобы место бизнеса было эффективным, вместе с тем красивым и приятным местом работы.

Рокфеллер выделил на предметы искусства солидный бюджет, его отбор скульпторов, художников и рисовальщиков тяготел к модернизму. Для этой цели все просторы интерьера, вместе с предметами искусства, должны быть в полной гармонии с функцией каждого департамента.

Была заказана огромная скульптура mobile (автор Alexander Calder), которая прекрасно вписалась в пространстве большого зала банка. Художнику абстрактного искусства, Сэму Френсису, заказали расписать стенку длиной в 38 футов в будущей столовой. За одну ночь, а может быть за несколько часов художник завершил своё произведение.

Наутро я пришёл посмотреть на его творчество, также пришли посмотреть на творение и несколько вице-президентов банка. По их презрительному смеху сразу стало ясно, что они негативно восприняли это творение. Мне, откровенно говоря, не совсем понравилось творение Сэма, я ему позвонил и попросил доработать творение, прибавив ещё определённую краску, требуемую для интерьера.

Через день появился сам хозяин Давид Рокфеллер, в сопровождении тех же вице-президентов. Посмотрев на расписанную стенку, он разразился высокой похвалой и благодарностью к художнику. Хозяину понравились композиция, краски и смелость кисти. Конечно, не прекращали восторгаться и вчерашние презрительно критиковавшие вице-президенты (у меня от души отлегло). Для большого 60-ти этажного небоскрёба Давид Рокфеллер установил бюджет в полтора миллионов долларов на приобретение предметов искусства.

Три года работы в лучшей архитектурной фирме страны дали мне колоссальный опыт, я был уважаем своими коллегами, несмотря на акцент и некоторые ошибки в моём английском.

Годы испытания остались позади, открылись новые горизонты, к которым я буду усиленно стремиться. **За свои успехи я благодарю дорогой мне кадетский корпус, в нём выковывались наши характеры. Я благодарен отцу Антонию за его нательный крестик, которым он меня благословил в трагический момент прощания на вокзале Белой-Церкви, и за уроки в искусстве иконописи. Благодарю преподавателя рисования Александрова за назначение меня в кружок художников. Особо благодарю Семёна Николаевича Боголюбова за моё увлечение СТРАНОЙ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА. Вечный вам покой, дорогие, незабвенные офицеры-воспитатели, преподаватели и наставники!**

Новая фаза в нашей жизни начиналась с прощанием в Нью-Йорке: с семьями Вали и Юры, с многими друзьями, особенно было жалко покидать Киру, близкого нам благодетеля Бориса Васильевича Сергиевского. Новая жизнь в Калифорнии манила меня своими новыми возможностями, но самое главное - мы будем рядом с родителями.

Наняв прицепку к нашему автомобилю, мы погрузили в неё всё своё имущество и пустились в длинное путешествие. К этому времени я уже проколесил Америку пять раз вдоль и поперёк, желая познать страну, в которой мне суждено жить. Из всех штатов мне больше всего понравилась Калифорния и в ней именно город Сан-Франциско.

В этот шестой раз, я был полон счастья, сидя за рулём, рядом с любимой женой. Наконец, фортуна мне стала улыбаться – я сумел добиться своими собственными силами полноценного образования и достойного положения в американском обществе. В красивейшем городе Америки я начну думать о потомстве и смогу свить гнездо для семьи. С Кейко у нас был уговор не начинать поднимать семью раньше пяти лет. За эти пять лет мы сможем удостовериться друг в друге, и твёрдо поверить в нашу родительскую ответственность, без всяких перебоев.

Сложный вопрос смешанных браков висит над нами. Кем будут наши дети, к какой культуре потянет их сознательная жизнь? Они родятся в Америке, Кейко не американка, и я не американец. Многое нам не по душе в суровом, эгоистичном, но практичном без всяких сантиментов американском обществе. Кем же будут наши дети?

Любовь к Матушке России, как любимую сказку, я унаследовал от своих родителей. В кадетском корпусе сказка превратилась в суть о дорогом и любимом Отечестве. Япония мне понравилась – это факт, но японца из меня сделать невозможно. Кейко приняла Православие, но полноценной православной русской она не станет, это также важный факт.

Мне очень хотелось верить в возможность увидеть мир лучшим, если чужие культуры перемешались бы, разные нации произвели и воспитали бы новых по самосознанию людей. Тогда не было бы смысла воевать, не стало бы войн вообще!

Какой наивный мечтатель сидел во мне тогда!?

В 1960 году на новом месте в городе Сан-Франциско мне здорово повезло: фирма была завалена большими проектами, вновь созданный мной департамент по интерьеру был крайне необходим. Пришлось нанимать дизайнеров, которые могли точно выполнять задачи в создаваемом современном стиле нашей фирмы. Работало в моём департаменте до 20-ти человек. Творческая работа кипела, свой стиль выработывался с большим энтузиазмом в моём департаменте.

Сан-Франциско - красавец город, в нём дружно живут разные национальности, сохраняя свои культурные ценности. Существуют большие колонии русских, японских, китайских, итальянских и мексиканских жителей города, они нелегко ассимилируются, соблюдают свои уникальные традиции и праздники. Особенно интересными являются кухни разных национальностей в бесчисленных ресторанах города. Надо признать, что над всеми преобладает китайская кухня, она наиболее популярная.

Первым делом по приезду мы купили маленький домик, с небольшим садиком. С банком было легко сговориться о закладной, мой кредит был достаточным благодаря фирме, в которой я работал и получал солидное жалование. Такое вложение денег в недвижимое имущество заставляет регулярно, каждый месяц, выплачивать банку определённую сумму с процентом. Не дай Господи потерять кредит, пропустив месячные платежи банку, в

таком случае банк может забрать имущество без всяких церемоний. В Американском обществе главной задачей является установка солидного **кредита** в банке.

Можно сказать, что жизненный пульс в Калифорнии более спокойный, чем в Нью-Йорке, люди приветливей, сама природа улыбается. На работе в хорошей счастливой атмосфере время летит быстро, команду в моём департаменте я подобрал хорошую. Опишу одну из больших и важных работ, в городе Хьюстон, Текса-с.

Клиентом стала мощная фирма - Tennessee gas pipeline Co. Пришлось к ним часто летать, знакомиться с клиентом, устанавливать программу проекта. Климат там ужасный. Выйдя из самолёта, сразу попадаешь в настоящую баню с высокой влажностью. Насколько климат неприятен, настолько люди там особо гостеприимные и милые, с ними было легко сотрудничать.

Вспоминаю очень важный день презентации проекта господину Гарднеру Саймонс - хозяину компании, и его 50-ти Вице Президентам. Для этой цели была сделана модель 30-го этажа (executive floor), где наглядно можно было рассмотреть план и интерьер в трёх измерениях. Мне пришлось с моделью ехать поездам, потому что на самолёте места для модели не оказалось. На презентацию прилетели наши, начальник м-р Нат Овингс и в.п. Волеи Коста. Мы прибыли в Хьюстон за день до презентации, и я занялся установлением модели, в комнате рядом с большим конференс залом. М-р Нат Овингс в сопровождении с в.п.Ед Кокран (представителя клиента) пришли посмотреть на мою работу. Не будучи знаком с программой, наш начальник стал делать поправки в модели. Получилась не ловкая ситуация – я понимал, что с начальством спорить нельзя. Улучив удачный момент, я попросил Еда Кокрана пригласить моего начальника на ужин с устрицами. Тот понял меня и они ушли. Я продолжал успешно своё дело без указок. Когда они вернулись, указок больше не делалось - м-р Нат Овингс был в хорошем настроении, по словам Еда Кокрана, он с удовольствием съел 80 устриц и немного подвыпил.

На следующий день, в большом зале за конференс столом сидело 50 вице президентов в ожидании своего начальника. Три представителя нашей Фирмы были готовы к презентации. Для ориентации на доске был повешен чертёж план 30-го этажа. С большим запозданием влетает в зал хозяин м-р Саймонс, он уселся на своё место, и уставился на чертёж. Он не дал возможность в.п. Коста сказать пару приветственных слов к собранию, и объяснить им план на доске.

Совершенно неожиданно м-р Саймонс громко заявил, что план ему не нравится, что они так не работают! Всё это было сказано с большой эмоцией и довольно грубо, зал затих! Тут пошла психологическая контратака от нашего шефа, м-р Овингс разразился грубо матом, требуя от клиента объяснения – что именно ему не подошло?

Выяснилось, что Анди (чёрный повар) работает совсем по-другому в теперешней столовой компании. Оказывается, они торгуют с Африкой, и им приходится принимать у себя своих чернокожих партнёров. Так как расовая проблема в городе существует, и ни один

приличный клуб в городе Хьюстон чёрных гостей у себя не примет. Хорошую столовую с кухней важно спроектировать для м-р Саймонса, где он будет принимать гостей из Африки.

Что бы разрядить атмосферу, я пригласил всех в комнату с моделью. Там произошла полная трансформация не довольного клиента, ему всё понравилось, он разобрался во всех деталях и дал свое одобрение проекту, включая и столовую, в которой Анди (чёрный повар) будет царить.

Небоскрёб был построен на редкость быстро и удачно. Для этого интерьера была создана новая система мебели, чертежи были даны нескольким конкурирующим фабрикантам, для их оценки. Цены оказались ниже отведенных сумм в бюджете, и ниже высоких рыночных цен на мебель. Таким образом, получилась большая экономия. По окончании проекта фабрикант попросил дать ему права на патент, производство этой мебели для рынка, предлагая процент от продаж. Наше начальство отказалось от всяких процентов, считая, что фирма уже получила оплату за работу по проекту, включая и интерьер. Если клиент заинтересуется получать доход с мебели, это их дело.

Я обратился к клиенту, они были рады, что мебель появится на рынке, и они смогут покупать её в любых количествах. В процентах от продаж они не были заинтересованы.

Я позвонил президенту мебельной фирмы и дал ему разрешение производить мебель без всяких платежей нам или нашему клиенту. Этот стиль был назван: «Tranzition », и служил мостом между классикой и модерном. На рынке мебель пользовалась большим спросом. В награду за проект в Техасе я получил положение партнёра в фирме.

Следующий интересный проект наметился в Сиднее, Австралия. Нашей фирме был заказан отель мирового высокого стандарта. Это должна была быть гостиница в 580 комнат, 8 разных баров, 3 ресторана, несколько этажей с магазинами и с другими достопримечательностями, большой банкет зал с многими функциями. Особые номера, где будет останавливаться Английская королева.

Ответственным за этот проект был комитет, состоящий из бывших пилотов авиалинии «Кванта-с». После длиннейшего перелёта наша первая презентация концепций и набросков происходила в Сиднее. Комитету не понравилась презентация, главной критикой было указано, что в дизайне не было ничего Австралийского.

На следующее утро, когда я сидел в ресторане за завтраком, ко мне подсел один из членов комитета. Он спросил меня, почему я такой угрюмый. Я ответил, что вчера мой дизайн не был принят по причине, что в нём не хватало австралийского характера. Моя проблема заключалась в том, что я не знаком с Австралией.

Он мне ответил: «Возьми мой маленький аэроплан, полетай по стране и познакомься с Австралией». Когда я ему указал, что лицензии пилота у меня нет, он поманил своего входящего в ресторан друга, и рассказал ему о моей проблеме. Тот ответил, что

сложностей не будет, после завтрака он всё устроит. Действительно, получилось так, как он сказал. Оказалось, что он был начальником местных авиалиний, и мы в течение часа выработали маршрут для знакомства с Австралией.

Через несколько часов я был уже в воздухе. Первой была остановка в городе Брисбане. У лестницы аэроплана, меня ожидал автомобиль, который целый час возил меня по городу, и доставил обратно к самолету, для дальнейшего полёта. В течение часа моя камера ни разу не щёлкнула! Это был серенький город, воодушевиться там было нечем. Самолёт взлетел. Дальше стало интересней, приземлились мы в Маунт-Айза, где находятся несметные богатства Австралии. Четыре важнейшие руды были найдены на поверхности земли, включая и урановую. Всё виденное там напоминало мне кадры из старых фильмов о золотой лихорадке на диком западе в Калифорнии.

Далее, на автомобиле меня повезли показывать ферму - там её называют «Station». Кругом распространялась сплошная бесконечная пустыня, покрытая розовато-красного цвета землёй, на которой растёт чахлый кустарник. Дорога проложена прямо в земле, за машиной вьётся в воздухе густая пыль.

Наконец подъезжаем к поселению, состоящему из примитивно построенных деревянных хибарок. Приблизились к главному дому, на крыльцо встречать нас выходит разодетая и хорошо ухоженная дама, всем своим видом представляя полный контраст окружающему. Она нас любезно пригласила внутрь. В одной из комнат был накрыт стол, в другой комнате двое сыновей занимались школьными уроками - занятия происходили по радио. Оказывается, ферма расстилается 500 миль в одну сторону и 500 в другую. Единственный способ обучения был по радио.

Через час подъехал супруг дамы, малоразговорчивый, уставший. Не помыв рук, он сразу сел за стол. Засаленную шляпу с большими полями он не снял, весь запыленный, вернее грязный, он молча занялся едой. Ели мы суп из хвоста кенгуру, было вкусно. Хозяйка жаловалась на аборигенов-рабочих, объясняя их странное поведение. Они могут работать, но среди работы, не говоря никому ни слова, могут просто бросить лопату и уйти в пустыню и там странствовать продолжительное время, это у них называется «walk about». Может пройти год или два, и они появляются вновь, не говоря никому ни слова, возьмутся за лопату и возобновят работу.

После обеда хозяин пригласил нас посмотреть «ground-up» - опять длинная, пыльная дорога. Вдали виделась маленькая чёрная точка. Когда подъехали, это оказался автомобиль с поднятым капотом. У водителя не было какой-то запасной части, поэтому мотор не заводился. Наш хозяин, не обменявшись ни словом с водителем машины, достал у себя недостающую часть и вдвоём, пальцами, без инструментов, они починили мотор. Машина сразу завелась. Не поблагодарив, и не заплатив за оказанную помощь, молчаливые австралийцы разъехались. Станный народ!

Подъехали к месту, где за заборами были согнаны многие сотни скота. Работа ковбоев исполнялась аборигенами, их задача была распределить скот на разные группировки. Наездники они были хорошие и кидали лассо умело. Хватали молодого бычка, валили его на землю, завязывали ноги. Одновременно отрезали рога, кастрировали и выжигали на боку пометку раскаленным железом. Всё это происходило молниеносно. После такой операции бедный бычок приходил в себя не сразу.

Проданный скот увозили на больших грузовиках по пыльным дорогам. От пыли животные задыхались, мёртвых просто скидывали с грузовиков и бросали у обочин дорог. Теперь мне стала ясной причина, почему вдоль дорог было видно такое количество скелетов.

На следующем этапе путешествие изменилось в лучшую сторону - на четырёхместном аэроплане меня приземлили под вечер на остров Lindeman Island. Встретил меня однорукий хозяин острова, он извинился, что кухня уже закрыта, и он не сможет меня накормить. Но если я голодный, то могу насытиться устрицами. Он повёл меня по острову, утопающему в тропических растениях и цветах. Привёл меня к серии маленьких домиков, расположенных прямо на шикарном пляже, указал мне мой домик и попросил там расположиться. Сам он пойдёт за инструментом, с которым мне будет удобно орудовать с устрицами. Это оказался железный маленький совочек с зазубренными краями и крепкой деревянной ручкой. В конце пляжа он указал на большой камень-скалу в воде, и сказал: «Там множество вкуснейших устриц, которые надо отколоть от камня, раскрыть, всполоснув в морской солёной воде и потом проглотить».

За всю мою долгую жизнь я нигде не наслаждался устрицами так и в таком количестве, как у этого камня. Стоя по пояс в воде, я орудовал этим инструментом до позднего часа, любясь неопишуемой красотой заката. Начинало темнеть, туристов на пляже не было видно. Поплавав до усталости, я пошел в свою кабинку для заслуженного отдыха. С наслаждением, растянувшись на кровати я был готов к приятным сновидениям, но не тут-то было. Из соседнего домика доносился сильнейший богатырский храп, под который заснуть было невозможно. Рано утром я уже плавал, посматривая на соседний домик, мне было просто интересно увидеть богатыря, мощно храпящего всю ночь. Моему удивлению не было конца, когда из домика вышли две старушки, и поддерживая друг дружку зашагали по направлению к ресторану.

К этому острову регулярно подплывал маленький пароход и набирал желающих посмотреть знаменитые коралловые рифы. Набралось более 50-ти желающих. Погода была изумительно хорошей, сияло солнце, голубое небо отражалось в спокойной воде. После нескольких часов спокойного плавания пароход пришвартовался к рифам, на которые можно было сойти. Нас предупредили, что надо быть осторожным, не наступить на раскрытую ракушку большого размера - она может закрыться и защемить ногу, доставив этим много неприятностей. В широкополых соломенных шляпах мы бродили по рифу, иногда по колено в прозрачной воде, наслаждаясь красотой разнообразных кораллов, рыбьим царством и всевозможными невиданными морскими растениями. Эта часть

Австралии произвела на меня незабываемое впечатление красками кораллов, рыбок и прозрачностью воды! (появилась тема для одного из баров).

Постепенно раскрывалась магия страны – со своими природными богатствами и разнообразными климатическими условиями. Во мне начинала зарождаться новая идея дизайна для отеля. Один берег материка был назван “Gold Coast”, может быть из-за золотистого цвета песка, покрывающего бесконечные пляжи, или из-за золотого богатства приносимого туризмом. Моим следующим наслаждением был зимний спорт. В высоких, покрытых снегом неопишуемой красоты горах, с прекрасными и длинными спусками, делали это место мечтой любого класса лыжника. Лыжи и всё нужное я смог взять напрокат в магазине. Я стал чувствовать себя как пакет особых поручений, который передавали по назначению. Начиная с больших аэропланов и городов, я стал летать на маленьких самолётах, доставлявших почту в отдалённые места громадной страны.

Полёты длились часами, внизу, в пустыне ничего живого не было видно, кроме розово-красных дюн с хилым кустарником. Вдруг, пилот пошёл круто на посадку, и умело приземлился прямо на песок. Подъезжает джип, в который пилот кидает кожаный мешок с почтой. Ни пилот, ни шофёр джипа не обменялись ни единым словом. Оба развернулись и продолжили свою работу. С высоты я старался увидеть поселение, куда уехал джип, но кроме безводной пустыни ничего не увидел.

Прилетаем мы в городок Allis Springs, расположенный в самом центре Австралии. Тут всё выглядело как в голливудских студиях, не только постройки, но и сами люди походили на персонажи из фильмов дикого запада. Мне сильно повезло попасть на какой-то праздник, на который съехалась издали масса народу, пиво лилось рекой.

Моя цель была познать характер и обычаи народа, поэтому я старался заводить с ними разговор, к сожалению, без большого успеха. Говорить о лошадях мы могли, эта тема интересовала, разговоры же о женщинах или искусстве не получались.

Интересно, что каждый заказывал пиво для всех остальных в данной группе, никто не уходил, не заказав свой “round” пива, это строго соблюдалось. Если группа была большой, то приходилось пить десятки стаканов (среднего размера) мощного до 16% пива. В пивной стало заметным движение публики, входили в одну дверь и выходили в другую. Подключившись к движению, я попал в просторную комнату, где одна стена во всю длину и сверху донизу была сделана из бетона, по которой лилась водопадом вода в желобок, и публика, стоя плечом к плечу, освобождалась от пива прямо в водопад. Немного примитивно, но подход был прямой и весьма отвечающий природным потребностям любителей пива. На вопрос, каким в таких заведениях было устройство для дам? В этих пивных дам не бывает, им там не полагается быть! Таким странным был ответ.

Это следовало запомнить, для консультации с комитетом нового отеля. Напомню, что я находился в самом центре Австралии. Дальше меня повезли по дикой пустыне к почитаемому аборигенами святому месту Улуру, (австралийцы называют его Ayers Rock).

Ещё издали виделся розовато-красный монолит, чем ближе мы к нему подъезжали, тем он становился всё больше и больше размером. Моя камера бешено заработала. Всё кругом отличалось особым сочетанием красок, розового оттенка песка, красного монолита, растений пустыни, и над всем этим была яркая синева в безоблачного неба.

Размеры монолита составляли 3.5 километра длину и 348 метров в высоту (2.5 x 1.14 мили). В доисторические времена эта равнина была под морем, волны подмывали монолит и образовали разной высоты своды полу-пещер вокруг Улуру.

Подъехали мы совсем близко к этому чуду природы, кругом ни души, полная тишина. Вдруг, как из-под земли, появился старик-абориген, он стал нам показывать и объяснять многие священные для них узоры на стенах пещер, расписанных разными красками в примитивно абстрактном стиле. Свою историю они передают из поколения в поколение путём вокальных сказаний и с помощью этих оригинальных рисунков на стенах. В одной пещере меня поразили расписанные необычайной коричневой краской стены.

Оказалось, что на этом месте делают обряды обрезания подросткам. Это древний серьёзный обычай семьи (банды). После длинных переходов по пустыне они приходят к этому священному для них месту. Они знают, где найти воду, умеют охотиться, находить всякие корни для питания, и вообще привычны к выживанию в пустыне.

Когда подростку подошло время обрезания, они приводят его в эту пещеру и там производят операцию - кровью многих подростков расписаны стены пещеры. После болезненной церемонии беднягу выгоняют из своей банды. Он должен уйти из банды и выживать самостоятельно в пустыне. Этим испытанием он доказывает своё мужество.

Повстречав чужую банду, он прибивается к ним и служит у них рабом. В его жизни это есть то самое большое испытание, похожее на собачью покорность, которую он приобретает, выживая в чужой банде. Если ему повезёт, в этой банде он сможет найти себе суженную. После нескольких тяжёлых лет испытания он возвращается в свою родную банду, где его принимают с почётом и признают испытанным и полноценным мужчиной.

Да, это суровая школа, которая учит подростка с ранних лет выживать одному в суровейших условиях. Можно удивляться мудрости и строгости этой древней традиции в примитивной культуре. Надо признать, что лучшей школы выживания, чем в пустыне, не придумать.

Как я уже сказал, моя камера не переставала щёлкать, регистрируя всё виденное. Этот уникальный монолит в центре Австралии ошеломляет своей историей и красотой природы. Солнечное освещение уникально меняет окраску монолита каждый час. Древнее пещерное искусство аборигенов, вместе с красотой природы должно привлечь серьёзных туристов со всего мира.

Здесь родилась у меня идея темы для одного из ресторанов будущего отеля: AYERS ROCK GRILL - весь интерьер должен отражать это чудо природы в самом центре Австралии. Без всяких сомнений, для будущего туризма необходимо создать комфорт дорог, гостиниц, и маленький аэродром. Но все постройки должны быть законом отдалены на солидную дистанцию, откуда можно будет любоваться умопомрачительными восходами и закатами солнца, играющими своими лучами на монолите.

Единственная просьба к австралийцам – не осквернять из-за коммерческих выгод монумент и не прикасаться к природе, окружающей Улуру.

Побывал я и в красивой Тасмании, городе Хобарде. Посмотрел на руины темниц Порт-Артура, куда ссылали преступников из Англии. Это интересная история, о которой австралийцы неохотно говорят. Столица страны Канберра меня удивила историческим музеем, где показаны модели баталлий, в которых подвизались войска Австралии, что доказывает патриотические чувства австралийцев.

В городе Аделаиде на аэродроме произошёл очень приятный сюрприз. Ещё в Германии, на архитектурном факультете, у меня был друг Жора Моисеев, который эмигрировал в Австралию. Я старался его найти в Сиднее, но никто о нём вообще ничего не знал. Тут я сошёл с самолёта и направлялся к деревянным дверям вокзала. Я стал тянуть двери на себя, но кто-то с другой стороны их тянул также на себя, получилось состязание – кто сильнее. Я глазам своим не поверил – это был Жора! У нас было мало времени для длинного разговора, так как он вылетал на том же самолёте в другой конец континента, я же оставался на несколько дней в его городе, где он работал архитектором. Он мне дал нужную информацию для встречи с его семьёй, живущей в Аделаиде.

Жора был женат на австралийке, которая родила ему много здоровых казачат. Отец его жил с ними, которого я знал ещё по Мюнхену, где он был атаманом у казаков. Самым замечательным в этом утопающем в зелени городе оказалось винное производство, где делались лучшие вина Австралии. Хозяин винного завода Seppelt показал мне своё производство и поразил меня дегустацией многих сортов вин на шикарно накрытом столе с закусками, в погребе, уставленном рядами огромных бочек с вином.

Это неожиданное путешествие помогло мне познать и понять, что такое Австралия. Если бы, я не был так хорошо устроен в красивом Сан-Франциско, то, недолго раздумывая, переселился бы в Австралию - страну колоссальных возможностей. Я набрался много идей для нового подхода к дизайну отеля, в этом смысле поездка себя полностью оправдала.

Следующие презентации проекта были приняты комитетом с энтузиазмом. Кроме этого путешествия, мне устроили полёты в Лондон для осмотра отеля «Дорчестер», который нравился главе компании Quanta's, а также я слетал в Рим для знакомства с «Кавальери Хилтон» современным отелем.

Главной темой моего дизайна стал сам Австралийский континент, с его уникальными климатическими условиями, твёрдым характером самих австралийцев и их обычаями, а также с разнообразием ископаемых богатств - гранита, мрамора, добычей особого красного очень твёрдого дерева, из которого можно сделать мебель для всех комнат. Все эти строительные австралийские материалы создадут желаемый австралийский характер интерьера в отеле. Сюжетами для ресторанов и разных баров послужат виденные мной красивые места, которые будут привлекать туристов в разные концы Австралии.

В течение всего проекта я слетал в Австралию шесть раз. Когда моя работа кончилась, члены комитета просили меня переселиться к ним в Австралию. Мой ответ был негативным. Они спросили меня, почему так? Я ответил, что я наполовину японец, а их эмиграционный закон впускает в страну только белых, поэтому я не подлежу переселению. Они поразились тем, что я не похож на японца. Моим пояснением было, что мои дети, будут наполовину японцами, могут столкнуться в школах с расовой проблемой среди белых детей. Они стали меня успокаивать, что в моём случае ничего такого не случится. Действительно, этот закон впоследствии был изменён.

В самом Сан-Франциско расположены районы многих национальностей, что делает город очень интересным в смысле спокойного сожительства разных культур. Сан-Франциско расположился на семи холмах, окруженных океаном и огромным заливом. Климат прекрасный, не бывает невыносимой жары и не выпадает снег. Во всей Америке не найти более живописного и красивого города. Моим родителям город понравился, здесь обустроилась большая русская колония, среди которой они нашли много друзей. Русские построили 12 православных храмов, школ и разных русских организаций.

Маленький двухэтажный домик мы отдали родителям, он им очень подошёл с хорошим садиком, даже был вид на океан. На нижнем этаже мать устроила швейную мастерскую.

Родители работают у себя в садике

Мы с Кейко занялись приобретением недвижимого имущества. Первым купили шести квартирный дом в викторианском стиле, он был построен до знаменитого землетрясения с пожаром, и был добротно построен из красного дерева, которое не поддаётся червячку. Кейко и я нашли особую красоту в этом античном архитектурном шедевре. Мы вселились в квартиру, с высокими (14 футов) расписанными потолками. С большим до потолка зеркалом в золотой раме, которое напоминало алтарь. Конечно, требовалась переделка кухонь, водопровода и электропровода для модернизации кухонной части квартир. Но, ни в коем случае нельзя было терять первоначального оригинального стиля с прекрасными деталями. Началась и удачно закончилась переделка здания. Слава Богу, квартиры были сданы за хорошую плату.

Кейко и я облюбовали один красивый район, по названию «Seacliff», но там никто не продавал дома. И вот чудо опять: мы проезжаем по этой улице, где нам не было суждено жить, и перед домом стоит агент по продаже домов, еврейского происхождения. Кейко правила машиной, поравнявшись с агентом, я чихнул, получилось неудобно, как будто я от него отвернулся. Машина проехала это место, я настоял, чтобы Кейко развернулась и подъехала к агенту. Он указывает на дом и говорит, что ждёт клиента для показа дома. Подъехал клиент, такого же происхождения, осмотрел дом и уехал. Мы всё это время ждали своей очереди посмотреть дом, но агент заартачился, говоря, что он назначил только один осмотр дома. По всей вероятностью там был сговор с его клиентом. В это время хозяева выезжали из гаража, и нам разрешили осмотреть дом без агента.

Кейко и я одновременно сразу поняли, что именно в этом 4-х этажном доме будут расти наши дети и, что для этой цели Господь нас привел сюда - свить своё гнездо именно здесь. Испанский стиль дома нам очень понравился. Надо действовать быстро и решительно, иначе агент со своим клиентом смогут приобрести этот дом, с потрясающим видом на залив и на «Золотой мост». Желанный дом был нами приобретён. Позже в нём росли наши дети – сын Григорий и дочь Юлия. Высшего счастья вообразить себе было невозможно!

У Кейко первенец Григорий, рядом дедушка и бабушка и прислуга.

После пяти лет работы в фирме Skidmore, Owings and Merrill architects, в Сан-Франциско, я решил пуститься в свободное плавание. Пошли года чрезвычайных успехов, с которыми мне хотелось поделиться с читателем, но также произошло большое несчастье, покалечившее мою душу навсегда.

После 28-ми лет супружеской счастливой и интересной жизни у нас начались проблемы, которые закончились разводом. Оказалось, что я первоначально был прав – что смешанные браки обречены на провал. Дети улетели с мамой в Японию!

Оставшись одиноким, без семьи, я потерял смысл и главный стержень жизни.

Но, у меня осталась своя кадетская семья, в которой я нашёл новый смысл жизни. На 12-ом Съезде был создан Центр Кадетской Связи, для установления контактов с суворовцами и нахимовцами. Это было сделано в ответ на послание полковника Евгения Павловича Исакова. Я был избран председателем Центра, и тут началась новая жизнь, полная глубокого патриотического смысла для меня – **возрождение кадетской СИСТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ в РОССИИ.**

В первой части книги **«ПОМНИТЕ, ЧЬЁ ИМЯ НОСИТЕ»**, я коснулся кадетской темы широко, даже написал открытое письмо Президенту России В.В.Путину (на которое ответа не последовало). Я составил детальное описание сложностей работы по воспитанию русской военной молодёжи. Много было сделано с достойными патриотами России, но над многим ещё предстоит очень и очень потрудиться.

К большому сожалению, зарубежные кадеты в этом святом деле уже больше участвовать не смогут, ибо большинство уже отошло в лучший мир. Исключением является мой брат Сергей, он мечтает жить ещё долго - за сто лет. Со здоровьем у него всё в порядке! На всех последних кадетских Съездах он с гордостью выносил знамя перед строем.

Сергей с корпусным
знаменем

Похвастаться своим здоровьем я не могу, к моим 89-ти годам на меня свалились серьёзные заболевания. Мой мозг забастовал, я стал всё забывать (Альцгеймер), в придачу ещё оказался диабет, руки начали трястись. Кроме того, я выдержал четыре операции: два бедра заменили, два раза резали спину, но боли не прекратились. Править машиной стало опасно, я превратился в старый драндулет. Ходить без коляски и палочки стало сложно, и одолевает сильная слабость. Я полностью выбыл из СТРОЯ !!!

На моё счастье ко мне переехал жить из Японии мой сын Григорий. Теперь он ухаживает за мной, и мне стало легче справляться с моими недугами. Мы приобрели собачку Лори.

Послесловие

Дорогой читатель, прошу простить меня за незаконченную повесть о моей сложной жизни в изгнании и важнейшей работе на кадетской ниве в самом Отечестве. Моя трагедия в том, что в моей голове теперь некоторая пустота, и мне трудно находить мысли для описания событий прошлого, настоящего и будущего! У меня не хватает сил бороться с болезнями. Если моя книга дойдёт до интересующихся читателей, буду вечно благодарен своей кадетской семье в России, для которой она и создавалась.

Название книги **«ПОМНИТЕ, ЧЬЁ ИМЯ НОСИТЕ»** этот девиз зарубежные кадеты свято хранили, и был он начертан у входа на главную лестницу нашего здания в Сербии.

Многие кадеты и суворовцы поняли и одобрили замысел этой книги. Кадет-суворовец Анатолий Переверзев проявил инициативу для её издания. Книга появилась, большое спасибо тебе Толя! Но формат и тираж её оказались маленькими – мелкий шрифт делает чтение затруднительным, а фотографии получились не совсем удачными. Поэтому я собрался с последними силами и решился сделать нужные поправки для рассылки книги электронным способом по суворовским/нахимовским училищам, кадетским корпусам, и пансионам, для прочтения в размерах меньшими или большими, по желанию читателя.

Есть в России много патриотов-единомышленников, талантливых, знающих, творческих людей, преданных идее воспитания молодёжи в кадетских корпусах. Они уже создали прекрасные книги, среди которых особенно важными являются работы суворовца полковника Е.П. Исакова. Есть и много других писателей по кадетской тематике – в их планах и дальше творить на тему воспитания русской молодёжи.

Впечатляют фильмы – шедевры, созданные на эту же тему Александрой Русаковой. Нельзя не отметить среди суворовцев генерала Александра Владимировича, который ведёт работу по организации кадетского движения. Полковник Юрий Лавринец много работает и жертвует кадетскому делу. Анатолий Лаврухин трудится над сайтом Объединения.

Если говорить о Питере, можно сказать много добрых слов о Васе Левченко, создателе Энциклопедии кадетского воспитания и образования, а также о Володе Проскурнине, талантливом организаторе кадетских концертов и составителе кадетских песен и его неустанной работе в Центре Кадетской Связи. Всё это же можно сказать о дорогой Нине Рождественской и о её нескончаемом труде по кадетским делам и издательству патриотических книг.

Благодарю мою кадетскую семью в Отечестве – её директоров, офицеров-воспитателей, преподавателей, и всех служащих, возрастающих мощных патриотов Родины – **кадет**.

ДА БЛАГОСЛОВИТ ГОСПОДЬ ВСЕХ – ЗА ИХ ТРУДЫ В ЭТОМ СВЯТОМ ДЕЛЕ !!!

В моих молитвах я прошу Господа, чтобы народ русский образумился – бывшие белые, и красные соборно покалялись бы во всех своих прегрешениях. Братоубийственная война давно закончилась, пора находить желанное духовное состояние в примирении. Особо прошу всенародно покаяться за убийство помазанника Божия Императора Николая II с Его Августейшей Семьёй и верными слугами.

**Да помилует нас грешных милосердный Господь Бог,
да простит нам тяжкие согрешения!**

И ещё прошу Господа избавить нас от ужасов возможной Третьей мировой войны, особенно с применением атомного оружия. Страшно подумать, что такое может случиться с нами. Сколько невинного народа может погибнуть, и сколько стран, городов и сёл могут исчезнуть с лица земли! Будем надеяться, что этого не случится, что президенты Трамп и Путин найдут общий язык, и мировые страсти утихомятятся.

НА ВСЁ ВОЛЯ ГОСПОДА!

Вот о своей судьбе и судьбе семьи Ермаковых в изгнании я постарался поведать, не как учёный или историк, а как простой русский кадет, на простом русском языке. Поэтому прошу меня извинить за пробелы и недочёты, за мои личные, упрощённые, но всегда честные рассуждения и мысли. В повести я описывал важные детали, стараясь черпать из них нужные истины для размышления, будущим молодым поколениям России.

Примером для молодого поколения могут быть наши герои офицеры-воспитатели, преподаватели и служащие корпуса, которым пришлось завершить свой жизненный путь под пулями злейшего врага. Они были расстреляны по приказу СМЕРШ в 1944 году на «скотском кладбище» в Сербском городе Белая Церковь.

В их честь на месте расстрела воздвигнут памятник-гольгофа, созданный на средства, собранные суворовцами/нахимовцами и кадетами России и зарубежья. Архитектором был я, устанавливал его суворовец полковник Николай Сычёв с Володей Капельяновым, проживающим в Белой Церкви, Сербия.

Выражаю глубокую благодарность всем кадетам и суворовцам, собравшимся из дальних стран на это историческое событие в Белую Церковь, чтобы принять участие в освящении памятника банатским владыкой Никанором и в совместном служении русских и сербских священников.

По окончании службы кадет Костя Волошинов выступил с речью, он с достоинством доложил собравшимся, что его отец был расстрелян на этом месте среди остальных мучеников. Костя мечтал о памятнике отцу, и это совершилось. Костя поблагодарил всех, кто принял участие в создании памятника. Возвратившись домой в Америку, Костя смертельно заболел. По телефону мы часто переговаривались, чувствовалось, что Костя страдает и слабеет. Он повторял «Да будет воля Господа! Памятник установлен – теперь можно уходить в лучший мир». Кости не стало – телефон молчит. Дорогой Костя, желаю тебе вечного упокоения в Царствии Небесном. Пожалуйста, найди там место и для меня!

КАДЕТСКАЯ ГОЛГОФА в БЕЛОЙ ЦЕРКВИ, СЕРБИЯ.

Хочу закончить свой труд стихами, посвящёнными их светлой памяти. Это стихотворение написано мной к открытию и освящению этого памятника.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ВЕЛИКОМУЧЕНИКАМ

За Царя, Отечество и Веру
Поднимали боевой Вы стяг,
И постигли преданности меру
Не нарушив воинских присяг.

В вихре войн и революций долго
Сотрясало Родину мою.
Вы же сохранили чувство долга,
Оставаясь в воинском строю.

И вдали от Родины далёкой
Не растратив душ своих огня,
В Сербии родной предельно стойко
Продолжали долг свой исполнять.

Это чудо занесём в скрижали:
Создан Корпус в лихолетье бед.
И в стенах его Вы продолжали
Молодых воспитывать кадет.

Пусть поразбросало нас по свету,
Пусть прошло уже так много лет,
Не согнуться под судьбой кадету,
Если воспитали Вы кадет!

В час войны, и грозный и суровый,
Чашу скорби выпили до дна.
Но к страданиям были Вы готовы,
Ведь Россия-матушка одна!

За неё Вы гибли, офицеры,
Славные герои-храбрецы,
Не утратив гордости и веры,
Наши воспитатели-отцы!

Вас венцом терновым увенчали,
Те, кому вовек гореть в аду,
Немощных и старых убивали,
Не сломив ни Честь, ни Русский Дух.

Пусть Господь да упокоит души,
За страданье Ваше – в небесах,
Пусть ничто покой Ваш не нарушит
В ангельских поющих голосах.

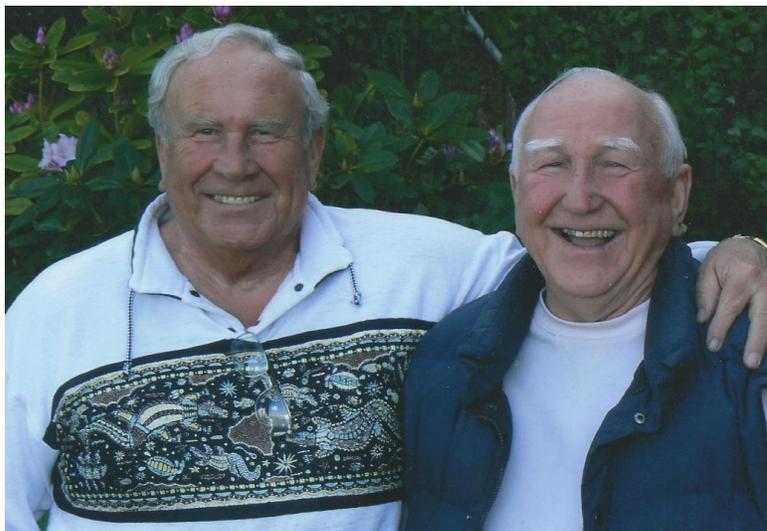
Подвиг Ваш живёт, не канул в Лету.
Незабвенна память, господя!
Первый Русский Корпус для кадеты –
Как святыня – ныне и всегда.

Так хочется верить, что на нашей грешной земле настанут другие времена, когда:
ДОБРО ВОЗЬМЁТ ВЕРХ НАД ЗЛОМ!

«НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ!»

Изречение Святого Благоверного Князя Александра Невского.
Эта высшая всенародная вера в ПРАВДУ воспринималась народами России
во все времена, особенно в кадетских корпусах,
где вера и нравственность воспитывались в кадетях с ранних лет.

ДА ХРАНИТ ГОСПОДЬ БОГ РОССИЮ – НА ВЕКИ ВЕЧНЫЕ!

Мы желаем:
 Патриотам Отечества -
 нерушимого вечного
 мира, душевного покоя и
 духовного спокойствия,
 здоровья и материального
 благополучия!

**ВЕЧНЫЕ КАДЕТЫ
 СЕРГЕЙ И АЛЕКСЕЙ
 ЕРМАКОВЫ.**

**Кадетский участок на Сербском кладбище в пригороде Сан Франциско.
 Здесь почил плечом к плечу Российские кадеты.**

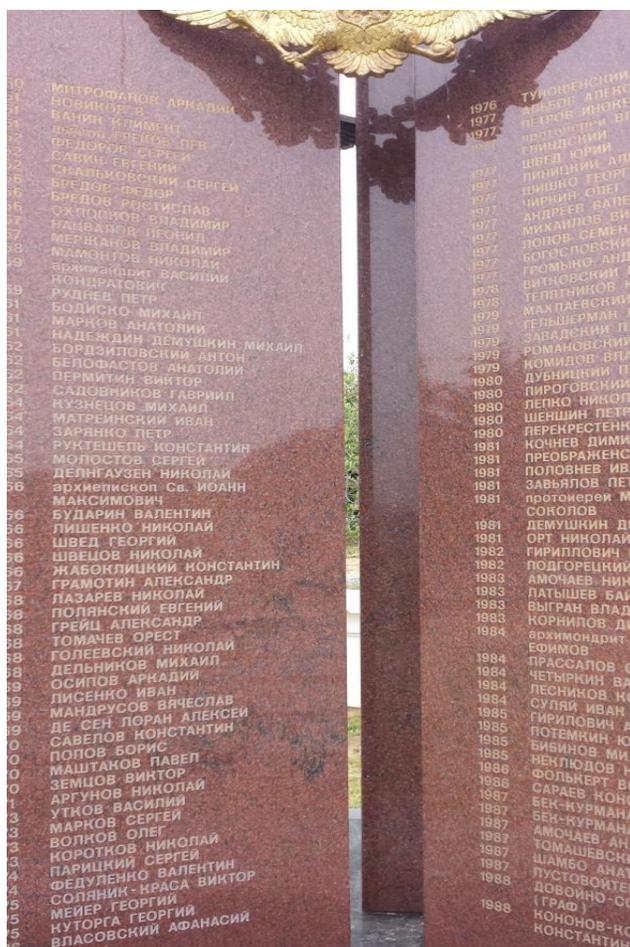
Память храбрых мы почтим: на нетленные скрижали имена их начертим.

Братья! Все в одно моление души Русския сольем.

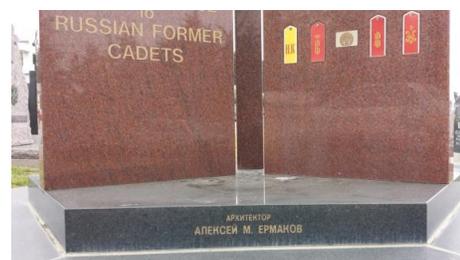
Кадеты стояли на страже Веры, Чести и Традиций во имя Доблести, Добра и Красоты.

Верим мы: огонь ведь Правды не угас, придут иные годы.

Указываю на имена трёх братьев Ермаковых.

Я был рад закончить мою ответственную работу по созданию памятника кадетам С.Ф. Объединения.

Мой сын Гриша с Лори и я у могилы ЕРМАКОВЫХ.

Заключение повести.

В изгнании семья **ЕРМАКОВЫХ** сохранила свою Русскость до гробовой доски. Мать Зоя Павловна (дев. фамилия Юмашева), сестра милосердия – Георгиевский Кавалер. Отец Михаил Матвеевич – военный врач, потерял ногу во Второй мировой войне. Старший брат Валентин Михайлович – профессор патологоанатом, вечный кадет. Все трое скончались в Америке.

Царствие им Небесное!

Да будет пухом чужая земля!

Средний брат Алексей Михайлович, архитектор,
Младший брат Сергей Михайлович, инженер,
вечные кадеты.

Прошу содействия у братьев кадет разослать мою книгу всем тем, кому интересно будет с ней познакомиться в электронном формате – эта версия позволяет вам увеличивать и уменьшать размер шрифта и картинок на экране монитора. Она предназначена для дальнейшего распространения её среди друзей единомышленников и знакомых. Прошу разослать её по кадетским корпусам, суворовским и нахимовским училищам и другим учебным заведениям по вашему усмотрению. Если у вас есть предыдущая версия этой книги, пожалуйста, замените её на эту, окончательную версию.

САН-ФРАНЦИСКО, КАЛИФОРНИЯ, США, 2017 ГОД